

RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131-6141 (Print)
ISSN 2619-0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2021. Т. 82. № 3

Емшан

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился;
Сырчан в донских залег мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся.

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом, —

Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрок сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрок без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает, —
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких, —

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его, велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целую, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногую дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждет он — скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

(К статье Б. Г. Бобылева)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 82

3

2021

Главный редактор

Наталья Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Зам. главного редактора

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Компьютерная верстка

К. В. Морозов

Переводчик

Т. А. Протасов

Редактор перевода

Н. Г. Попова

Корректор

Т. Ю. Смирнова

Редакционный совет

Харри Вальтер, д-р филол. наук, профессор, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, д-р филол. наук, лектор, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, д-р филос. наук, канд. пед. наук, член-корреспондент РАО, профессор, научный руководитель, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, д-р пед. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Борис Юстинович Норман, д-р филол. наук, профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Сергей Саядович Оганесян, д-р пед. наук, профессор, государственный советник РФ 1-го класса, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Ильдико Палоши, PhD, старший преподаватель, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошевич, профессор, Грацский университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, д-р пед. наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев, д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор, г. Орел, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, д-р филол. наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, канд. пед. наук, научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, д-р пед. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Людмила Геннадьевна Ларионова, д-р пед. наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Васильевна Науменко, канд. филол. наук, доцент, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия

Наталья Викторовна Патроева, д-р филол. наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, канд. пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, канд. филол. наук, главный редактор, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, канд. пед. наук, учитель, школа № 1522 им. В. И. Чурина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Марина Робертовна Шумарина, д-р филол. наук, доцент, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-80108 от 31 декабря 2020 г.)
ISSN	0131–6141 (Print) 2619–0966 (Online)
Учредитель и издатель	ООО «Наш язык»
Адрес учредителя и издателя	Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: 8 (495) 671-09-85; сайт: https://www.rlash.ru/ ; e-mail: admin@rlash.ru
Типография	АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия
Подписано в печать	28.04.2021
Формат	70x100 ¹ / ₁₆
Бумага	офсетная
Печ. л.	8
Тираж	440 экз.
Заказ	
Подписка и распространение	Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Оформить подписку можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс П3896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информ-система», «Информнаука», ООО «ИВИС». Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: https://www.rlash.ru/ . Журнал «Русский язык в школе» входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки) (http://vak.ed.gov.ru/87). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования. Журнал «Русский язык в школе» индексируется в 16 российских и международных базах данных, в том числе ERIPPLUS, WorldCat и GoogleScholar. Издание охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, запрещается.

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 82

3

2021

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Computer Layout

Kirill V. Morozov

Translator

Timofey Protasov

Translation Editor

Natalia G. Popova

Corrector

Tatiana Yu. Smirnova

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer, Tampere University, Tampere, Finland

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Boris Yu. Norman, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Ildikó Pálosi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshevich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev, Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Oryol, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila G. Larionova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.),

Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

Name of the body that registered the edition	The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (certificate of 31.12.2020 PI No. FS77-80108)
ISSN	0131–6141 (Print) 2619–0966 (Online)
Founder and publisher	Company «Our Language»
Postal address founder and publisher	17 Bolshaya Andronovskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: 8 (495) 671-09-85; site: https://www.riash.ru/ ; e-mail: admin@riash.ru
Printing house	JSC «First Exemplary printing house», branch of «Chekhov Printing House», 1 Poligrafistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia
Signed for printing	28.04.2021
Format	70x100 ¹ / ₁₆
Paper	offset
Printed sheet	8
Edition	440 ex.
Ordering	
Subscription and distribution	The journal is distributed by subscription. Free price. A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), Ural-Press (index 73334), Pressinform, Inform-system, Informnauka, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at https://www.riash.ru/ . The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 10.02.01 – Russian language (Philological sciences); 13.00.02 – Theory and methods of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences) (http://vak.ed.gov.ru/87). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 16 Russian and international databases, including ERIHPLUS, WorldCat and Google-Scholar. The content is protected by the RF Law On Copyright and Neighbouring Rights of 09.07.1993 No. 5351-1. Any reproduction of materials published in the journal is prohibited.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Борисенко Н. А.</i> Что нужно знать учителю-словеснику о психологических особенностях поколения Z	7
--	---

Обсуждаем, спорим...

<i>Арутюнова Е. В.</i> Динамика орфографических норм современного русского языка и образовательный процесс	18
--	----

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Шутан М. И.</i> О работе с материалами словарей при изучении концептов на уроках русского языка	26
<i>Сульниченко В. Н.</i> Совершенствование процесса изучения имени числительного в VI классе путем применения алгоритмов. Часть I. Грамматические признаки рядов числительных и особенности их правописания и склонения	34

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Бобылев Б. Г.</i> «Всё ждёт он — скоро ль степь родная...»: стихотворение А. Н. Майкова «Емшан» (к 200-летию со дня рождения поэта)	44
<i>Панова Е. А.</i> Стихотворение Н. Гумилева «Я не прожил, я протомился...»: метафизические и поэтические смыслы (к 135-летию поэта)	53

Загадки текста

<i>Вороничев О. Е.</i> О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого	60
---	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Николина Н. А.</i> Типы дериватов-усечений в современной русской речи	69
<i>Петрова Н. А.</i> Динамические процессы в области частей речи в современном русском языке	75

Проблемы русской орфографии

<i>Иванова О. Е.</i> Семантико-орфографические заметки к современным правилам написания наречий (о наречиях с первой частью <i>впол-</i> и соотносительных с ними словосочетаниях <i>в + полX</i>)	82
---	----

В МИРЕ СЛОВ

<i>Кривоносов И. И.</i> О «сверхзадаче» К. С. Станиславского... (к истории употребления слова <i>сверхзадача</i> в русском языке)	92
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Васильева А. С.</i> Рецензия на книгу: Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ: CORPUS, 2020. 304 с. (Primus)	99
---	----

ХРОНИКА

<i>Абрамова Е. А., Кузнецова Е. А., Пименова М. Вас., Соколова О. И.</i> Международный круглый стол, посвященный выходу сборника очерков профессора В. И. Фурашова «Из истории отечественного языкознания: классики и современники»	103
Лидия Петровна Рупосова (1941–2021)	104

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Borisenko N. A.</i> What Does a Language and Literature Teacher Need to Know about the Psychological Traits of the Generation Z	7
--	---

Discuss and Dispute...

<i>Arutyunova E. V.</i> The Dynamics of the Spelling Standards of the Modern Russian Language and the Educational Process	18
---	----

METHODOLOGICAL MAIL

<i>Shutan M. I.</i> On the Use of Dictionary Materials when Studying Concepts at Russian Language Lessons	26
<i>Sulnichenko V. N.</i> Improving the Process of Learning Numerals in the 6th Grade by Applying Algorithms. Part 1. The Grammatical Signs of Types of Numeral and Features of Their Spelling and Declension	34

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Bobylev B. G.</i> "He Is still Waiting – when will the Native Steppe..." ("Vsyo Zhdet On – Skoro l' Step' Rodnaya..."): the Poem "Emshan" by A. N. Maikov (to the 200th Anniversary of the Poet's Birth)	44
<i>Panova E. A.</i> N. Gumilyov's Poem "I did not Live, I Spent..." ("Ya ne Prozhil, Ya Protomilsya..."): the Metaphysical and Poetic Meanings (to the 135th Anniversary of the Poet's Birth)	53

Text Secrets

<i>Voronichev O. E.</i> On the Lingual Nature of Punning Aphorisms by E. Krotky	60
---	----

LINGUISTIC NOTES

<i>Nikolina N. A.</i> The Types of Truncated Derivatives in Contemporary Russian Speech	69
<i>Petrova N. A.</i> The Dynamic Processes in the Parts of Speech in the Contemporary Russian Language	75

The Problems of Russian Spelling

<i>Ivanova O. E.</i> The Semantic Spelling Notes to the Contemporary Spelling Rules of Adverbs (on the Adverbs Starting with <i>vpol-</i> and the Correlated Phrases <i>v + vpolX</i>)	82
---	----

IN THE WORLD OF WORDS

<i>Krivososov I. I.</i> About the "Supertask" ("Sverhzadacha") of K. S. Stanislavsky... (about the History of the Word <i>Supertask</i> (<i>Sverhzadacha</i>) in the Russian Language)	92
--	----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Vasilyeva A. S.</i> Review of the Book by Fufaeva I. "How Women are Called. Feminities: History, Device, Competition". Moscow: AST: CORPUS, 2020. 304 p. (Primus)	99
--	----

CHRONICLE

<i>Abramova E. A., Kuznetsova E. A., Pimenova M. Vas., Sokolova O. I.</i> The International Roundtable on the Release of Essays by Prof. V. I. Furashov "From the History of the Russian Linguistics: Classics and Contemporaries"	103
<i>Lidia Petrovna Ruposova (1941–2021)</i> 	104

МЕТОДИКА И ОПЫТ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-7-17

Что нужно знать учителю-словеснику о психологических особенностях поколения Z

Наталья Анатольевна Борисенко

Психологический институт Российской академии образования, г. Москва, Россия,
borisenko_natalya@list.ru

Аннотация. В статье представлен психологический портрет цифрового поколения, охарактеризованы типичные черты современных учащихся, относящиеся к их когнитивному и личностному развитию, особенностям коммуникации, новым культурным практикам. Используются методы теоретического анализа и обобщения результатов релевантных научных источников, а также метод экстраполяции – перенос выводов, сделанных относительно поколения Z, на проблемы преподавания русского языка. Проанализированы психические процессы и феномены, в наибольшей степени подвергшиеся изменениям в связи с распространением цифровых технологий: мышление, память, смысловое чтение и понимание, речь. Обсуждаются феномены клипового мышления, транзактивной памяти, трансформаций речевого развития. Показано, как новые возможности и риски цифровизации порождают новые проблемы в обучении, в частности русскому языку. Приведены задания, направленные на развитие системного мышления, памяти, речи.

Ключевые слова: цифровое поколение, поколение Z, психологические особенности, обучение русскому языку

Для цитирования: Борисенко Н. А. Что нужно знать учителю-словеснику о психологических особенностях поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 7–17. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-7-17.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

What does a language and literature teacher need to know about the psychological traits of the Generation Z

Natalia A. Borisenko

Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
borisenko_natalya@list.ru

Abstract. This article describes a psychological portrait of the digital generation and characterizes the modern students' typical traits that relate to their cognitive and personal development, communication patterns, and new cultural practices. The author employs the methods of theoretical analysis and generalizing the results of relevant academic sources, as well as the method of extrapolation – the transfer of their conclusions about the Generation Z onto teaching the Russian language. Special attention is paid to the mental processes and phenomena that have been most affected by the spread of digital technology: cognition, memory, semantic reading and understanding, as well as speech. The author discusses the following phenomena: clip thinking, transactive memory, and transformations of speech development. The results show how the new opportunities and risks of digitalization create new problems in teaching the Russian language, in particular. In addition, the author provides the exemplary assignments aimed at the development of systemic thinking, memory, and speech.

Keywords: digital generation, Generation Z, psychological traits, learning Russian language

For citation: Borisenko N. A. What does a language and literature teacher need to know about the psychological traits of the Generation Z. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 7–17. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-7-17. (In Russ.).

Введение. Методика преподавания русского языка на всех этапах своего развития была тесно связана с психологией, с изучением процессов восприятия, мышления, понимания и запоминания учебного материала. Чтобы не потерять эту связь, оставаться на переднем крае науки, современная методика должна опираться на знания об особенностях познавательной сферы представителей интернет-поколения, нередко называемых «другими детьми».

Тезис о том, что дети XXI в. — «другие дети», появился практически одновременно со вступлением общества в цифровую эпоху¹. Но что конкретно стоит за определением «другие»? Кто они, сегодняшние школьники? Почему они по-другому воспринимают информацию, иначе понимают и запоминают материал? Почему не расстаются со своими гаджетами, часто невнимательны на уроках и через день забывают выученное накануне стихотворение? И как знание об особенностях «цифровых» детей может помочь учителю, в частности русского языка, эффективно и адекватно реагировать на происходящие изменения?

Цель статьи — представить психологический портрет цифрового поколения, дать анализ особенностей когнитивного и личностного развития современных подростков, опирающийся на релевантные научные источники.

Начнем с терминологии. Для обозначения поколения детей, родившихся в самом конце 1990-х — начале 2000-х гг., существует целый ряд терминов и образных, менее строгих наименований: «цифровые аборигены» (англ. *digital native* [Пренски 2001]), «цифровые с рождения» (*born-digital*), поколение Интернета (Internet Generation), цифровики, хоумлендеры (*homelanders* — «домоседы»), центениалы (*centennial* — «столетний»), «поколение снежинок» (*generation of snowflakes*) и, наконец, самый распространенный — «поколение Z» (*Generation Z*), «зеты» (в отличие от поколений Y и X). Общим для всех этих наименований

является отсылка к цифровой революции, новым цифровым технологиям как источнику изменений и указание на возраст. Как известно, сама теория поколений восходит к работам американских психологов Н. Хоува и В. Штрауса, создавших в 1991 г. теорию поколений [Howe, Strauss 1991], получившую широкое распространение как за рубежом, так и в России прежде всего в связи с особенностями последнего из поколений — Z. Почему представителям этого поколения уделяется такое большое внимание? Потому что это первое поколение на Земле, которое владеет цифровыми технологиями. За 40 000 лет существования человека разумного на Земле сменилось примерно 1600 поколений. Из них 1100 провели в пещере, 160 — умели читать и писать, и лишь одно владеет новейшими цифровыми технологиями, благодаря которым его и называют цифровым.

Знать особенности цифрового поколения важно не только психологам, социологам, экономистам, но и учителям-практикам, поскольку поколение Z — достаточно большая группа учащихся, практически вся школа, с I по XI класс. По данным компании Bloomberg, в 2019 г. численность Z превысила численность миллениалов (поколения Y) и составила треть (32 %) населения планеты².

Методы исследования. При составлении психологического портрета цифрового поколения использованы методы теоретического анализа и обобщения результатов релевантных источников, а также метод экстраполяции (перенос выводов, сделанных относительно поколения Z, на проблемы преподавания русского языка).

Результаты и обсуждение. Исследователи отмечают ряд особенностей представителей цифрового поколения. Эти особенности можно разделить на следующие группы: 1) *психологические*, относящиеся к познавательной сфере развития личности (восприятие, мышление, память, воображение, речь); 2) *эмоционально-волевые* (наличие сенсорного опыта, волевые усилия); 3) *социальные*

¹ Цифровая эпоха началась в 2002 г., когда совокупный объем цифровых носителей информации превысил тот же показатель аналоговых устройств [Профессионалы.ru [Электронный ресурс]. URL: https://professional.ru/Soobschestva/kompyuterno-oposredovannaya_kommunikaciya/obem_cifrovyyh_dannyx/] (дата обращения: 23.03.2021).

² A new report claims that Gen Z will account for 32 per cent of the global population by 2019 [Peter O. Millennials set to be outnumbered by Gen Z within a year. *Independent* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/millennials-gen-z-outnumbered-2019-global-population-demographic-bloomberg-a8502251.html>] (дата обращения: 23.03.2021).

(особенности социализации, виртуальной коммуникации) и др. В основу данного обзора положен **когнитивный принцип**, заключающийся в анализе тех изменений, которые относятся к познавательной сфере личности современных детей и подростков. Перечислим основные из психологических черт поколения Z:

- массовое и все более раннее овладение цифровыми технологиями;
- постоянное нахождение детей онлайн, нередко приводящее к экранозависимости и столкновению с широким кругом рисков онлайн-среды;
- многозадачность (по образному выражению А. Г. Асмолова, сегодня каждый ребенок, даже дошкольник, обладает эффектом Юлия Цезаря — он может решать одновременно несколько задач³);
- увеличение скорости восприятия информации при трудностях удержания внимания;
- предпочтение визуального контента текстовому виду доминирования визуальной информации в онлайн- и офлайн-пространстве;
- клиповое мышление;
- транзактивная память («эффект Google») — запоминание алгоритма получения информации, а не самой информации;
- проблемы с пониманием сложного и/или длинного текста и др. ([Вербицкий

2016; Нечаев, Дурнева 2016; Королева, Цейтлин, Проект 2013; Лысак, Белов 2013; Орлов 2019; Солдатова 2018; Digital Childhoods 2018]).

Перейдем к более подробному рассмотрению некоторых из перечисленных особенностей, и прежде всего тех психических процессов и феноменов, которые под влиянием новых технологий претерпевают у детей качественные и количественные изменения (мышление, память, восприятие, понимание, способность к речевому общению), а также **причинам** этих **изменений**.

Один из существенных параметров характеристики цифрового поколения — **время, проводимое в Интернете**. Известно, что за последние шесть лет оно выросло многократно (см. табл.). У многих «зетов» пребывание в Интернете равно половине или целому школьному дню, иногда достигая трети суток. Причем речь идет не о детях с выявленной компьютерной зависимостью, а об обычных подростках. В пересчете на класс это означает, что каждый второй ученик, пришедший на урок, вчера сидел в Интернете 3 ч, каждый пятый — 6 ч, а два-три человека — более 8 ч (см. табл. ⁴). В какой степени при таком онлайн-погружении учащиеся способны полноценно воспринимать материал — вопрос риторический.

Таблица

Интенсивность пользования подростками Интернетом (в %), 2019
The intensity of teenagers' using the Internet (%) (Table), 2019

Интенсивность	Подростки 12–13 лет	Подростки 14–17 лет
Низкая (в среднем 1 ч)	20	9
Средняя (3 ч)	51	40
Высокая (6 ч)	21	28
Гиперподключенность (9 ч)	8	23

Сегодня психологи констатируют, что дети живут не в двух реальностях (реальной и виртуальной), а в смешанной и даже во множественной. Между общением в «ВКонтакте», игрой и чтением учебника уже нет внешней разницы. Важно, однако,

не только то, сколько времени подростки проводят в Интернете, но и то, на что они его тратят. Анализ интернет-контента показывает, что для подростков это прежде

³ В. Путин — А. Асмолову: «Я ваши предложения поддерживаю!» // Психологическая газета. 11.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/7791/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Таблица составлена по материалам доклада Г. В. Солдатовой «Человеческие отношения цифровых поколений» (<https://disk.yandex.ru/d/qGYB9Ce-N5rBYg>). По данным ученого, в 2019 г. уже каждый второй подросток 14–17 лет проводил в Интернете в среднем 6 часов, а 20 % проводят в Сети не менее 9 часов в день.

всего поиск разнообразной интересной информации для личных целей (58 %), чтение новостей (54 %), поиск информации для учебы (47 %) и общение в соцсетях (43 %) [Медийный портрет 2018].

По мнению психологов, «интенсивная цифровая стимуляция от трех до восьми часов в сутки... значительной части российских подростков — активных интернет-пользователей — не может пройти бесследно для развивающихся психических процессов. Если до эпохи новых инфокоммуникационных технологий высшие психические процессы развивались в социальном взаимодействии взрослого и ребенка, самих детей между собой, то сегодня Интернет нередко оказывается в роли значимого посредника между ребенком и окружающим миром» [Солдатова, Рассказова, Нестик 2018: 26]. С точки зрения культурно-исторической психологии (школа Л. С. Выготского), *компьютер, смартфон, Интернет можно рассматривать как новые культурно-исторические орудия*, опосредующие нашу деятельность и наше общение. В свою очередь, пользование орудиями цифровой реальности находит отражение в развитии психических процессов (внимания, восприятия, мышления, памяти, воображения, речи), а также в структуре личности (ценностях, мотивации, поведении и т. п.) [Нечаев, Дурнева 2016: 38]. То, что влияние Интернета на эти процессы существует, уже нет никакого сомнения. Мнения ученых расходятся только в отношении оценки такого влияния. Однако если в первые годы становления киберпсихологии оно оценивалось как сугубо отрицательное или — реже — как положительное, то сейчас все чаще раздаются голоса в пользу безоценочного подхода (А. Е. Войскунский, Ю. М. Кузнецова, Г. В. Солдатова с сотр. и др.).

Обратимся непосредственно к тем психическим процессам и феноменам, которые в наибольшей степени подверглись изменениям в связи с распространением цифровых технологий (мышление, память, понимание, речь) и затронули те или иные стороны учебной деятельности представителей поколения Z.

1. Мышление. Когда говорят о когнитивных изменениях современных детей, чаще всего имеют в виду *клиповое мышление* и такие его особенности, как сиюминутность

восприятия, фрагментарность, высокая скорость обработки информации, снижение возможности обобщения и осмысления и др. Несмотря на то что о феномене клипового мышления начали писать еще в 1960-х гг., эмпирические исследования по этой проблеме практически отсутствуют, а некоторыми учеными ставится под сомнение сам факт его существования. Так, А. А. Вербицкий на основе традиционного определения мышления в психологии как процесса познавательной деятельности индивида, характеризующегося обобщенным и опосредованным отражением действительности, считает, что с этой позиции «клиповое мышление», строго говоря, вовсе не является мышлением [Вербицкий 2016: 11]. А. В. Микляева и С. А. Безгодова также считают более конструктивным говорить не о новом виде мышления, а об одном из когнитивных стилей обработки и интерпретации информации, который свойствен не всем пользователям Сети [Микляева, Безгодова 2016]. Заслуживает внимания исследование психологов, изучавших данный феномен в ситуациях, привычных испытуемым, — при просмотре клипов. Студенты 18–21 года смотрели видеоклипы известных зарубежных исполнителей, включающие упоминание событий мировой истории второй половины XX в. В результате исследования были выделены две группы: одна (численно большая) тратила меньше времени на поиск информации, давала большее количество ответов, часть которых зависела от содержания видеоряда и была неверной, и в меньшей степени была склонна структурировать информацию; другая — при больших затратах времени — была более склонна к тщательному поиску, отбору и последующему структурированию материала. Для первой группы как раз и характерны признаки клипового стиля восприятия информации, для второй нет [Там же].

Как бы ни относиться к феномену клипового мышления, оно действительно является важнейшим моментом в нашей интеллектуальной и культурной истории, моментом *перехода от линейной модели мышления к новой, сетевой*. Если при восприятии традиционного связного текста формируется некий контекст (контекст данного текста и контекст собственных знаний и опыта), то при клиповом мышлении понимание контекста затруднено, и в

результате клип не оставляет следов, читатель затрудняется в понимании причин и следствий явлений [Семеновских 2014: 8].

Клиповое мышление непосредственно сказывается на чтении. Школьникам все сложнее воспринимать классические книги XIX в. — большого объема, с неторопливым развитием сюжета. Многие подростки отдают предпочтение комиксам и графическим романам, в которых мир отражается фрагментарно, короткими, разрозненными порциями, представленными в ярких визуальных образах.

Возникает вопрос: что делать учителю-словеснику, принимающему во внимание особенности мышления современных школьников, как бы его ни называть — клиповым, сетевым, нелинейным? Потакать развитию новых форм мышления (путем использования дробных красочных слайдов на презентациях, показа видеороликов, фрагментации изучаемого материала и т. п.) или противостоять ему, снижать риски его возникновения?

Альтернативой клипового мышления является **системное мышление**, характеризующееся целостным восприятием предметов и явлений, установлением связей между ними, выявлением закономерностей. По отношению к обучению русскому языку здесь нет ничего нового. Как и в прежние, «доцифровые», времена, задачей учителя является формирование абстрактно-логического мышления средствами своего предмета.

Приведем некоторые задания, способствующие формированию системного мышления:

- сравнение и группировка фактов и явлений;
- извлечение из текста главной и второстепенной информации, информации, заданной в явном и неявном виде;
- расположение событий текста в нужной последовательности, с возможным указанием на причину и следствие, расстановка событий в обратном порядке;
- задания на истинность/ложность суждений (типа «Согласны ли вы?», «Верите ли вы?»);
- «расшифровка» предложения, т. е. вычерпывание из него всех возможных смыслов, а затем составление рассказа по предложению.

При этом чем необычнее будут объекты сопоставления, тем выше интерес

учеников. Так, вместо традиционного сравнения имени существительного и имени прилагательного можно предложить сравнить существительное и предлог, опираясь на существенные признаки понятий, а не на формальные, например длину слова (типичное утверждение «формалистов»: «Предлоги короче существительных»). Думаем, что у любого словесника в личной копилке имеется множество подобных типов заданий, выполнение которых поможет формированию важнейших мыслительных операций: сравнения, анализа, синтеза, абстракции, обобщения и конкретизации.

2. Мнемические процессы, свойственные цифровому поколению (запоминание, сохранение, воспроизведение информации), также претерпевают значительные изменения. Активные пользователи Интернета уверены, что смогут найти в Сети любую информацию за считанные секунды, поэтому запоминать ничего не нужно. Поисковики Интернета выступают для цифровых детей не только источником информации, но и значимым «другим», на память которого всегда можно положиться. Такую память ученые называют **транзактивной памятью** (англ. *transactive memory*). Она возникает при длительных отношениях в группах, члены которых начинают полагаться на память друг друга, а не на свою собственную (например, в игре «Что? Где? Когда?»). В паре «подросток—Интернет» таким «другим» выступает последний.

Особенностью транзактивной памяти является запоминание не самой информации, а места, где она находится (сайта, папки, файла), и пути к ней (так наз. **эффект Google**). В результате память становится не только неглубокой, но и «короткой», кратковременной. Фактически, человеку не нужно припоминать факты, теории и модели — достаточно «погуглить», чтобы через несколько секунд получить требуемую информацию. Пока ученые не понимают, является ли это ограничением или расширением возможностей человека (адаптацией к вызовам времени). Однако совершенно очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с тем, что память «гуляющих» людей другая по своему проявлению.

Привычка не стремиться запоминать прочитанную информацию — одна из самых пагубных привычек, присущих

представителям цифрового поколения. Многие из них не могут выучить таблицы умножения, формулы, стихи, иностранные слова, запомнить текст изложения и т. п., без чего невозможен никакой учебный процесс, а если выучивают, то тут же, едва ли не через несколько часов, забывают.

Ряд ученых опасается, что в долгосрочном периоде «эффект Google» может стать смертельно опасным для нашей цивилизации, так как покушается на одну из важнейших функций человеческого мозга — память. Художественной иллюстрацией проблемы может служить эпизод из повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее» (1-е изд. — 2009), описывающий урок истории в V классе:

И тут я поняла, что никогда в жизни не сдам этот экзамен. Я помню параграф учебника, я помню вопросы в конце, я помню, мы на компах самостоятельно делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный, и там правильного ответа нет, нужно было поставить галочку в клеточке «нет верного ответа». Но я вообще не помню, о чем там речь! Что-то про греков, что-то про Геракла... Он был крутой. Всё.

Я беспомощно смотрела на учителя⁵.

Это та самая выученная беспомощность, которая так характерна для части нынешних детей. В связи с этими особенностями «зетов» педагоги ищут разные пути, чтобы как-то противостоять «беспамятности» цифрового поколения. Один из приемов — поставить детей в ситуацию (реальную или вымышленную) отсутствия Интернета, необходимости полагаться на собственную память, а не на память поисковиков.

Обсуждая проблему памяти современных школьников, хотелось бы обратить внимание коллег (и самих учеников) на давнюю, но как нельзя более актуальную книгу С. Л. Соловейчика «Учение с увлечением», в частности на главу «Память», в которой он исследует природу и законы произвольной и произвольной (в терминологии автора «волевой») памяти, дает советы по развитию разных видов памяти.

Примеры заданий

Один из законов памяти: «Память удерживает только нужное!» Попросим учащихся составить перечень всего того, что,

по их мнению, является «нужным» для заучивания на уроках русского языка, зададим ряд наводящих (и провоцирующих) вопросов: «Нужно ли учить наизусть правила? Что важнее — понимать их *или* помнить в любое время дня и ночи? (Или, может быть, так: понимать *и* помнить?) В каких случаях можно полагаться на компьютерную проверку орфографии и пунктуации, а в каких это не поможет? Верно ли, что при написании слов типа *кошений*, (*не*) *большой*, (*по*) *старому*, *н(е, и)кто иной* всегда можно обратиться к онлайн-проверке?»

Обсуждать эти вопросы можно и в письменной форме, в виде небольших сочинений: «Когда Google (“Яндекс”) не помощник орфографии?», «Когда и как работает / не работает компьютерная проверка орфографии и пунктуации?», «Зачем знать наизусть глаголы-исключения, если со мной всегда смартфон?», «Что я знаю об “эффекте Google”?» и др.

В качестве материалов для сочинения можно предложить небольшой фрагмент из упомянутой книги С. Л. Соловейчика:

В дореволюционной гимназии очень много учили наизусть. Чтобы сдать экзамены на аттестат зрелости, надо было, например, знать наизусть девяносто шесть стихотворений и прозаических отрывков, в том числе одних только басен Крылова — двадцать, стихотворений и отрывков из поэм Пушкина — двадцать три... Можно по-разному относиться к этому, можно презрительно бросить: «Зубрежка». Но такая «зубрежка», хоть она и нелегка была, очень развивала память⁶.

Возможные темы размышлений к отрывку: «Гимназисты 1910 г. и учащиеся “цифровой” школы», «Запоминание и зубрежка», «Сколько стихотворений (отрывков из прозы, правил русского языка...) я знаю (способен выучить наизусть и за какое время)?». Цель подобных упражнений и высказываний — заставить представителей поколения Z задуматься над своими способностями, в частности над памятью, над тем, что теряет (и что приобретает) человек цифровой эпохи.

3. Смысловое чтение и понимание текста. Когнитивные изменения, вызванные постоянным нахождением онлайн, не могли не оказать влияния на различные виды

⁵ Жвалевский А., Пастернак Е. *Время всегда хорошее*. М.: Время, 2019. С. 24.

⁶ Соловейчик С. Л. *Учение с увлечением*. 2-е изд. М.: Детская литература, 1979. С. 90.

деятельности цифрового поколения, в том числе на чтение. Начнем с того, что время, проведенное в Интернете (прежде всего в соцсетях), — это «минус время» на чтение. Следствием многочасового (до трети суток) ежедневного «серфинга» в Сети является **сокращение доли чтения в структуре свободного времени детей и подростков**. Однако сказать, что современные дети не читают, нельзя. Специалисты утверждают, что «дети читают, но во многом делают это иначе, чем предыдущие поколения» [Чудинова 2018: 673]. Все большее распространение получает **чтение с экрана**. По данным В. П. Чудиновой, в Интернете либо с его помощью читают разную информацию треть младших школьников и 67 % подростков [Там же].

Педагогов и психологов волнует изменение характера чтения в процессе восприятия текста с экрана. Ввиду сложности проблемы цифрового чтения мы не будем останавливаться на этом вопросе. Отсылаем читателей к некоторым публикациям [Борисенко и др. 2020; Мелентьева 2018].

Обратим внимание на одну негативную тенденцию — перенос стратегий экранного чтения на чтение с листа. Известно, что основной стратегией, присущей цифровому чтению, является **чтение-сканирование** — быстрый поиск по ключевым словам, которые произвольно выделяются читателем. В результате читатель электронного текста не следует за автором, не воспринимает текст в авторской логической структуре, а находит свои связи, создавая при этом свою структуру. Если чтение с листа характеризуется такими свойствами, как достаточно медленная скорость, концентрация внимания и целостность восприятия, то чтение с экрана имеет прямо противоположные свойства: высокую скорость, отвлекаемость внимания на параллельную информацию, фрагментарность восприятия и др. Опасение со стороны ученых и учителей-практиков вызывает тот факт, что многие из этих свойств переносятся и на обычное традиционное чтение с листа, в том числе учебное. Школьникам все труднее концентрироваться на учебном тексте, он начинает читаться так же, как и текст информационного или развлекательного интернет-сайта.

Серьезные проблемы у современных детей и с **пониманием** текста, а не только

с его запоминанием. Многие подростки могут понять более-менее простой, достаточно короткий текст размером со страницу А4, но, если они сталкиваются с чуть более сложным и чуть более длинным текстом, объемом две-три страницы (об объемах в несколько сотен страниц не говорим), они начинают испытывать значительные трудности.

Эта проблема обсуждается научным сообществом не одно десятилетие. «Дети не понимают текст» — такой вывод ученые делали и в 1970-е, и 1990-е гг. Еще большие проблемы с пониманием у «цифровых» детей. Сошлемся на эксперименты Л. А. Мосуновой, которая изучала понимание школьниками художественного текста на протяжении последних 15 лет. В исследовании 2006 г. приведены следующие данные: адекватный уровень понимания характерен только для 9,4 % учащихся, частичное понимание наблюдается у 45,3 %, отсутствие актов смыслопонимания еще у столько же (45,3 %) [Мосунова 2006: 249]. Для сравнения приведем результаты эксперимента 2018 г.: владеют смысловым чтением 7 % учащихся; поняли информацию частично, в той или иной степени — 36 %; нулевой уровень смыслового восприятия информации характерен для 57 % [Мосунова 2020: 16]. Как видим, результаты ухудшились, каждый второй школьник не понимает текст, часто не воспринимая даже его сюжетный план. Исследование причин подобного непонимания является насущной задачей специалистов в области чтения, поскольку непонимание текста нередко приводит к его отторжению, к нежеланию читать.

Изучение форматов чтения, как традиционного, так и цифрового, во всех его составляющих (от восприятия текста до его интерпретации) требует разработки новых методологических подходов и новых способов работы с текстом, соответствующих изменившейся социокультурной ситуации развития детства и подростничества.

4. Речевое развитие. Учитель-словесник, безусловно, должен быть осведомлен не только о когнитивных изменениях, относящихся к мышлению и памяти, но и о речевых трансформациях, характерных для сегодняшних школьников. Часто, работая с пяти- или даже семиклассниками, педагоги отмечают задержку речевого развития, дислексию

и дисграфию или просто низкую скорость чтения (ниже 60 слов в мин) и ошибки понимания прочитанного при отсутствии выраженного диагноза. Эти проблемы не взялись ниоткуда, они результат затруднений и нарушений, уходящих корнями в раннее детство.

Психологи и коррекционные педагоги отмечают, что первые речевые особенности у нынешних детей заметны уже в первые годы жизни: сдвигаются возрастные рамки нормативного развития (по сравнению с прежними нормами), дети позже начинают говорить — примерно на год-полтора (с 2–2,5 лет ранее до 3–4 лет ныне). Причин здесь множество, но едва ли не основная — это сокращение общения матери и ребенка, обеднение эмоционального речевого воздействия и раннее освоение детьми гаджетов. (Никого уже не удивляет картинка с натуры: мама, гуляющая с коляской и с телефоном в руках, и двухлетний ребенок со смартфоном.) По данным психологов, современный дошкольник имеет не отдельное нарушение структурного компонента речи, например звукопроизношения, а комплексное отставание в развитии речевых компонентов. Если в середине 70-х гг. XX в. дефицит речи наблюдался только у 4 % детей среднего дошкольного возраста, то сегодня специальная логопедическая помощь нужна практически каждой группе детского сада. Так, массовое логопедическое обследование детей Пермской области показало, что 58 % старших дошкольников и 56 % первоклассников имеют системные некомпенсированные отклонения в речевом развитии [Андреева 2013]. Причина та же: «снижение ценности культуры слова в современной цивилизации, вытеснение ее видеокulturой» [Там же: 6]. Родители мало разговаривают с детьми, мало читают, мало рассказывают им, заменяя живое общение покупкой телефона и низкопробных книжек-игрушек с минимумом текста. Но даже если оставить в стороне логопедические проблемы, нельзя не отметить такие негативные тенденции в сфере речевого развития, как бедность и примитивность речи детей дошкольного и младшего школьного возраста, рассогласование речевого и когнитивного развития, по всей видимости, связанное с тем, что познавательная сфера ребенка формируется под влиянием невербальной, визуальной знаковой информации, нередко в отрыве от сенсорного и моторного опыта [Королева, Цейтлин, Проект 2013: 94].

Недоразвитость речи в дошкольном и младшем школьном возрасте отражается в более позднем, подростковом, возрасте. Любой словесник знает о таких речевых проявлениях, как **упрощение и обеднение речи** не на уровне культуры речи, как раньше, а на уровне речемыслительной деятельности, в частности обеднение эмоциональной стороны речи (функцию выражения чувств во многом взяли на себя смайлики), определенных тематических групп (названия сложных чувств и эмоций, нравственных понятий).

Не менее тревожной тенденцией является **сокращение доли устного общения за счет увеличения доли письменной электронной коммуникации**, результатом чего становится формирование особой функциональной разновидности речи — устно-письменной речи (прежде всего в интернет-среде), для которой характерен сетевой жаргон, обилие экспрессивных элементов, короткие простые нераспространенные предложения, восклицательные знаки, графические средства языка (смайлики), сокращения, нарушения орфографических, пунктуационных и иных норм и др.

Проблема «Детям все труднее говорить» нашла отражение в уже упоминавшейся повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее». Перескажем учащимся сюжет произведения и познакомим с одним из эпизодов.

Пример задания

1. Прочитайте фрагмент из фантастической повести «Время всегда хорошее» Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак. В основе сюжета — прием «путешествие на машине времени»: мальчик из 1980 г. оказался в 2018 г. (сама повесть написана в 2009-м) — в мире, где подростки почти разучились разговаривать, поскольку вся их жизнь происходит в Интернете. Перед вами диалог главного героя Вити Шевченко и его нового одноклассника Димы Мухина по прозвищу Ястреб.

Я обернулся. За спиной стоял маленький взъерошенный мальчишка.

— Давай в привате початимся!

— Стоп! Давай без привата! Он у меня... сломан. Давай мы так поговорим. Языком. <...>

— А... — сказал он. — Тогда понятно...

Видно было, что он очень хочет рассказать мне что-то важное, но слов не хватает. Пришлось задавать ему вопросы, угадывать ответы и вообще тормозить. Да еще у Ястреба

то и дело верещал телефон, и он ловко выхватывал его, бойко что-то набирал и опять прятал.

От этих пауз нить разговора рвалась, и я очень устал, зато узнал много интересного. Оказывается, на всех моя речь на математике произвела огромное впечатление. Никто не ожидал, что я смогу так бойко говорить. Я попытался уточнить, что тут такого удивительного, но Ястреб терялся и бормотал что-то вроде: «Ну как же... Это же не тест... Это же говорить».

— Вот если бы тесты, — вздохнул Ястреб, — тогда да. А тут у доски надо стоять. И говорить. У тебя получается. Ты как научился?

— Да никак, — честно ответил я. — Просто говорил, и все. Чем больше говоришь, тем легче.

— Да, — согласился Ястреб, задумавшись. А сколько надо в день тренироваться, чтобы... как ты?

Я обрадовался, но не подал виду.

— Два часа в день, — твердо сказал я, — мне врач так сказал. А лучше — три⁷.

2. Какую проблему поднимают в этом отрывке авторы повести? Как, по-вашему, в чем причина того, что Ястребу каждая фраза дается с трудом? Какие советы на месте Вити вы бы дали его собеседнику?

3. Напишите небольшое сочинение на одну из тем: «Разговор Вити и Димы», «Пропась между поколениями», «Трудно ли было общаться в детстве моим родителям? А бабушкам и дедушкам?» (для ответа на последний вопрос расспросите близких).

На вопрос «Какие советы на месте Вити вы бы дали его собеседнику?» сами пятиклассники отвечали так: «больше говорить», «отвечать на уроке связно, хотя бы одну минуту, у доски — 3–5 минут», «давать развернутые ответы», «делать меньше тестов», «писать маленькие и большие сочинения, даже если не хочется». Иными словами, школьники проголосовали за классические, проверенные временем формы развития речи, развернутые устные и письменные высказывания.

Заключение. Современное детство и подростничество формируются в новых социокультурных условиях, характеризующихся все возрастающим влиянием цифровых технологий, сменой носителей информации, вытеснением книжной культуры экранной, распространением новых форм обучения (дистанционного, смешанного и др.). Следствием этих и многих других

процессов стало изменение высших психических функций представителей цифрового поколения. Сегодня уже аксиомой можно считать тот факт, что нынешние дети в значительной мере отличаются от детей предыдущих десятилетий, что они «другие». У них кардинально другие способы восприятия информации, другой образ жизни, во многом другие ценности.

Приняв во внимание, что новые возможности цифрового мира диалектически порождают и новые проблемы, что использование цифровых технологий, с одной стороны, ведет к редукции базовых психических процессов (мышления, воображения, внимания, запоминания), а с другой — имеет несомненные позитивные эффекты (более широкие возможности для получения информации, творчества и самовыражения, способность к многозадачному мышлению, большую толерантность), мы должны признать: продолжать учить так, как раньше, как будто нет никаких изменений и «других» детей, невозможно. Отсюда — необходимость строить учебный процесс не просто «с учетом возрастных и физиологических особенностей обучающихся», а с опорой на указанные трансформации и изменившиеся нормы развития нового поколения.

Перестройка процесса обучения русскому языку в условиях начавшейся цифровизации общества и образования предполагает: 1) проведение фундаментальных и прикладных исследований, направленных на выявление закономерностей психического развития представителей цифрового поколения и учет этих закономерностей в освоении языка и речи; 2) повышение квалификации учителей в рассматриваемой проблемной области, включение в программу переподготовки блоков, касающихся специфики обучения цифрового поколения; 3) обсуждение «поколенческих» вопросов, возможностей и рисков цифровизации, включая риск деформации мышления и памяти, мировоззрения и ценностных ориентаций, в профессиональной методической печати.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Д. Особенности психологического развития дошкольников в современных цивилизационных условиях // Вестник Мининского университета. 2013. № 2 (2). С. 1–15.

2. Борисенко Н. А., Миронова К. В., Шишкова С. В., Граник Г. Г. Особенности цифрового

⁷ Жвалевский А., Пастернак Е. Указ. соч. С. 120.

чтения современных подростков: результаты теоретико-эмпирического исследования // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10, № 5. С. 28–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2005.02>.

3. *Вербицкий А. А.* «Цифровое поколение»: проблемы образования // *Профессиональное образование*. Столица. 2016. № 7. С. 10–13.

4. *Королева Н. Н., Цейтлин С. Н., Проект Ю. Л.* Когнитивное и речевое развитие ребенка в условиях современного российского общества // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2013. № 4. С. 91–98.

5. *Лысак И. В., Белов Д. П.* Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // *Известия ЮФУ. Технические науки*. 2013. № 5. С. 256–264.

6. *Мелентьева Ю. П.* Цифровое чтение как технология обучения и образования // *Библиография и книговедение*. 2018. № 5 (418). С. 47–51.

7. *Микляева А. В., Безгодова С. А.* Экспериментально-психологическое исследование «клипового мышления»: результаты апробации программы эксперимента // *Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Психология»*. 2016. № 17. С. 59–67.

8. *Мосунова Л. А.* Риски цифровизации образования // *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы*. 2020. № 7. С. 14–18. DOI: 10.36535/0548-0019-2020-07-2.

9. *Мосунова Л. А.* Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов. М.: Пер Сэ, 2006.

10. *Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е.* «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // *Педагогика*. 2016. № 1. С. 36–45.

11. *Орлов А. А.* Портрет «сетевой личности» в контексте теории поколений // *Педагогика*. 2019. № 10. С. 5–16.

12. *Пренски М.* Аборигены и иммигранты цифрового мира // *Horizon*. MCB University Press. 2001. Т. 9, № 5. С. 9–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).

13. *Семеновских Т. В.* Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2014. № 5 (24) [Электронный ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-5-14> (naukovedenie.ru) (дата обращения: 23.03.2021).

14. *Солдатова Г. В.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме:

изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308.

15. *Солдатова Г. В., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд., стер. М.: Смысл, 2018. 374 с.

16. *Чудинова В. П.* Чтение и литературные предпочтения школьников поколения Z: социокультурный контекст // *Обсерватория культуры*. 2018. Т. 15, № 6. С. 668–681. DOI:10.25281/2072-3156-2018-15-6-668-681.

17. Медийный портрет подростка двухтысячных годов / С. Б. Цымбаленко. М.: ООДО «Лига юных журналистов», 2018. 72 с.

18. *Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives* / Danby S., Fleer M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Springer, 2018. Vol. 22. 287 p. DOI:10.1007/978-981-10-6484-5.

19. *Howe N., Strauss W.* *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company, 1991.

REFERENCES

1. *Andreeva A. D.* Psychological development of preschoolers in modern civilization conditions. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2013. No. 2. P. 1–15. (In Russ.).

2. *Borisenko N. A., Mironova K. V., Shishkova S. V., Granik G. G.* Characteristics of modern adolescents' digital reading: Results of theoretical and empirical research. *Science for Education Today*. 2020. Vol. 10, No. 5. P. 28–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2005.02>. (In Russ.).

3. *Verbitskiy A. A.* "Digital generation": education problems. *Professional'noe obrazovanie. Stolitza = Professional education. Capital*. 2016. No. 7. P. 10–13. (In Russ.).

4. *Koroleva N. N., Tseitlin S. N., Proekt Yu. L.* Cognitive and speech development of a child in the conditions of modern Russian society. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta = Universum: Bulletin of Herzen University*. 2013. No. 4. P. 91–98. (In Russ.).

5. *Lysak I. V., Belov D. P.* The influence of information and communication technologies on peculiarities of cognitive processes. *Izvestiya YUFU. — Tekhnicheskie nauki = Proceedings SFedU. Engineering sciences*. 2013. No. 5. P. 256–264. (In Russ.).

6. *Melent'eva Yu. P.* Digital reading as a technology of training and education. *Bibliografiya i knigovedenie = Bibliography and bibliography*. 2018. No. 5 (418). P. 47–51. (In Russ.).

7. *Miklyayeva A. V., Bezgodova S. A.* Experimental psychological research of "mosaic thinking": the results of testing of the experiment program. *Izvestiya*

Irkutskogo gos. un-ta. Seriya "Psihologiya" = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology. 2016. No. 17. P. 59–67. (In Russ.).

8. Mosunova L. A. Risks of digitalization of education. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty = Scientific and technical information processing. Series 1: Organization and methodology of information work.* 2020. No. 7. P. 14–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.36535/0548-0019-2020-07-2>. (In Russ.).

9. Mosunova L. A. The structure and development of the semantic understanding of literary texts. Moscow: "Per SEH"; 2006. (In Russ.).

10. Nechaev V. D., Durneva E. E. "Digital generation": psychology and pedagogical research of a problem. *Pedagogika = Pedagogy.* 2016. No. 1. P. 36–45. (In Russ.).

11. Orlov A. A. The profile of network-related personality in the context of the theory of generations. *Pedagogika = Pedagogy.* 2019. No. 10. P. 5–16. (In Russ.).

12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *Horizon. MCB University Press.* 2001. Vol. 9, No. 5. Available from: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>. (accessed: 23.03.2021). (In Russ.).

13. Semenovskikh T. V. The phenomenon of clip-thinking in the educational high school environment. *Internet-zhurnal "Naukovedenie" =*

The Eurasian scientific journal, [online]. 2014, no. 5(24). Available from: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-5-14> (accessed: 23.03.2021). (In Russ.).

14. Soldatova G. V. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society.* 2018. Vol. 9, No. 3. P. 71–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2018090308>. (In Russ.).

15. Soldatova G. V., Rasskazova E. I., Nesitik T. A. The digital generation of Russia: competence and safety. 2th ed., ster. Moscow: Meaning; 2018. 374 p. (In Russ.).

16. Chudinova V. P. Reading and literary preferences of generation z schoolchildren: socio-cultural context. *Observatoriya kul'tury = Observatory of culture.* 2018. Vol. 15, No. 6. P. 668–681. DOI: <http://dx.doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-6-668-681>. (In Russ.).

17. Tsybalenko S. B., Makeev P. S. Media portrait of a teenager in the 2000s. Moscow: OODO "League of Young Journalists"; 2018. 72 p. (In Russ.).

18. Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives / Danby S., Fler M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Springer, 2018. Vol. 22. (In Engl.).

19. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Анатольевна Борисенко, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, группа психологических основ построения школьных учебников, Психологический институт Российской академии образования

Natalia A. Borisenko, Cand. of Sci. (Philol.), Group of Psychological Foundations of Building School Textbooks, Psychological Institute, Russian Academy of Education

Статья поступила в редакцию 22.01.2021; одобрена после рецензирования 27.01.2021; принята к публикации 01.03.2021.

The article was submitted 22.01.2021; approved after reviewing 27.01.2021; accepted for publication 01.03.2021.

ОБСУЖДАЕМ, СПОРИМ...

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-18-25

Динамика орфографических норм современного русского языка и образовательный процесс**Елена Вячеславовна Арутюнова***Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия, arutyunova.elena@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются два аспекта динамики орфографических норм современного русского языка: собственно лингвистический – в чем проявляется динамика узальной и кодифицированной орфографической нормы – и методический – как в методике преподавания должны отражаться живые языковые процессы. Предлагается четыре направления совершенствования содержания школьного курса русского языка, обусловленные динамикой кодифицированной нормы: 1) расширение изучаемого языкового материала за счет новых слов с устоявшейся нормой написания, уже достаточно закрепившихся в русском языке; 2) уточнение формулировок правил, пополнение списка исключений с опорой на академические правила; 3) учет перекодификации, неизбежной для живого языка; 4) повышение уровня лексикографической грамотности, в частности знакомство с академическими орфографическими словарями. Делается вывод о том, что методика преподавания орфографии в школе должна строиться с учетом признания школьного обучения фактором функционирования системы письма. Обучение письму, опирающееся на актуальную политику кодификации, поддерживает традиционную систему русского письма, способствует укреплению системных свойств орфографии и стабилизации нестабильных участков орфографической системы.

Ключевые слова: орфографическая норма, динамика нормы, орфография, перекодификация, методика правописания (орфография)

Для цитирования: Арутюнова Е. В. Динамика орфографических норм современного русского языка и образовательный процесс // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 18–25. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-18-25.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The dynamics of the spelling standards of the modern Russian language and the educational process**Elena V. Arutyunova***Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, arutyunova.elena@gmail.com*

Abstract. This article studies two aspects of the changing orthographical norms of the contemporary Russian language: the linguistic one, which shows how the dynamics of the usual and codified orthographical norms are manifested, and the methodical one – how teaching methods should reflect the living language processes. The author proposes four directions for improving the content of the school course of the Russian language, conditioned by the changes in the codified norms: 1) expanding the studied language material with new words with a settled spelling norm and already fixed in the Russian language; 2) clarifying the rules' formulations and updating the list of exceptions following the academic rules; 3) calculating the recodification, inevitable for the living language; 4) improving the lexicographical literacy, in particular, the knowledge of academic orthographical dictionaries. The author concludes that the method of teaching spelling in schools should rely on recognizing the school education as a factor in the functioning of the writing system. Teaching writing, if it follows the contemporary codification policy, supports the traditional system of Russian writing; it also contributes both to strengthening the system properties of orthography and to stabilizing the unstable sections of the orthographical system.

Keywords: spelling norm, changing norms, spelling, recodification, spelling methods

For citation: Arutyunova E. V. The dynamics of the spelling standards of the modern Russian language and the educational process. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 18–25. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-18-25. (In Russ.).

Основные понятия теории орфографии, связанные с представлением о динамике орфографической нормы

Современная теория орфографии опирается на представление о письме как саморазвивающейся системе, находящейся в постоянном движении (см. об этом, напр.: [Пиотровский 1966; Некипелова 2014; Бешенкова, Иванова 2016]). В современной теории орфографии принято различать два типа нормы — узуюальную и кодифицированную. **Узуальная орфографическая норма** (далее — УН) — это совокупность наиболее устойчивых традиционных написаний, отобранных и закреплённых общественной письменной практикой [Бешенкова, Иванова 2016: 18]. Отбор написаний из ряда возможных, предоставляемых графической системой, происходит под воздействием различных факторов — как объективных, внутренних, собственно языковых, так и внешних, субъективных, к которым можно отнести, в частности, деятельность лингвистов-кодификаторов, корректирующих спонтанное развитие системы и направляющих ее к планируемому ими состоянию. Совокупность написаний, закреплённых лингвистами в качестве нормативных, составляет

кодифицированную орфографическую норму (далее — КН).

УН проявляет себя в частотности употребления в узусе грамотных носителей языка. Проиллюстрируем это примером. В XIX — начале XX в. словарями отмечались орфографические варианты *итти* и *идти*, которые конкурировали на письме¹. Оба варианта имели лингвистические основания. Я. К. Грот писал, что краткость исторического корня *-и-* дала повод для удвоения следующего за ним звука, что позволило «сильнее опереться на согласный между двумя *и*» [Грот 1894: 73]; действие морфемного принципа орфографии привело к единообразному написанию корня в личных формах и в инфинитиве: под влиянием форм *иду*, *идешь*, *идет* и др. появился вариант *идти*. Именно этот вариант был кодифицирован первым академическим орфографическим словарем русского языка в 1956 г. Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ) позволяет увидеть, что лингвисты зафиксировали в словаре УН (рис.) и после этого форма *итти*, признанная ненормативной, употреблялась в печати крайне редко, т. е. кодификация устранила колебания².

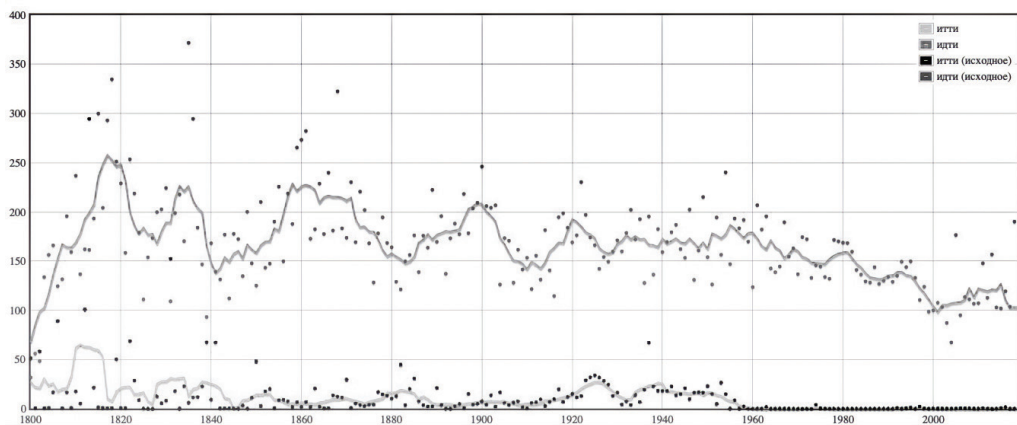

Рис. Распределение по годам в НКРЯ форм *идти* и *итти* по данным на 20 ноября 2020 г.³

Fig. The distribution of the forms *идти* and *итти* (go) in the Russian National Corpus by years as of 20 November 2020

¹ См., например, Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1945 гг.).

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.02.2021).

³ *Итти* найдено в 967 документах, 2633 вхождения; *идти* в 11 542 документах, 47 602 вхождения.

Безусловно, из сказанного выше не стоит делать вывод о том, что КН определяет лингвистами исключительно по частоте употребления. Факторов, влияющих на выбор нормы, значительно больше. «Языковые нормы, особенно нормы такого развитого литературного языка, как русский язык, — это явление более сложное и многоаспектное, отражающее и общественно-эстетические взгляды на слово, и внутренние, независимые от вкуса и желаний говорящих закономерности языковой системы в ее непрерывном развитии и совершенствовании» [Горбачевич 1989: 29]. Выбор варианта *идти* в первую очередь был обусловлен системными свойствами русской орфографии. Для того чтобы кодифицировать тот или иной вариант написания, лингвисты рассматривают широкий спектр факторов — как собственно лингвистических, в которые входит УН, так и внелингвистических.

Сейчас орфографическая норма кодифицируется орфографическим словарем и правилами, в прошлом в качестве источников кодификации выступали также грамматика и учебники. Функция учебников сегодня исключительно дидактическая, учебники знакомят с орфографической нормой, но не устанавливают ее. В грамматиках же описывается грамматическая система русского языка, при этом языковой материал берется также в «готовом» орфографическом виде.

В отечественной науке хорошо разработана теория и накоплен большой практический опыт кодификации, существует длительная лексикографическая традиция. Определение нормы — эта большая многотрудная работа, которая ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН со времени его основания в середине XX в.

С 1956 г. средствами кодификации русской орфографии стали академический «Орфографический словарь русского языка» (выдержал 33 издания, последнее вышло в 1999 г., последнее исправленное и дополненное — в 1991 г.)⁴ и «Правила русской орфографии и пунктуации»⁵. На рубеже XX–XXI вв. преемником «Орфографического

словаря русского языка» стал «Русский орфографический словарь» РАН⁶. Правила 1956 г., утвержденные на государственном уровне, сохраняют свою актуальность, хотя свод содержит много лагун и некоторые его предписания устарели. Отчасти восполняет эти недостатки полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина, вышедший в 2006 г. и с тех пор многократно переиздававшийся⁷. Наиболее подробные, детальные правила орфографии с полными списками исключений сейчас разрабатываются орфографистами ИРЯ РАН и публикуются в разных источниках — книгах, журналах, размещаются на академических электронных ресурсах⁸. Актуальная КН представлена в Интернете на академическом орфографическом ресурсе «Академос»⁹ и в информационно-поисковой системе «Орфографическое комментирование русского словаря»¹⁰.

Продолжая рассуждения о динамике орфографической нормы, определим, как соотносятся УН и КН. Сейчас для большинства написаний они совпадают, но полное их совпадение невозможно. Расхождение УН и КН, с одной стороны, связано с тем, что письменная форма языка, как и язык в целом, постоянно находится в движении, а значит, подвержена естественным изменениям и УН. Кодификация

⁶ Русский орфографический словарь. М., 1999–2018 (РОС).

⁷ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник: одобрено Орфографической комиссией РАН / отв. ред. В. В. Лопатин; РАН, Отд. историко-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 2006. 478 с.

⁸ См., например: Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями: учеб. пособие. Тамбов: ТОГАОУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 187 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruslang.ru/ortho> (дата обращения: 28.02.2021).

⁹ Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 28.02.2021).

¹⁰ Орфографическое комментирование русского словаря / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова, Е. В. Тенькова [Электронный ресурс]. URL: <http://oross.ruslang.ru> (дата обращения: 28.02.2021).

⁴ Орфографический словарь русского языка. М., 1956–1999.

⁵ Правила русской орфографии и пунктуации: утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. обр. СССР и М-вом просвещ. РСФСР. М., 1956. 176 с.

может отставать от УН, отчасти сдерживая ее изменения. С другой стороны, кодификация может опережать письмо. Кодификаторы сознательно воздействуют на письмо, следуя избранной политике кодификации. Сейчас язык активно заимствует новую лексику, в связи с этим языковая система, в том числе и орфография, испытывает сильное давление извне. В этих условиях политика кодификации направлена на сохранение системности русского письма в целом, поддержание существующего варианта системы [Бешенкова, Иванова 2016: 40]. Поэтому орфографический словарь может предписывать не тот вариант, который принят узусом сейчас, а тот, к которому по прогнозу лингвистов узус придет позже, тот вариант, который будет поддерживать системность русской орфографии. Приведем пример.

Исходя из целей кодификаторской деятельности, в начале 2000-х гг. в «Русском орфографическом словаре» были зафиксированы формы без этимологически оправданных удвоенных согласных *блогер, блогинг, шопинг* (ср. с англ.: *blogger, blogging, shopping*). Написание этих слов с удвоенной согласной на момент фиксации в узусе существенно преобладало, однако можно было ожидать, что через какое-то время формы с одиночным согласным станут УН: в русском языке появились слова *блог и шоп*, которые выступили словообразовательно мотивирующими для слов типа *блогинг*, а также новые производные *блого-сфера, шопоголик* и под. Прогноз лингвистов оправдался. Например, форма *блогер* встречается в Яндекс-новостях более чем в 74 тысячах статей, а *блоггер* — в 6384 (данные на 26.01.2020).

Значение КН для общества чрезвычайно велико: она обеспечивает стабильность и единство орфографической системы, а значит, единство коммуникации на всей территории употребления русского языка, во всех социальных ярусах и на протяжении длительного периода [Иванова 2017: 418]. Стремление сохранить коммуникативную и культурную преемственность находит выражение в требовании общеобязательности КН. Именно КН обучают в школе, способствуя проведению единой орфографической политики. Общеобязательность

норм и их кодификация — существенные признаки литературного языка¹¹.

В ортологии и в методике преподавания отклонение от нормы рассматривается как языковая ошибка. Орфографическая ошибка — это отклонение от КН, т. е. от нормы зафиксированной, данной нам не в мнениях, а в однозначных предписаниях орфографического словаря и правил. Таким образом, кодификация — это прочный фундамент, надежное основание не только для определения содержания образовательного процесса, но и для оценки его результатов.

Динамика узуальной и кодифицированной орфографической нормы

Обычно динамику нормы, после того как норма сформировалась, понимают как ее изменение. Происходит ли изменение нормы в орфографии?

Орфографическая система современного русского языка в целом характеризуется стабильностью нормы. Во многом эта стабильность поддерживается кодификацией, единой школьной системой обучения КН, наличием большого корпуса востребованных обществом грамотных текстов, работой редакторско-корректорской службы, сформированным в обществе уважительным отношением к языку в целом и к национальным языковым нормам в частности.

Однако и в стабильной орфографии происходят изменения. В УН они оказываются результатом действия живых языковых процессов или социальных факторов. Кодификаторы постоянно наблюдают за УН, определяют исторические тенденции, действующие в письме, оценивают возможное влияние каждого из конкурирующих вариантов на систему орфографии и — только при наличии весомых оснований — отражают эти изменения в словарях и правилах, иногда принимается решение дать слову другое написание. Такая деятельность лингвистов называется *перекодификацией*.

Создатели академического «Орфографического словаря русского языка» на протяжении долгих лет практиковали перекодификацию отдельных слов. Так как

¹¹ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 222.

большая часть жизни этого словаря пришлась на период относительно стабильного состава лексики, объем изменений был совсем невелик, перекодификация не затронула области письма, традиционно изучаемые в школе, и проблема, заявленная в теме настоящей статьи, не возникала.

Приведем примеры перекодифицированных слов, которые сейчас привлекают внимание в связи с изменениями в содержании школьного курса орфографии¹²:

зорянка 1956 → *зарянка* 1974;
розыскной (от *розыск*) 1956 → *разыскной* (добавлено *разыскник*) 1991;
каратэ 1974 → *карате* 1991;
фрайер 1974 → *фраер* 1991;
постриженник 1956 → *постриженник* 1974;
естественнонаучный 1956 → *естественно-научный* 1991;
лиро-эпический 1956 → *лироэпический* 1991 → (*лиро-эпический*, РОС);
народнохозяйственный 1956 → *народно-хозяйственный* 1991;
церковнославянский 1956 → *церковно-славянский* 1991 → (*церковнославянский*, РОС);
первобытнообщинный 1956 → *первобытно-общинный* 1991.

Конец XX и начало XXI в. — период быстрого и значительного пополнения лексического фонда русского языка. Общество нуждалось и сегодня нуждается в кодификации новых слов, к лингвистам постоянно обращаются с вопросом, как правильно писать то или иное новое актуальное слово. В конце XX в. перед кодификаторами встала непростая задача — в довольно сжатые сроки оценить значительный объем неологизмов, освоение которых (не только орфографическое, но и лексическое, грамматическое) — живой процесс. В ходе накопления опыта практической кодификации учеными была выстроена теория этой работы. Лингвисты изучают новое слово, его индивидуальную историю, группу слов со сходными языковыми признаками, учитывают разнообразные факторы, влияющие на формирование

нормы, — и только после этого фиксируют слова в словаре, добавляют в качестве иллюстраций в правила. По сравнению с «Орфографическим словарем русского языка» объем словника «Русского орфографического словаря» вырос в два раза и сейчас составляет более 200 000 слов и словосочетаний. Но в живом как жизнь языке уже после словарной фиксации возможно появление новых факторов (например, новых заимствований), которые могут изменить УН. В таких условиях, как пишет О. Е. Иванова, «трудно бывает нащупать верный путь для фиксации слова в словаре», поэтому «перекодификация вполне ожидаемо используется чаще» [Иванова 2018: 132–133].

В «Русском орфографическом словаре» перекодификация коснулась в основном новых слов, а также затронула отдельные слова, имеющие длительную словарную фиксацию, написания которых были подведены под правила. Приведем примеры изменений:

зоревать → *заревать*; *зоровой* → *заревой*;
руккола → *рукола*;
мелочёвка → *мелочовка*;
плейер → *плеер*;
тундреный → *тундренный*;
деланный (прил., «неестественный») → *деланый*, *деланность* → *деланость*;
считанный (прил., «малый по количеству») → *считаный*;
звуко-буквенный 1991 (ОСРЯ) → *звукобуквенный* 1999 → *звуко-буквенный*;
особоодаренный → *особо одаренный*;
шоу-рум → *шоурум*;
плей-лист → *плейлист*;
мини-маркет → *минимаркет*.

Сегодня при разработке учебных материалов важно учитывать, что орфографический словарь пополняется словами разных сфер употребления. Неологизмы нашего времени — это не только узкоспециальная терминология, профессионализмы, слова разговорной речи, которые не претендуют на включение в обучающие материалы для школьников, но и актуальные стилистически нейтральные слова, которые мы все активно используем в своей письменной речи и хотим писать правильно.

Кодификация новых слов и перекодификация происходят прежде всего в нормативных словарях. Но есть еще одна форма кодификации, в которой динамика нормы проявляется особым образом. Это правила.

¹² Цифры при первом слове обозначают год издания словаря, в котором слово было кодифицировано впервые, цифры при последующих словах — год издания словаря, в котором произошла перекодификация. В скобках указаны написания, рекомендуемые «Русским орфографическим словарем», если они отличаются от рекомендаций 1991 г.

Новые слова постепенно попадают в правила в качестве иллюстративного материала. Но динамика КН в правилах проявляется не только в этом. В настоящее время правила проходят проверку на всем объеме зафиксированных в академическом словаре слов. Выявляется не учтенный в правилах языковой материал. В результате такой проверки пополняются списки исключений, уточняются формулировки правил и перечень критериев, формулируются новые правила для тех областей письма, которые правилами раньше не описывались, т. е. в целом совершенствуется само описание КН. Оно становится более точным, более полным, правила сопровождаются различными комментариями, показывающими лингвистические основания кодификации, историю кодификации данной области письма, различные возможные подходы к описанию и многое др. (см., например, публикации о фрагментах академического описания орфографии в журнале «Русский язык в школе» за 2020–2021 гг.).

Динамика орфографической нормы и образовательный процесс

Представление о динамике орфографической нормы позволяет наметить четыре направления, в которых может совершенствоваться содержание школьного курса.

1. Вслед за академическим орфографическим словарем должен пополняться языковой материал школьного курса, т. е. к тому корпусу слов, на котором в школе традиционно формировался навык грамотного письма, должны добавляться новые слова, норма написания которых однозначно установлена. Однако отбирая слова, нужно руководствоваться принципом, которого придерживаются и кодификаторы-лексикографы — принципом разумного консерватизма. Нельзя наводнять языковой мир ребенка новыми, еще недостаточно укорененными в нашей языковой культуре словами.

Отбор новой для школы лексики не может быть стихийным. Необходимо учитывать, что школа должна способствовать формированию единого языкового пространства на территории нашей страны, без которого невозможна эффективная коммуникация ее граждан.

2. Как бы мы ни старались пополнить словарь ребенка, в школе невозможно охватить все лексическое пространство

русского языка, и стремиться объять необъятное не нужно. Но следует формировать у детей понимание, что русский язык богат, что он развивается, предоставляя нам возможность говорить о новых предметах и понятиях, и поэтому мы учимся языку всю жизнь, а помогает нам писать грамотно новые и старые слова академический орфографический словарь. Необходимо рассказывать школьникам о словарях, об академических лексикографических ресурсах, учить ими пользоваться. Именно в школе дети должны узнавать о том, что определяют и фиксируют языковые нормы ученые — лингвисты. Стоит объяснить ученикам, что нельзя проверять орфографию по толковым словарям В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, по орфографическим словарям, которые уже стали фактом истории отечественной лексикографии, которые не отражают актуальную норму, нельзя проверять орфографию и с помощью поисковых систем в Интернете, опасно всецело доверять электронным текстовым редакторам.

3. Полное академическое описание орфографии открывает возможности для совершенствования школьных правил — уточнения формулировок, пополнения списков исключений.

Учителя сталкиваются с тем, что формулировки в учебниках бывают недостаточны, чтобы объяснить то или иное написание. Школьные правила, в силу своей неполноты, могут приводить к неправильным написаниям¹³. Чтобы удовлетворить запрос учительской и ученической аудитории на объяснение¹⁴, сейчас в учебный процесс стихийно вводится новая орфографическая информация — новые

¹³ Например, применяя правило о безударных гласных в корнях слов, ребенок может проверить слово *опоздать* словом *опаздывать* и допустить ошибку. В школьных правилах не формулируется исключение о запрете на проверку гласных *о* и *а* глаголами с суффиксами *-ивы-* (*-ыва-*).

¹⁴ Для подростков особенно важно, чтобы требования, выдвигаемые взрослыми, в том числе требования к письменной речи, были аргументированы. Ссылки на авторитет для них малоубедительны. Подробное объяснение орфографической мотивации может способствовать укрощению подросткового негативизма, гармонизации отношений со взрослыми, принятию культурных традиций.

формулировки, новые правила, которые берутся из источников разной степени достоверности, ориентированных на разную аудиторию: из справочников, адресованных как школьникам и абитуриентам, так и редакторам и корректорам, из материалов Интернета сомнительного качества. Это порождает множество проблем. Детей знакомят с устаревшими или просто неверными орфографическими предписаниями, орфографическая теория методически не адаптируется и поэтому плохо усваивается и пугает своим объемом.

Обновление корпуса школьных правил на основе полного академического описания — одна из актуальных методических задач, которая должна решаться централизованно, в тесном сотрудничестве методистов и орфографистов. Но при разработке школьных правил также необходим разумный консерватизм. Из академического описания следует отобрать те сведения, которые будут методически целесообразны, научные данные должны быть методически и лингвистически адаптированы.

Приступая к решению этой сложной задачи, необходимо понимать, что некоторые области орфографии не могут быть описаны доступными школьникам правилами. Например, в школе невозможно постичь всю систему правил написания наречий, мы можем ввести лишь некоторые, сильные правила, т. е. правила, не имеющие исключений или с минимальным количеством исключений. Написания, не охваченные школьными правилами, осваиваются постепенно, по мере накопления читательского опыта. Академическое описание позволяет выявить области письма без правил и продумать специальную словарную работу, которая будет способствовать запоминанию словарных написаний¹⁵, развивать языковую интуицию.

4. Как уже было сказано выше, перекодификация практически не затронула «школьный» лексический фонд, но единичные изменения все же есть, и их нельзя исключить в будущем. Должны они

учитываться и в школе. Для этого необходимо восстановить утраченные связи между школой и академической наукой. Сейчас решению этой задачи способствует журнал «Русский язык в школе».

Рассмотрение различных проявлений динамики орфографической нормы и возможностей их учитывать в образовательном процессе позволяет определить значение школьного обучения для функционирования системы письма.

Навык грамотного письма формируется в результате целенаправленного обучения КН и по мере накопления читательского опыта. От того, каким нормам и на каком языковом материале обучают в школе, в какой мере прививается культура пользования словарями, зависит не только индивидуальная грамотность, но и состояние живой русской орфографии будущего. Школьное обучение может поддерживать нормализационные процессы, повышать действенность кодификаторских решений. Таким образом, школа выступает как один из **факторов функционирования системы письма, факторов, способствующих реализации современной политики кодификации и определяющих наше орфографическое будущее.**

Вероятно, значение школы для функционирования системы письма осознавали составители учебников по русскому языку в середине прошлого века. В списки слов для запоминания, в языковой материал упражнений было внесено много таких слов, написание которых колебалось в первой половине XX в. и требовало стабилизации (например: *гостиница, конфорка, коридор*). Всеобщее обучение по единым учебникам сыграло большую роль в унификации орфографии, поддерживало политику кодификации того времени. И это сказалось на результатах: вторая половина XX в. — время, которое характеризуется устойчивостью орфографических норм.

Сегодня, выстраивая систему правил для школы, корректируя списки словарных слов, отбирая языковой материал для иллюстраций и упражнений, целесообразно действовать в согласии с политикой кодификации — поддерживая традиционную систему письма, укреплять системные свойства орфографии и способствовать стабилизации нестабильных участков орфографической системы.

¹⁵ Попытка разработать правила для начальной школы была предпринята в: Арутюнова Е. В., Пахомов В. М. Объяснительный орфографический словарь. Как правильно писать слова? 1–4 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. (В печати.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 424 с.
2. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка: пособие для учителей. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
3. Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, сост. по поручению 2-го Отд-ния акад. наук, акад. Я. К. Гротом. 11-е изд. СПб.: Типография Академии наук, 1894. XII, 120, XL с.
4. Иванова О. Е. Орфографическая кодификация и социальная динамика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Вып. 13. С. 417–425.
5. Иванова О. Е. Словарная кодификация в соотношении с современным письмом (60 лет опыта русского орфографического словаря 1956–2016) // Аспектное описание русской орфографии. Очерки теории. Правила. Словарь / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. М.: ЛЕКСРУС, 2018. С. 77–158.
6. Некipelова И. М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект). М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2014. 376 с.
7. Пиотровский Р. Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Серия 2. 1996. № 12. С. 1–12.

REFERENCES

1. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Theory and practice of standardization of Russian writing. Moscow: LEXRUS; 2016. 424 p. (In Russ.).
2. Gorbachevich K. S. Norms of the modern Russian literary language: a guide for teachers. 3th ed. rev. Moscow: Education; 1989. 208 p. (In Russ.).
3. Grot Ya. K. Russian spelling: A guide composed on the instruction of the Second department of the Imperial Academy of sciences by the academician Grot Ya. K. 11th ed. Saint Petersburg: Printing house of the Academy of Sciences, 1894. XII, 120, XL p. (In Russ.).
4. Ivanova O. E. Orthographic codification and social dynamics. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova* = *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian language institute*. 2017. Iss. 13. P. 417–425. (In Russ.).
5. Ivanova O. E. Dictionary codification in relation to modern writing (60 years of experience in the Russian spelling dictionary 1956–2016). Beshenkova E. V., Ivanova O. E. (eds.). *Aspektnoe opisaniye russkoi orfografii. Ocherki teorii. Pravila. Slovar'* = *Aspect description of Russian spelling. Essays on the theory. Rules. Dictionary*. Moscow: LEKSURUS, 2018. P. 77–158. (In Russ.).
6. Nekipelova I. M. Organization, self-organization and disorganization of language system: mechanisms of optimization of language and speech (artificial aspect): monograph. Moscow; Izhevsk: Institute for Computer Research, 2014. p. (In Russ.).
7. Piotrovskii R. G. O About linguistic synergetics. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2* = *Scientific and Technical Information Processing. Series 2*. 1996. No. 12. P. 1–12. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Вячеславовна Арутюнова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел культуры русской речи, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, член Орфографической комиссии РАН

Elena V. Arutyunova, Cand. of Sci. (Philol.), Senior Researcher, Department of Russian Language Culture, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Member of the Spelling Commission of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 10.02.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2021; принята к публикации 01.03.2021.

The article was submitted 10.02.2021; approved after reviewing 15.02.2021; accepted for publication 01.03.2021.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-26-33

О работе с материалами словарей при изучении концептов на уроках русского языка

Мстислав Исаакович Шутан

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия,
mshutan@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – раскрыть роль работы с материалами словарей в создании концептуальной модели, с помощью которой выделяются базовые элементы концепта и выявляются устойчивые связи между ними. В статье, представляющей собой описание обучающего эксперимента, охарактеризована работа школьников с концептом, в содержание которой входят материалы словарей различных типов (лингвистических, мифологического, словаря концептов). Большая часть статьи посвящена работе обучающихся с дидактическим материалом, созданным учителем на основе контента словарей. Сконструированная в итоге многоплановой деятельности концептуальная модель состоит из двух основных компонентов: 1) поэтическое восприятие дома; 2) бытовое восприятие дома. Каждый из компонентов конкретизируется целой группой смыслов.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лингвистический словарь, мифологический словарь, словарь концептов, семантический анализ слова и фразеологизма, смысл афоризма, текст

Для цитирования: Шутан М. И. О работе с материалами словарей при изучении концептов на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 26–33. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-26-33.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On the use of dictionary materials when studying concepts at Russian language lessons

Mstislav I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute for Educational Development, Nizhny Novgorod, Russia,
mshutan@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to show how using dictionary materials helps in creating the conceptual model, which separates the basic concept elements and shows stable communications between them. This article describes the training experiment and characterizes students' studies of concepts, including how they employ different dictionary materials (linguistic, mythological, and concept dictionaries). The author pays special attention to how students work with didactic materials created by their teacher depending on the dictionaries' content. The conceptual model, constructed as a result of the multifaceted activity, consists of two main components: 1) the poetic perception of home; 2) the everyday perception of home. Each of these components is further defined by a whole group of meanings.

Keywords: linguistic and cultural concept, linguistic dictionary, mythological dictionary, concept dictionary, semantic analysis of words and phraseological units, meaning of aphorism, text

For citation: Shutan M. I. On the use of dictionary materials when studying concepts at Russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 26–33. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-26-33. (In Russ.).

Введение. Работа с концептами на уроках русского языка предполагает постижение лексических значений и смыслов, возникающих на их основе. «Лингвокультурный

подход к пониманию концепта (= культурного концепта) состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [Карасик 2017: 29].

Концепт следует рассматривать как единицу, включающую в себя языковое значение и экстралингвистические знания: «так называемую энциклопедическую информацию об объекте, культурные коннотации и ассоциации, элементы коммуникативно-прагматической сферы» [Мишатина 2020: 10]. Такое понимание концепта предполагает комплексный подход к созданию его портрета [Шутан 2017]. Вследствие этого нам представляется неизбежным включение в учебную деятельность контента не только лингвистических словарей, но и словарей, фиксирующих различные стороны культуры (мифологических, литературоведческих, искусствоведческих, культурологических и пр.).

Цель статьи — раскрыть роль работы с материалами словарей в создании концептуальной модели, с помощью которой выделяются базовые элементы концепта и выявляются устойчивые связи между ними, так как, с нашей точки зрения, исследование понятийной (словарной) стороны концепта на уроках русского языка — способ концептуализации мира.

Работа с материалами словарей различных видов при изучении концептов на уроках русского языка в X–XI классах может быть организована по-разному. Во-первых, это может быть обращение школьников к словарям с целью поиска необходимой информации. Во-вторых, выполнение заданий, в которых используется контент словарей. «Тексты таких заданий могут быть признаны вторичными, поскольку в каждом из них наблюдается та или иная степень переработки протоосновы», т. е. самого словаря [Буданова,

Рябинина 2019: 14]. Хотя возможно и сочетание этих двух типов работы, в данной статье мы сконцентрируем внимание на отборе и выполнении заданий, составленных по материалам словарей.

Содержание деятельности школьников. Работу со словарями различных типов мы покажем на примере учебного занятия, посвященного концепту «Дом».

I. Следует начать работу с этимологического анализа слова, реализующего идею генетического подхода к явлению языка. Источником информации в этом случае выступает прежде всего **этимологический словарь**. Так, организуя работу школьников с концептом «Дом», учитель дает им информацию следующего характера: это общеславянское слово индоевропейского происхождения, что доказывают слова «damas» — «дом» (др.-инд.), «domos» — «строение» (греч.), «domus» — «дом» (лат.)¹.

Перед школьниками ставится следующая задача — сопоставить внешний облик и лексические значения слова в разных языках. Ученики обращают внимание на незначительные различия в корнях этих слов (имеется в виду наличие гласных *o* и *a* между согласными) и на особенность лексической семантики у греческого слова. На основе наблюдений школьники могут предположить, что *дом* — многозначное слово.

II. Далее школьникам предлагается тестовое задание на соответствие на материале **толкового словаря современного русского языка**²: к каждому лексическому значению слова они должны подобрать соответствующий пример словосочетания из правого столбика:

Лексические значения слова	Примеры словосочетаний
А. Здание, предназначенное для жилья или размещения учреждений, предприятий	1) чистота в доме
Б. Жилое помещение, квартира, жилье	2) Дом творчества
В. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством	3) дружить домами
Г. Царствующий дом, династия	4) деревянный дом
Д. В названиях различных учреждений, заведений	5) дом Романовых
	6) Пушкинский дом
	7) работать на дому
	8) дом, сданный под фабрику

¹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / под ред. С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Просвещение», 1971. С. 129.

² Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2006. С. 169.

Приведем правильные ответы: А — 4, 8; Б — 1, 7; В — 3; Г — 5; Д — 2, 6. Кроме того, к каждому лексическому значению слова школьники подбирают собственные примеры.

Но учебная деятельность школьников усложняется, так как они получают задание сгруппировать лексические значения слова. И тогда появляется следующая структура: 1) пространственная характеристика дома как внешняя (А), так и внутренняя (Б); 2) дом как образ жизни, определенный вид деятельности (В, Г, Д).

III. Материалы словообразовательного словаря³ позволяют определить значительную группу однокоренных слов, образованных суффиксальным (*домик,домишко,домище,домовой,домовый,домашний,домовитый* и др.), приставочно-суффиксальным (*бездомный, по-домашнему, одомашнить, надомник* и др.) способами, а также при помощи сложения (*домовладелец*). При этом особого внимания требуют такие слова, как *одомашнить* и *по-домашнему*, лексические значения которых школьники разъясняют, а сами слова включают в собственные предложения.

Далее организуется работа с паронимами *домовитый* и *домовый*⁴. На основе предложенных словосочетаний из словаря (*домовитый хозяин — домовые ворота, домовая церковь, домовый комитет*) учащиеся устанавливают лексические различия между этими паронимами: ‘заботливо относящийся к своему дому, хозяйству’ — ‘относящийся к дому’.

Причем наполнить конкретным, живым смыслом словосочетание *домовая церковь* школьникам помогает следующий фрагмент из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»:

В это воскресенье Ростовы, по обыкновению, поехали к обедне в домовую церковь Разумовских. <...> В церкви Разумовских была вся знать московская, все знакомые Ростовых <...>

Благообразный, тихий старичок служил с той кроткой торжественностью, которая так величаво, успокоительно действует на души

молящихся. Царские двери затворились, медленно задернулась завеса; таинственный тихий голос произнес что-то оттуда. Непонятные для нее самой слезы стояли в груди Наташи, и радостное и томительное чувство волновало ее.

«Научи меня, что мне делать, как мне исправиться навсегда, навсегда, как мне быть с моей жизнью...» — думала она.

Дьякон вышел на амвон, выправил, широко отставив большой палец, длинные волосы из-под стихаря и, положив на груди крест, громко и торжественно стал читать слова молитвы:

— Миром господу помолимся.

«Миром, — все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью — будем молиться», — думала Наташа⁵.

Ученики характеризуют одновременно домашнюю и торжественную атмосферу в церкви Разумовских, обращая внимание на детали портрета дьякона и его манеру чтения религиозного текста, а также останавливаются и на душевном состоянии Наташи Ростовой (автор пишет о радостном и томительном чувстве), охваченной общим душевным порывом, порывом единения людей перед страшной бедой — начавшейся Отечественной войной 1812-го года.

IV. Следующий этап деятельности школьников — осмысление текста В. В. Иванова и В. Н. Топорова **из мифологического словаря**. Для этого необходимо показать мифологический характер представлений о домовом (дух дома, кормилец и нечистая сила, связь обрядов с обрядами «скотьего бога» Велеса, особые ритуалы, превращения) и их связь с повседневной жизнью людей:

В восточнославянской мифологии домовый — это дух дома. Представлялся в виде человека часто на одно лицо с хозяином дома или как небольшой старик с лицом, покрытым белой шерстью. Тесно связан с благополучием дома, особенно со скотом: от его отношения, добродетельного или враждебного, зависело здоровье скота. Некоторые обряды, относящиеся к домовому, ранее могли быть связаны со «скотью богом» Велесом, а с исчезновением его культа были перенесены на домового.

Косвенным доводом в пользу этого допущения служит поверье, по которому замужняя женщина, «засветившая волосом» (показавшая

³ Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1978. С. 156.

⁴ Красных В. И. Толковый словарь паронимов русского языка: 1100 паронимических рядов, более 2600 паронимов. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 129.

⁵ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3–4. М.: Эксмо, 2008. С. 80–82.

свои волосы чужому), вызывала гнев домового (сравните данные о связи *Велеса* с поверьями о волосах).

При переезде в новый дом надлежало совершить особый ритуал, чтобы уговорить домового переехать вместе с хозяевами, которым в противном случае грозили беды.

Различались два вида домовых: доможил, живший в доме обычно в углу за печью, куда надо было бросать мусор, чтобы «домовой не перевелся» (назывался также доброжилом, доброхотом, кормильцем, соседущкой), и дворовый, часто мучивший животных (домовой вообще нередко сближался с нечистой силой).

По поверьям, домовый мог превращаться в кошку, собаку, корову, иногда в змею, крысу или лягушку. Домовыми могли стать люди, умершие без причастия⁶.

V. Со словом *дом* непосредственно соотносится слово *уют*. И не удивляет, что Ю. С. Степанов в своей книге **«Константы: словарь русской культуры»** включает их в одну статью. На учебном занятии школьникам предлагается для размышлений следующий фрагмент из этого словаря:

Понятие «уютного уголка», «уютной квартиры» в современном русском быту продолжает представления не помещанского дома и крестьянской избы (последнее приняло полностью этнографический характер), а представления об интерьере, убранстве квартиры, сложившиеся в доме городского типа, в дворянском (а позднее — в купеческом) быту. Если проследить, хотя бы «пунктирно», развитие представлений об уютном интерьере по этой линии, то и здесь опять-таки заметно движение от больших полупустых пространств дворцового типа к помещениям меньшей кубатуры и заполненным мебелью и утварью всё более и всё теснее, — даже когда это не вызывается экономической необходимостью.

Очень заметно это на организации интерьеров Зимнего дворца в Петербурге. К концу XIX века парадные залы дворца, хотя и используются для званых и танцевальных вечеров, но уже отнюдь не являются «жилимыми» помещениями. Комнаты царской семьи Николая II поражают низкими потолками, теснотой, скученностью мебели, обилием картинок и фотографий на стенах, подушечек на диванах и креслах и т. п. Явно заметно стремление «у себя» уйти от внешнего мира, укрыться в «укромный» уголок или «щелку» [Степанов 2004: 828–829].

⁶ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 195.

Работа с текстом организуется на основе следующих вопросов и заданий:

1. Что такое интерьер? Включите это слово в собственное предложение.

2. Как развивалось представление об уютном интерьере?

3. Совпадает ли ваше представление об уютном интерьере с представлением о нем царской семьи? Поясните свою точку зрения.

VI. Далее ученикам предлагается для работы следующая группа слов, взятая **из словаря синонимов**⁷:

дом, квартира, угол, здание, изба, гнездо, хата, особняк, усадьба, очаг, жилище, нора, обитель, вилла, коттедж, приют, небоскреб, апартаменты, шалаш, жилплощадь, подворье, пристанище, кров, берлога, терем, логово, сруб, пепелище, хоромы, пенаты, лежбище, мазанка, лачуга, халупа, таунхаус, сакля, хоромы, курень.

Школьники выполняют следующие задания:

1. Среди синонимов найдите заимствованные слова и раскройте их лексические значения.

2. Перечислите синонимы, имеющие отношение к сельской жизни. Встречаются ли среди них диалектизмы?

3. Какие синонимы делают речь возвышенной? Включите их в собственные предложения.

4. Найдите синонимы с отрицательной стилистической окраской. Включите их в собственные предложения.

5. Какова этимология слова *небоскреб*? Для подготовки ответа на вопрос обратитесь к этимологическому словарю.

VII. Специальную лексическую работу следует провести с историзмом *терем*, входящим в представленный выше синонимический ряд. Организовать эту работу поможет **словарь устаревших слов**⁸. Примеры «Скороход провел его узенькими лестницами, темными переходами наверх в старинные каменные терема, уцелевшие от большого пожара» (А. Н. Толстой) и «Черноокая далеко, / В пышном тереме

⁷ Словарь синонимов русского языка: онлайн-подбор [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/s/дом> (дата обращения: 20.01.2021).

⁸ Рогожкина Р. П., Карская Т. С. Школьный словарь устаревших слов русского языка. М.: Дрофа, 1996. С. 492.

своем» (М. Ю. Лермонтов) ученики соотносят с лексическими значениями слова: 1) 'высокий боярский или княжеский дом, особняк в виде башни; жилое помещение в этом доме'; 2) 'передний верхний ярус такого здания, где жила (обычно взаперти, под присмотром) женская часть семьи боярина, князя'.

VIII. Теперь перейдем к **фразеологизмам** со словом *дом*. Их лексические значения школьники и раскрывают: о зажиточном, богатом доме скажут: «дом как полная чаша»; «жить своим домом» — значит жить отдельно от родителей или родных, самостоятельно; «закрыть двери дома перед кем-либо», т. е. перестать принимать кого-либо у себя в доме; легкую, непрочную постройку нередко называют карточным домом или домиком; «породниться домами» — вступить с кем-либо в отношения родства.

IX. Но в состав фразеологии входят и пословицы. Немалое их количество можно обнаружить в «**Толковом словаре живого великорусского языка**» **В. И. Даля**. Ниже приведем примеры произведений, относящихся к этому фольклорному жанру:

1. Дон, Дон, а лучше дом!
2. И тесен дом, да просторен он.
3. Дом не велик, да лежать не велит.
4. Дом вести — не лапти плести.
5. Каково на дому, таково и саму.
6. Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить.
7. Дома как хочу, а в людях как велят.
8. Всякий дом хозяином держится.
9. Худу быть, кто не умеет домом управлять⁹.

Прежде всего школьники определяют лексическое значение, в котором употребляется слово *дом* в пословицах. **В. И. Даль** его формулирует так: «семейство, семья, хозяева с домочадцами». После этого ученики раскрывают народные представления о доме, в связи с чем обнаруживают следующие смыслы: нет в мире ничего лучше дома (1); даже тесный дом можно назвать просторным, потому что в нем много людей со своими заботами, настроениями (2); каким ни был дом, он требует большого труда — и физического, и душевного (3, 4); твое душевное состояние определяется

жизнью дома, семьи (5); тот, кто погружен в жизнь дома, далек от мистического, от ворожбы, от фантазий (6); в собственном доме и в гостях нельзя вести себя одинаково (7); в доме должен быть хозяин, иначе беда (8, 9).

Школьники отмечают, что в пословицах о доме проявляется не только прагматический подход к жизни, что вполне естественно для народного сознания, но и подход этический. Нередко эти два подхода сочетаются в одной пословице.

Ценность материалов, приведенных из Словаря **В. И. Даля**, заключается в том, что они дают неординарный материал о живом народном языке¹⁰.

X. Далее ученикам предлагаются для осмысления следующие **высказывания, взятые из словаря афоризмов**:

1. Глупый человек строит свой дом на песке (Библия).
2. Тот — счастливейший из всех, будь он король или крестьянин, кто обрел мир в собственном доме (И. В. Гёте).
3. Многие люди, который думают обрести домашний очаг, обнаруживают, что просто открыли таверну для своих друзей (Д. Дуглас).
4. Дом человека — его замок (Э. Коук).
5. Человек странствует по миру в поисках того, что ему нужно, и возвращается домой, чтобы найти это там (Д. Мур).
6. Дом там, где наше сердце (П. Лини).
7. Дом не может считаться жилищем человека, пока в нем нет пищи и огня не только для тела, но и для разума (М. Фуллер)¹¹.

Причем, раскрывая смыслы афоризмов, ученики концентрируют внимание на их образной структуре, что не должно удивлять, так как образная составляющая лингвокультурного концепта является наиболее существенной [Воркачёв 2017: 25]:

1) песок как символ ненадежного, шаткого фундамента, на котором может быть построен не только дом в прямом значении этого слова: это может быть та или иная теория и даже судьба (соответственно, у слова *дом* появляется предельно широкий, символический смысл);

2) король и крестьянин как люди, относящиеся к противоположным социальным

⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А–З. М.: Русский язык, 1978. С. 466.

¹⁰ *Бабкина А. М.* Толковый словарь **В. И. Даля** // *Даль В. И.* Указ. соч. С. 1–X.

¹¹ *Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове* / сост. Э. Борохов. М.: АСТ, 1998. С. 144.

сферам, но подчиняющиеся общим законам бытия, ведь в афоризме подчеркивается роль дома, семьи в жизни человека, ведь только он способен сделать каждого из нас счастливым;

3) домашний очаг легко может превратиться в таверну, а дом, семья — все же относительно замкнутые структуры; предельная открытость дома превращает его в проходной двор;

4) дом как замок (мысль о доме как замкнутой структуре в этом афоризме выражена сильнее: соотнесите понятия «очаг» и «замок»);

5) оказывается, странствие нужно для того, чтобы человек осознал следующее: необходимое можно найти только в родном доме (указательное наречие *там* в контексте афоризма наполняется предельно конкретным смыслом);

6) дом характеризуется как понятие не пространственное, а душевное (очевиден психологический ракурс в осмыслении дома);

7) понятия «дом», «жилище», «пища», «огонь», «тело», «разум» концентрируются всего лишь в одной фразе, а их соединение способствует выражению глубокого, философского смысла: подлинный дом дает основу не только для физического существования человека, но и для жизни духа, интеллекта.

После характеристики афоризмов школьники делают следующий вывод: во всех высказываниях дом (слово, употребленное во втором лексическом значении) рассматривается как основа человеческой жизни, но в некоторых из них (1, 3, 7) говорится об опасностях, подстерегающих человека, у которого есть дом.

XI. Работа же с фрагментом статьи С. А. Есенина «Ключи Марии» (1918) предполагает **самостоятельное выяснение учащимися на основе словарей лексических значений** таких слов, как *древо* (жизни), *апофеоз*, *эпопея*, *орнамент*, *матница*, *Красный угол*:

Древо — жизнь. Каждое утро, восстав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением древа, наш народ немолча говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь

лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно древу, он мог осыпать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель. Цветы на постельном белье относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдых отдавшего день труда на плодах своих. Они являются как бы апофеозом как трудового дня, так и вообще жизненного смысла крестьянина <...> мы наталкиваемся на весьма сложную и весьма глубокую орнаментичную эпопею с чудесным переплетением духа и знаков <...>

Изба простолюдина — это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще до него его отцами и предками, которые неосознанным и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их кротких очагов <...> *Красный угол*, например, в избе есть уподобление заре, *потолок* — небесному своду, а *матница* — Млечному Пути <...> Сие заставление воздушного мира земною предметностью существовало еще несколько тысяч лет до нас в Египте¹².

В той пространственной картине мира, которая представлена в статье, действуют принципы единства и отражения. Единство обусловлено тем, что действительность воспринимается народным сознанием (а его поэт и пытается раскрыть в своем произведении) как древо жизни, все элементы которого (корни — подземное царство, ствол — земля, ветви — небесное царство) противопоставлены друг другу и в то же время образуют единую структуру.

Знаком последнего нельзя не назвать и то, что земной уровень отражает небесный, ибо тем или иным реалиям повседневной, бытовой жизни, столь близким и дорогим, придается особый, возвышенный смысл, напоминающий о высшей сфере, а те или иные небесные объекты вызывают ассоциацию с земной жизнью (предметы, растительный мир, животные, человек). Последнее Есенин и называет «заставлением воздушного мира земной предметностью». Кстати, этот принцип активно работает во многих произведениях поэта.

На учебном занятии раскрываются лексические значения указанных выше слов, а далее школьники показывают, как в крестьянской избе и отдельных деталях, ее «насеменяющих», земное сочетается с небесным,

¹² Есенин С. А. Ключи Марии // Есенин С. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1979. С. 173, 174.

этим доказывая следующий тезис: сама эстетика крестьянского быта имеет древнюю, даже мифологическую основу.

Заключение. В статье мы не ставим задачу раскрыть все этапы работы с концептом «Дом» (например, мы опускаем вопросы и задания, методически обеспечивающие анализ художественных произведений С. А. Есенина, М. А. Булгакова, В. Г. Распутина), а фиксируем внимание лишь на тех этапах деятельности учеников, в которые входят материалы словарей.

Учебная деятельность школьников отличается разнообразием. Это 1) сопоставление слов из разных языков в рамках этимологического анализа слов; 2) сопоставление лексических значений слова с примерами словосочетаний; 3) подбор собственных примеров; 4) словообразовательный анализ слов; 5) разграничение паронимов; 6) выявление семантических и стилистических групп слов в рамках

анализа синонимического ряда; 7) раскрытие лексических значений фразеологизмов и смысла пословиц; 8) анализ образной структуры афоризмов; 9) группировка афоризмов; 10) анализ текстов из словарей.

На учебном занятии преобладает работа школьников с предложенным учителем материалом из словарей различных видов, но на заключительном этапе им предстоит самостоятельная лексическая работа на основе словарей, подготавливающая к анализу микротекста.

В результате деятельности школьников, в которую органично вошла работа с этимологическим, толковым, словообразовательным, мифологическим словарями, а также со словарями синонимов, паронимов, афоризмов, концептов, на уроке конструируется следующая концептуальная модель, структурирующая различные смыслы концепта (см. табл.):

Таблица

Концептуальная модель, структурирующая различные смыслы концепта
The conceptual model structuring various meanings of a concept (Table)

Поэтическое восприятие дома	Бытовое восприятие дома
Дом как отражение небес Мифологическое восприятие обитателей жилища Домовая церковь как особое пространство Дом как основа жизни духа и интеллекта Дом как духовное понятие Дом как условие счастья Дом как условие подлинного творчества Дом как символ родины Возвышение родного дома	Уютный интерьер Необходимость хозяина Нормы поведения в своем и чужом доме Житейский прагматизм человека, погруженного в жизнь дома Опасности, подстерегающие человека, у которого есть дом

Моделирование приводит к формированию концептосферы школьника, необходимые элементы которой – субъективность, актуализация «чувственного опыта и воображения» (П. Абеляр), а творческим выражением этой концептосферы является сочинение, посвященное концепту «Дом». Причем жанровые, стилевые и стилистические его параметры никак не регламентируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданова С. Г., Рябина А. Г. Учебные задания по лексике как особый вид вторичных текстов: создание и решение с привлечением лингвистических словарей // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 4. С. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-7-15.

2. Воркачёв С. Г. К апологии российской антропологической лингвистики // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н. Л. Мишати́на. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 18–27.

3. Карасик В. И. Подходы к пониманию лингвокультурных концептов // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н. Л. Мишати́на. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 27–39.

4. Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология и антропопрактики XXI века: к двадцатилетию научного направления // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 4. С. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-7-15.

5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 989 с.

6. Шутан М. И. О комплексном подходе к изучению концепта в школе // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н. Л. Мишатина. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 122–135.

REFERENCES

1. Budanova S. G., Ryabinina A. G. Lexis learning assignments as a special kind of secondary texts: Creation and solution using linguistic dictionaries. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019. Vol. 80, No. 4. P. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-7-15. (In Russ.)

2. Vorkachev S. G. To the apology of Russian anthropological linguistics. In: Mishatina N. L. scientific. ed. *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografiya = Methodical linguoconceptology: results and development prospects: monograph*. Saint-Petersburg: Book house, 2017. P. 18–27. (In Russ.).

3. Karasik V. I. Approaches to the understanding of linguocultural concepts. In: Mishatina N. L. scientific. ed. *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografiya = Methodical linguoconceptology: results and development prospects: monograph*. Saint-Petersburg: Book house, 2017. P. 27–39. (In Russ.).

4. Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology and anthropological practices of the 21st century (devoted to the 20th anniversary of the field). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020. Vol. 8, No. 4. P. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-7-15. (In Russ.)

5. Stepanov Yu. S. Constants: dictionary of Russian culture. 3th ed. Moscow: Academic project, 2004. (In Russ.)

6. Shutan M. I. On an integrated approach to the study of the concept at school. In: Mishatina N. L. scientific. ed. *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografiya = Methodical linguoconceptology: results and development prospects: monograph*. Saint-Petersburg: Book house, 2017. P. 122–135. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-филологических дисциплин, Нижегородский институт развития образования

Mstislav I. Shutan, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Head of the Department of Historical and Philological Disciplines, Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education

Статья поступила в редакцию 25.01.2021; одобрена после рецензирования 24.02.2021; принята к публикации 14.03.2021.

The article was submitted 25.01.2021; approved after reviewing 24.02.2021; accepted for publication 14.03.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-34-43

Совершенствование процесса изучения имени числительного в VI классе путем применения алгоритмов. Часть I. Грамматические признаки разрядов числительных и особенности их правописания и склонения

Владимир Николаевич Сульниченко

Крымская академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации, г. Евпатория, Республика Крым, Россия, sulnich@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – представить систему изучения имени числительного в VI классе на основе методики составления грамматических алгоритмов. Рассматриваются грамматические признаки разрядов числительных, особенности их правописания и склонения, а также наиболее трудные в грамматическом плане случаи сочетаний числительных с именами существительными. В работе использовано коллективное и самостоятельное наблюдение учащихся над грамматическим материалом, систематизация его в таблицах и составление алгоритмов. Применение алгоритмов на уроках русского языка создает необходимую лингвистическую базу для совершенствования культуры речи учащихся, формирует алгоритмическое мышление и повышает уровень орфографической грамотности школьников.

Ключевые слова: алгоритмы, имя числительное, имя существительное, лексико-грамматические разряды числительных, правописание числительных, склонение числительных, сочетаемость числительных с существительными

Для цитирования: Сульниченко В. Н. Совершенствование процесса изучения имени числительного в VI классе путем применения алгоритмов. Часть I. Грамматические признаки разрядов числительных и особенности их правописания и склонения // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 34–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-34-43.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Improving the process of learning numerals in the 6th grade by applying algorithms. Part 1. The grammatical signs of types of numeral and features of their spelling and declension

Vladimir N. Sulnichenko

Crimean Academy of Professional Retraining and Advanced Training, Evpatoria, Republic of Crimea, Russia, sulnich@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to present a system for learning numerals in the 6th grade based on the methodology for compiling grammatical algorithms. The author examines the grammatical signs of the numerals' types and the features of their spelling and declension, as well as the most grammatically difficult cases of numerals and nouns combinations. This article employs the collective and independent observation of students working with the grammatical material, its table systematization, and the algorithm compilation. The use of algorithms at the Russian language lessons creates the necessary linguistic foundation for improving the students' speech culture; it also forms their algorithmic thinking and improves their spelling literacy.

Keywords: algorithms, numeral, noun, lexical-grammatical types of numerals, spelling of numerals, declension of numerals, combinability of numerals with nouns

For citation: Sulnichenko V. N. Improving the process of learning numerals in the 6th grade by applying algorithms. Part 1. The grammatical signs of types of numeral and features of their spelling and declension. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 34–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-34-43. (In Russ.).

Введение. Важнейшим элементом понятийной системы человеческого мышления считается число, типичным лексическим выражением которого является числительное. Однако числовое значение

могут иметь, кроме числительных, и другие части речи: существительные (*двойка, двойник*), прилагательные (*тройной, семидневный*), глаголы (*удвоить, утроить*), наречия (*вдвое, в-третьих*). Справедливо

отмечается, что «именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность» [Реформатский 1987: 90]. Наше время характеризуется резким возрастанием употребительности форм числительных в речи. Это во многом определяется самой природой мышления человека, так как «числовой символизм можно рассматривать в качестве одной из когнитивных универсалий, отражающей результаты познания человеком окружающей действительности, интерпретации его отношений и свойств» [Федяева 2017: 134].

Числительное занимает особое положение в системе частей речи современного русского языка. Проблемы, связанные с именем числительным, были в центре внимания В. В. Виноградова, А. Б. Копелиовича, М. Ф. Лукина, Л. Д. Чесноковой, Э. А. Балалыкиной, С. В. Поляковой, Н. М. Ким, С. В. Рябушкиной, Г. Н. Стариковой, А. Е. Супруна и др.

Лингвисты отмечают недостаточную сформированность, лексическую замкнутость числительного как части речи, ограниченность в возможностях употребления в значении предметности, консервативность и разнородность этого функционально-грамматического класса слов, менее всего подверженного изменениям и не пополняемого новыми образованиями.

Традиционно сложными для школьников остаются вопросы, связанные с правописанием, склонением и сочетаемостью слов этого лексико-грамматического разряда с другими частями речи. Важно подчеркнуть, что «специфика изучения

числительного связана, прежде всего, со сложностью грамматических признаков данной части речи» [Голомидова 2016: 4].

Вопросами методики изучения числительных в школе занимались М. А. Бондаренко, М. Л. Голомидова, Ю. Н. Гостева, Л. А. Шибаева, С. Н. Пименова и др. Актуальность нашей работы заключается в описании методики изучения числительных на основе составления алгоритмов на уроке. Составление простых алгоритмов — инструкций и самоинструкций (структурированных сообщений с линейной и ветвящейся структурой) — важный элемент образовательной ИКТ-компетентности, которая выражается в способности извлекать информацию из различных источников, овладении приемами отбора и систематизации материала, умении вести самостоятельный поиск информации; способности к преобразованию, сохранению и передаче информации. Алгоритмический подход к изучению частей речи развивает познавательную активность школьников, способствует формированию их грамматических умений и навыков.

Результаты. Алгоритмы составляются на основе таблиц с элементами программирования. Таблицы предъявляются школьникам для анализа на этапе первичного усвоения новых знаний. Так, сформировать представление о лексико-грамматических разрядах числительных помогает таблица 1, в которой определяются значения количественных (целых, дробных, собирательных) и порядковых числительных и подтверждаются или отрицаются соответствующими знаками (+ или —) их значения.

Таблица 1

Лексико-грамматические разряды числительных по значению
The lexical and grammatical types of numerals by value (Table)

Значения/разряды числительных	Числительные обозначают			
	целые числа	дробные числа	количество предметов как одно целое	порядковый номер предметов при их счете
количественные целые числительные	+	—	—	—
количественные дробные числительные	—	+	—	—
количественные собирательные числительные	—	—	+	—
порядковые числительные	—	—	—	+

В ходе разбора таблицы 1 школьникам предлагаются задания:

1) проанализируйте значения числительных и подберите примеры (*десять, тридцать пять, три четвертых, трое* и др.) на каждый лексико-грамматический разряд;

2) определите содержание ветвей алгоритма, в которых значения различных разрядов числительных должны быть формулировками первых трех ветвей алгоритма, а названия разрядов – выводами;

3) отразите в 4-й неполной ветви алгоритма значение порядковых числительных.

Заметим, что неполная форма ветвления характеризуется тем, что в одной из ветвей (четвертая ветвь алгоритма 1) по линии отрицательного ответа («Нет») не предусмотрено языковое действие в соответствии с содержанием грамматического материала. В результате выполнения заданий составляется алгоритм 1. Отметим, что повторяющиеся стрелки в выводах первых трех ветвей алгоритма показывают, что количественные числительные, обозначая целые, дробные числа, а также количество предметов как одно целое, делятся на целые, дробные и собирательные.

Алгоритм 1

Лексико-грамматические разряды числительных по значению

1. Числительное обозначает определенное количество предметов

ДА → количественные
целые числительные

НЕТ →

2. Числительное обозначает дробную величину (не целое число)

ДА → количественные
дробные числительные

НЕТ →

3. Числительное обозначает количество предметов как одно целое

Образец рассуждения 1. Числительное *двадцать пять* (книг) обозначает количество предметов, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 1 оно является количественным (целым) числительным.

Образец рассуждения 2. Числительное *три пятых* (длины) обозначает дробную величину, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 1 оно является количественным (дробным) числительным.

Образец рассуждения 3. Числительное *пятеро* (друзей) обозначает количество предметов как одно целое, поэтому в соответствии с третьей ветвью алгоритма 1 оно является количественным (собирательным) числительным.

Разряды числительных по составу не вызывают затруднений у школьников, поэтому рекомендуется проанализировать примеры количественных и порядковых числительных (*шесть, тридцатый, восемьсот* и др.) и самостоятельно определить разряд по значению и составу, а затем разобрать таблицу 2 и сформулировать определения простых, сложных и составных числительных.

Таблица 2 нацеливает шестиклассников на составление трех ветвей алгоритма, поэтому рекомендуется сформулировать задание так: составьте алгоритм о разграничении разрядов числительных по составу, используя представленный в трех графах материал. В итоге учащиеся должны составить алгоритм с двумя полными и третьей неполной ветвями.

Таблица 2

Разряды числительных по составу
The compositional types of numerals (Table)

Числительное состоит		
из одного слова		из нескольких слов
с одним корнем	с несколькими корнями	
ПРОСТОЕ	СЛОЖНОЕ	СОСТАВНОЕ
<i>девять, шесть</i>	<i>пятьдесят, семьсот, двухсоттысячный</i>	<i>двести сорок шесть</i>

Алгоритм 2 Лексико-грамматические разряды количественных числительных по составу

1. Числительное состоит из одного слова с одним корнем

2. Числительное состоит из одного слова с несколькими корнями

3. Числительное состоит из двух или более слов

Грамматические признаки разрядов числительных The grammatical signs of the numerals' types (Table)

Разряды числительных	Грамматические признаки		
	падеж	род	число
Количественные	+	— Исключения: <i>один, два, тысяча, миллион, миллиард</i>	— Исключения: <i>тысяча, миллион, миллиард</i>
Порядковые	+	+	+
Собирательные	+	— Исключения: <i>оба, обе</i>	— Исключения: <i>оба, обе</i>
Дробные	+	— Исключения: <i>полтора, полторы, полтора́ста</i>	—

Извлечению информации из таблицы о наличии или отсутствии у числительных грамматических категорий падежа, рода и числа помогают задания:

1) определите, какие числительные имеют все грамматические признаки — падеж, род и число;

2) определите, какой грамматический признак характерен для всех разрядов числительных;

3) проанализируйте, какие грамматические признаки реже определяются у числительных (род и число).

Затем шестиклассникам предлагается по таблице 3 ознакомиться с числительными-исключениями, имеющими грамматические признаки рода и числа.

Образец рассуждения 1. Числительное *девять* состоит из одного слова с одним корнем, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 2 является простым.

Образец рассуждения 2. Числительное *восемьсот* состоит из одного слова с двумя корнями, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 2 является сложным.

Образец рассуждения 3. Числительное *триста восемьдесят семь* состоит из трех слов, поэтому в соответствии с третьей ветвью алгоритма 2 является составным.

Изучение грамматических признаков разрядов числительных проводим на материале таблицы 3 с элементами программирования.

Таблица 3

Правописание числительных традиционно вызывает у шестиклассников затруднения. Для овладения приемами отбора и систематизации материала предложим учащимся таблицу.

Таблица 4

Основные случаи правописания количественных числительных The basic spelling of quantitative numerals (Table)

Ь в середине слова	
50—80 <i>пятьдесят — восемьдесят</i>	500—900 <i>шестьсот — девятьсот</i>
Ь в конце слова	
11—30 <i>одиннадцать — тридцать</i>	
окончание -а (Им. п. и В. п.)	

300 <i>триста</i> <u>а</u>	400 <i>четыре</i> <u>ста</u> <u>а</u>
нулевое окончание (Им. п. и В. п.)	окончание -о (Им. п. и В. п.)
40 <i>сорок</i> □	90, 100 <i>девяност</i> <u>о</u> <i>сто</i> <u>о</u>
в остальных падежах окончание -а	
<i>сорок</i> <u>а</u>	<i>девяност</i> <u>а</u> <i>сто</i> <u>а</u>

Аналитическая работа над таблицей проводится по такому плану:

1) установите орфографические особенности в написании мягкого знака в середине и конце количественных числительных;

2) определите, для каких числительных характерно нулевое окончание (*сорок*□), окончание -о (*девяност*о, *сто*о) в Им. п. и В. п., окончание -а в остальных падежах (*сорок*а, *девяност*а, *сто*а);

3) укажите, какие окончания имеют числительные *триста* и *четыре*ста в Им. п. и В. п.

При составлении алгоритма 3 обращаем внимание:

1) на количество строк в таблице, каждая из которых содержит материал, показывающий основные случаи написания мягкого знака и окончаний количественных числительных, и определяет количество ветвей алгоритма;

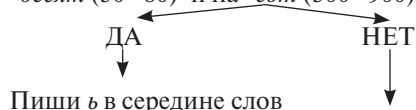
2) на словесные формулировки шагов алгоритма с учетом грамматических условий, отмеченных в таблице;

3) на четвертую ветвь алгоритма, которая содержит два вывода («Да — для 90, 100», «Нет — для 40») о правописании в Им. п. и В. п. окончания -о (*девяност*о, *сто*о) и нулевого окончания (*сорок*□), а также объединяет рассматриваемые числительные (90, 100, 40) третьим выводом, записанным схематично, о правописании окончания -а в остальных падежах.

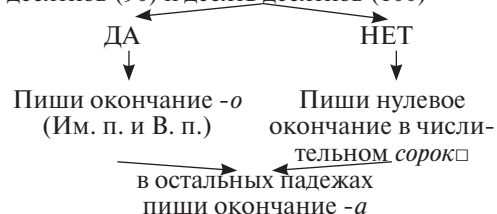
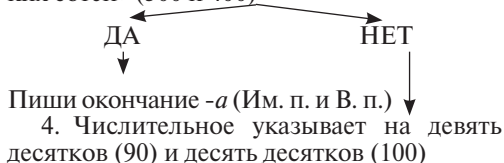
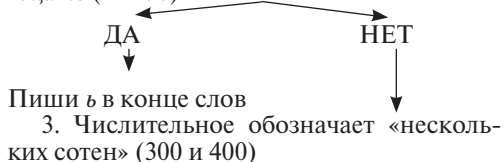
Алгоритм 3

Правописание количественных числительных

1. Числительное оканчивается на -десять (50–80) и на -сот (500–900)

2. Числительное оканчивается на -дцать (11–30)

Образец рассуждения 1. В составном числительном *восемьсот семьдесят девять* слова *восемь*сот и *семьдесят* оканчиваются на -сот и -десять, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 3 мягкий знак пишется в середине слов.

Образец рассуждения 2. Числительные *пятнадцать*, *тридцать* оканчиваются на -дцать, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 3 мягкий знак пишется в конце слов.

Образец рассуждения 3. Числительные *триста*, *четыре*ста обозначают «состоит из трех и четырех сотен», поэтому в Им. п. и В. п. в соответствии с третьей ветвью алгоритма 3 пишется окончание -а.

Образец рассуждения 4. Числительные *девяност*о и *сто* указывают на девять и десять десятков, поэтому в соответствии с четвертой ветвью алгоритма 3 пишу в Им. п. и В. п. окончание -о.

Далее отрабатывается материал о слитном и раздельном написании порядковых числительных с помощью таблицы 5 (третья графа таблицы не заполнена).

Шестиклассникам вначале предлагается ответить на вопрос: «От чего зависит написание числительных?» (*Ответ*. От лексико-грамматического разряда и состава числительных.) Затем менее подготовленные школьники определяют разряды числительных по значению и составу

(учителем используются примеры из таблицы 5) и, учитывая характер написания (вторая графа таблицы), вносят их в третью графу таблицы. Учащиеся с более высоким уровнем лингвистической подготовки самостоятельно подбирают примеры имен

числительных с учетом их разрядов по значению и составу (первая графа), характера написания (вторая графа) и заполняют третью графу таблицы 5 своим материалом.

В результате проделанной работы таблица 5 приобретает завершённый вид.

Таблица 5

Слитное и раздельное написание числительных
Concatenated and separate spelling of numerals (Table)

Разряды числительных по значению и составу		Характер написания	Примеры
Количественные и порядковые, сложные		слитно	<i>пятьдесят шестисотый</i>
Количественные и порядковые, составные		раздельно	<i>двадцать пять тридцать второй</i>
Порядковые, сложные	вторая часть образована от слов <i>тысяча, миллион, миллиард</i>	слитно	<i>двадцатитысячный стосорокамиллионный двадцатиодномиллиардный</i>
Дробные		раздельно	<i>три целых и пять десятых</i>

Затем школьники самостоятельно формируют отмеченные ими с помощью таблицы 5 закономерности в правописании количественных, порядковых и дробных числительных: 1) сложные количественные и порядковые числительные (*пишутся слитно*); 2) составные количественные и порядковые числительные (*пишутся раздельно*); 3) сложные порядковые числительные, имеющие в составе слова *тысяча, миллион, миллиард* (*пишутся слитно*); 4) дробные числительные (*пишутся раздельно*).

При составлении алгоритма 4 обращаем внимание:

1) сколько ветвей должен содержать алгоритм и почему (четыре ветви, так как в таблице представлено четыре грамматических условия, от которых зависит характер слитного или раздельного написания количественных, порядковых и дробных числительных);

2) с какими числительными можно составить три полные ветви алгоритма (с количественными и порядковыми);

3) как пишутся дробные числительные (составляется четвертая неполная ветвь алгоритма, которая отражает раздельное написание дробных числительных).

Алгоритм 4

**Слитное и раздельное написание
различных разрядов числительных по
значению и составу**

1. Числительное количественное или порядковое по значению и сложное по составу

2. Числительное количественное или порядковое по значению и составное по составу

3. Вторая часть порядкового сложного числительного образована от слов *тысяча, миллион, миллиард*

4. Числительное по значению дробное

Образец рассуждения 1. Слова *шестьдесят* и *восемисотый* являются количественными и порядковыми числительными по значению и сложными по составу, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 4 они пишутся слитно.

Образец рассуждения 2. Слова *тридцать пять* и *сорок второй* являются количественными и порядковыми числительными по значению и составными по составу, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 4 они пишутся раздельно.

Образец рассуждения 3. В сложном порядковом числительном *двадцатипяти тысячный* вторая часть образована от слова *тысяча*, поэтому в соответствии с третьей ветвью алгоритма 4 оно пишется слитно.

Образец рассуждения 4. Слова *три пятых*, *шесть целых* и *две седьмых* являются по значению дробными числительными, поэтому в соответствии с четвертой ветвью алгоритма все слова пишутся раздельно.

Склонение числительных — наиболее трудная в грамматическом плане тема, которая требует от шестиклассников немало усилий для ее усвоения. Кроме этого, обыденная разговорная речь, которую слышат школьники, пестрит грамматическими ошибками в употреблении числительных, что формирует у них ложное представление о том, что неверные формы слов являются нормой. Об этом же убедительно говорят лингвисты: «Реальное речевое употребление числительных демонстрирует значительные отклонения от литературной нормы, но эти ошибки не осознаются большинством говорящих» [Рябушкина 2010: 701].

Типы склонений и совокупность окончаний различных числительных разнообразны. Склонение числительных не имеет единого образца и грамматически связано с разрядом и составом этих слов. Различие падежных окончаний объясняется тем, что числительное как часть речи складывалось под влиянием изменения слов других разрядов, особенно существительных и прилагательных.

Лингвисты отмечают, что «сама система склонения имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных» [Виноградов 1972: 239]. Наблюдения показывают, что значительное количество ошибок встречается при употреблении

падежных форм числительных, обозначающих десятки и сотни, при лексической сочетаемости числительных с другими словами в тексте. Испытывая трудности в образовании падежных форм, связанные с отсутствием единой модели образования словоформ числительных, шестиклассники в устной речи стараются не использовать числительные в косвенных падежах. В письменной речи происходит замена словесного выражения чисел цифровым (знаковым).

Покажем, как склоняются различные лексико-грамматические разряды имен числительных с помощью таблицы 6, в которой грамматический материал проанализируем в такой последовательности:

- 1) назовите разряды числительных, которые изменяются по падежам (склоняются);
- 2) укажите, что необходимо учитывать при определении падежных окончаний числительных (лексико-грамматический разряд как по значению, так и по составу);
- 3) определите, как склоняются простые количественные числительные;
- 4) установите особенности склонения сложных и составных количественных числительных;
- 5) отметьте своеобразие склонения дробных, собирательных и порядковых числительных.

Далее школьники должны определить количество ветвей алгоритма 5 с учетом специфики склонения лексико-грамматических разрядов числительных по значению и составу: склонение простых количественных числительных (первая и вторая ветви); склонение сложных количественных числительных (третья и четвертая ветви); склонение составных количественных числительных (пятая ветвь); склонение дробных, собирательных числительных (шестая и седьмая ветви); склонение порядковых числительных (восьмая ветвь).

Практика работы показывает, что шестиклассники, несмотря на большое количество ветвей алгоритма, не затрудняются в его составлении, осознанно и последовательно выделяют особенности склонения каждого из лексико-грамматических разрядов по значению и строению, используя материал таблицы 6 и отражая его в алгоритме 5.

Специфика склонения простых количественных числительных (*один, два, три, четыре*) передается в первой ветви алгоритма. Далее выясняется, какие простые

Таблица 6

Склонение числительных Declension of numerals (Table)

Количественные числительные					
простые	склонение	сложные	склонение	составные	склонение
<i>один</i>	как прилагательные в ед. числе	на <i>-сот</i> <i>двести</i> <i>триста</i> <i>четыреста</i>	склоняются обе части	<i>двести</i> <i>тридцать</i> <i>четыре</i>	склоняется каждое слово
<i>два</i> <i>три</i> <i>четыре</i>	как прилагательные во мн. числе	на <i>-десят</i> <i>пятьдесят</i> <i>восемьдесят</i>	склоняются обе части как существительные 3-го скл.		
от <i>пяти</i> до <i>десяти</i> , на <i>-дцать</i> <i>двадцать</i>	как существительные 3-го скл.				
Дробные числительные					
<i>две пятых</i>	склоняется каждая часть				
Собирательные числительные					
<i>пятеро</i>	склоняются как полные прилагательные множественного числа				
Простые порядковые числительные					
<i>шестой</i>	склоняются как прилагательные				
Составные порядковые числительные					
<i>двадцать пятый</i>	склоняется последнее слово				

количественные числительные склоняются как существительные 3-го склонения (числительные от *пяти* до *десяти* и на *-дцать*), и составляется вторая ветвь алгоритма. В ходе работы отмечается, можно ли объединить особенности склонения сложных количественных числительных в одну ветвь алгоритма.

Потом шестиклассники определяют, склонение каких сложных количественных числительных следует выделить в третьей (сложные количественные на *-десять*) и четвертой (сложные количественные на *-сот* и *двести* — *четыреста*) ветвях алгоритма 5. В процессе работы над пятой ветвью алгоритма указывается своеобразие склонения составных количественных числительных. При составлении шестой и седьмой ветвей алгоритма называются особенности склонения дробных и собирательных числительных.

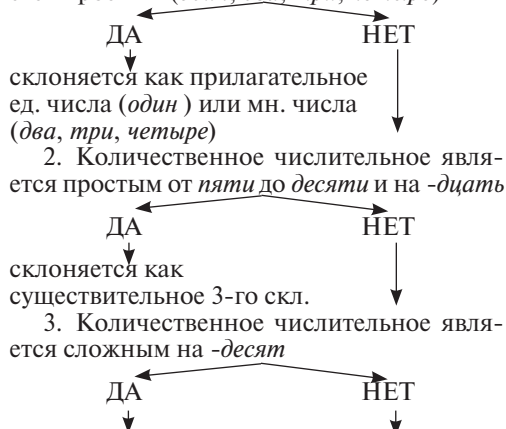
В заключение формулируется восьмая ветвь алгоритма 5, отражающая специфику склонения порядковых числительных. Шестиклассники подбирают примеры простых (*первый, четвертый, восьмой*)

и составных (шестьсот семьдесят второй, две тысячи двадцатый) порядковых числительных и отмечают их падежные окончания.

Алгоритм 5

Особенности склонения лексико-грамматических разрядов числительных

1. Количественное числительное является простым (*один, два, три, четыре*)

склоняются обе части

как существительные 3-го скл.

4. Количественное числительное является сложным на *-сот* и *двести–четыреста*

ДА НЕТ

склоняются обе части

5. Количественное числительное является составным

ДА НЕТ

склоняется каждое слово

6. Числительное является дробным

ДА НЕТ

склоняется каждая часть

7. Числительное является собирательным

ДА НЕТ

склоняется как полные прилагательные мн. числа

8. Числительное является простым порядковым

ДА НЕТ
(составное порядковое)

склоняется как прилагательное

склоняется последнее слово

Образец рассуждения 1. Количественное числительное в словосочетании *с пятьюстами семьюдесятью девятью рублями* употребляется в форме творительного падежа и является составным. Используя пятую ветвь алгоритма 5, склоняем каждое слово числительного *пятьсот семьдесят девять*.

Образец рассуждения 2. Числительное *пятьсот* является сложным, оканчивается на *-сот*. Используя четвертую ветвь алгоритма 5, склоняем обе части слова: *пять* + *сот*; с чем? с *пятью* + *стами* => с *пятьюстами*.

Образец рассуждения 3. Числительное *семьдесят* является сложным, оканчивается на *-десят*. Используя третью ветвь алгоритма 5, склоняем слово как существительное 3-го скл.: оно состоит из двух частей (*семь* + *десят*), поэтому склоняются обе части: с чем? с *семью* + *десятью* => с *семьдесятью*.

Образец рассуждения 4. Числительное *девять* является простым. Используя

вторую ветвь алгоритма 5, склоняем слово как существительное 3-го скл.: с чем? с *девятью*.

Таким образом, числительное в словосочетании *с 579 рублями* приобретает такую грамматическую форму: с чем? с *пятьюстами семьюдесятью девятью рублями*.

Образец рассуждения 5. В словосочетании *к 2022 году* числительное является составным порядковым, состоит из четырех слов: *две тысячи двадцать два*. Используя восьмую ветвь алгоритма 5, указываем, что в составном порядковом числительном склоняется только последний компонент *два*. Грамматическая форма дательного падежа числительного 2022 приобретает такой вид: *к две тысячи двадцать второму (году)*.

В устной и письменной речи школьники часто допускают ошибки при склонении сложных количественных числительных (200–900): по аналогии с правильной формой простого количественного числительного *сто* в Р. п. (*ста*) используют вместо нормативных форм *двухсот*, *четырёхсот*, *шестисот* неверные — «двухста», «четырёхста», «шестиста».

Методически целесообразно предупредить эту типичную грамматическую ошибку в речи шестиклассников и отметить, что сложные количественные числительные от 200 до 900 состоят из двух корней: *двести* — *две сотни*; *триста* — *три сотни*, поэтому при склонении изменяются оба корня, как и в производящем сочетании (*три сотни*, *трех сотен*, *трех сотням*...). Шестиклассникам предлагается алгоритм 6, в котором показаны различия в образовании грамматических форм простых и сложных количественных числительных.

Алгоритм 6

Различия в образовании грамматических форм простых и сложных количественных числительных

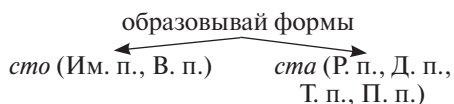
1. В составе сложного количественного числительного два корня

ДА НЕТ

Склоняй оба корня и образовывай форму Р. п. с *-сот*

2. В составе простого количественного числительного один корень

ДА

Образец рассуждения 1. Сложное количественное числительное *пятьсот* в Р. п. в соответствии с первой ветвью алгоритма 6 имеет форму *пятисот*, так как в его составе склоняются два корня (*пяти* *сотен* – *пяти* *сот*).

Образец рассуждения 2. Простое количественное числительное *сто* имеет в своем составе один корень, поэтому образовываю от него в соответствии со второй ветвью алгоритма 6 две формы *сто* (Им. п., В. п.) и *ста* (Р. п., Д. п., Т. п., П. п.).
(Окончание следует.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. 783 с.
2. Голomidova М. Л. Имя числительное как часть речи: методические материалы. Йошкар-Ола: ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования», 2016. 14 с.
3. Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика / отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1987. 262 с.
4. Рябушкина С. В. Особенности узואльно-го склонения русских числительных // Вестник

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 701–703.

5. Федяева Е. В. Роль числового символизма в интерпретации свойств и отношений действительности // Научный диалог. 2017. № 5. С. 126–138. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-126-138.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Russian language: Grammar teaching about the word. 2th ed. Moscow: 1972. 783 p. (In Russ.).
2. Golomidova M. L. Numerals as a part of speech: teaching materials. Ioshkar-Ola: GBU DPO Respubliki Marii Ehl "Mariiskii institut obrazovaniya"; 2016. 14 p. (In Russ.).
3. Reformatskii A. A. Linguistics and poetics. Stepanov G. V., Academy of Sciences of the USSR (eds.). Moscow: Science, 1987. 262 p. (In Russ.).
4. Ryabushkina S. V. Speech variation in declination of Russian numerals. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010. No. 4(2). P. 701–703. (In Russ.).
5. Fedyaeva E. V. Role of numerical symbolism in interpreting relations and properties of reality. *Nauchnyi dialog*. = *Scientific dialogue*. 2017. No. 5. P. 126–138. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-126-138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Николаевич Сульниченко, кандидат педагогических наук, доцент, Крымская академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации

Vladimir N. Sulnichenko, Cand. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Crimean Academy of Professional Retraining and Advanced Training

Статья поступила в редакцию 22.01.2021; одобрена после рецензирования 27.02.2021; принята к публикации 14.03.2021.

The article was submitted 22.01.2021; approved after reviewing 27.02.2021; accepted for publication 14.03.2021.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-44-52

«Всё ждёт он – скоро ль степь родная...»:

стихотворение А. Н. Майкова «Емшан»

(к 200-летию со дня рождения поэта)

Борис Геннадьевич Бобылев

г. Новосиль, Россия, boris-bobylev@yandex.ru

Аннотация. В статье дан филологический анализ стихотворения А. Н. Майкова «Емшан». Цель – демонстрация стилистического и версификационного мастерства поэта, выявление семантических, звуковых и ритмико-мелодических переключений в тексте стихотворения, более глубокое постижение его содержания. Используются методы медленного чтения, исторического и лингвистического комментирования, построчного, ритмо-смыслового и имманентного анализа. Делаются выводы о том, что поэзию Аполлона Николаевича Майкова отличают гармоничное сочетание изобразительности и выразительности, воссоздание внешнего и внутреннего мира человека в их единстве и взаимопроникновении, мастерское использование всей ритмомелодической палитры русского стиха. Указывается на необходимость восстановления должного места великого русского поэта в общественном сознании, популяризации его творческого наследия, более полного и широкого изучения его творчества в школе.

Ключевые слова: Аполлон Майков, «Емшан», полковцы, ритмо-смысловой анализ, экзотизмы, композиция стиха, амбивалентность, анжамбеман, евразийство

Для цитирования: Бобылев Б. Г. «Всё ждёт он – скоро ль степь родная...»: стихотворение А. Н. Майкова «Емшан» (к 200-летию со дня рождения поэта) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 44–52. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-44-52.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"He is still waiting – when will the native steppe..." ("Vsyozhdet on – skoro l' step' rodnaya..."): the poem "Emshan" by A. N. Maikov (to the 200th anniversary of the poet's birth)

Boris G. Bobylev

Novosil, Russia, boris-bobylev@yandex.ru

Abstract. This article provides a philological analysis of A. N. Maikov's poem "Emshan". The purpose of this work includes demonstrating the poet's stylistic and diverse craftsmanship, revealing the semantic, sonic, and rhythm-melodic refrains in the poem's text, and a deeper understanding of its content. This has required using the methods of slow reading, historical and linguistic commenting, as well as the line-by-line, rhythmic-semantic, and immanent analysis. The results show that Apollon Maikov's poetry is distinguished by a harmonious combination of pictoriality and expressiveness, the recreation of personal external and internal worlds in their unity and interpenetration, and the masterful use of the entire rhythmic-melodic palette of a Russian verse. The author of this article emphasizes the need to acknowledge this great Russian poet and his achievements, to popularize his creative heritage, and to conduct a more thorough and extensive study of his work at schools.

Keywords: Apollon Maikov, "Emshan", Polovtians, rhythmic and semantic analysis, exoticism, verse composition, ambivalence, enjambment, Eurasianism

For citation: *Bobylev B. G.* "He is still waiting – when will the native steppe..." ("Vsyо zhdet on – skoro l' step' rod-naya..."): the poem "Emshan" by A. N. Maikov (to the 200th anniversary of the poet's birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 3. P. 44–52. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-44-52. (In Russ.).

Введение. В письме к А. Н. Майкову из Флоренции от 15 (27) мая 1869 г. Ф. М. Достоевский пишет, что для поэта очень важно сосредоточить свой взгляд на ключевых «всевыражающих» пунктах русской истории, «в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом», и изложить их «не как простую летопись... а как сердечную поэму, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайною ясностью)» [Достоевский 1986: 38–39]. Эти слова и мысли Достоевского вполне могут быть отнесены к ряду стихотворений (маленьких поэм) Аполлона Майкова: «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (1867), «В Городце в 1263 году» (1875), «Ломоносов» (1882); «У гроба Грозного» (1887) и др.

Особое место в этом ряду занимает «Емшан». Как и в других исторических стихотворениях-поэмах Майкова, сюжет здесь строится вокруг одного из важных моментов русской истории, когда Владимир Мономах полностью разбил половцев, в течение столетия разорявших русские княжества набегами и грабежами; в результате часть кочевников была приведена к покорности, а часть вынуждена была откочевать далеко на юг от рубежей Руси. Однако, если в других исторических стихотворениях Майкова вершители русской истории изображаются «крупным планом», Владимир Мономах, который играет в «Емшане» сюжетообразующую роль и наделяется эпитетом «всесокрушающий», сам остается «за кадром». Главными героями стихотворения становятся разбитые киевским великим князем половецкие ханы — братья Отрок и Сырчан. В основу повествования положена половецкая песнь о хане Отроке и траве емшан¹, которая находит достаточно широкое отражение в произведениях письменной культуры Руси.

Майков опирается на сказание, приведенное в Галицко-Волынской летописи (Ипатьевский список XIII в.). Повествуя о Романе Мстиславовиче Галицком,

летописец рассказывает о половецких ханах Сырчане и Отроке. Автор пишет о том, что Владимир Мономах наказал *поганья измаилтяны, рекомья половци* и изгнал *Отрока во Обезы за Желъзныя врата*. Сырчан остался у Дона один. После кончины Владимира Мономаха Сырчан шлет гонца за своим братом Отроком, убеждая того вернуться обратно. Предполагая, что его брат может отказаться, Сырчан заранее предупреждает гонца, чтобы он спел Отроку половецкие песни, дабы пробудить у того память о родине. Если же хан и после этого не захочет откликнуться на призыв брата, то *даи емоу поохати зелье, именеъ евианъ*. Гонiec выполнил наказ хана Сырчана.

Стихотворение «Емшан», написанное в 1874 г., включено в школьную программу. Ему уделяется должное внимание в обзорах творчества Майкова [Гайденков 1975; Захаркин 1975; Коровин 1978; Прийма 1984; Степанов 1957 и др.], однако текст до сих пор не подвергался филологическому анализу и комментированию. Попытаемся восполнить этот пробел. Начнем с ритмики и мелодики².

Анализ. Стихотворение «Емшан» написано самым распространенным в русской поэзии XIX в. размером — четырехстопным ямбом. Почти половина строк (45 %) — полноударные, при том что, по данным А. Белого, правильные ямбические строки составляют приблизительно 25 % всего ямбического диметра [Белый 2010]. На этом фоне особо значимыми в «Емшане» являются отступления от метрической

² Ю. Айхенвальд пишет о недостаточной музыкальности стиха Майкова, что, по мнению критика, во многом связано с отсутствием у поэта дара проникновения во внутренний мир человека: «Внешний и пластический, редкий посетитель внутреннего мира, изображающий охотнее всего обстановку человеческих страстей и трепетаний, Майков и стихом владеет таким, который не теплится чувством, в отношении звучности далеко не чужд шероховатостей и не часто бывает музыкален» [Айхенвальд 1908: 32]. Насколько эти слова соответствуют действительности? Ответ — в дальнейшем анализе.

¹ Емшан — народное название полыни.

схемы путем использования безударных стоп (пиррихийев), выступающих ярким ритмомелодическим средством, неразрывно связанным со смыслом стихов, а также сверхсхемных ударений. Наиболее выразительные ритмомелодические вариации мы наблюдаем в первой строфе, играющей важнейшую смыслообразующую и композиционную роль.

Степной травы пучок сухой, Он и сухой благоухает! И разом степи надо мной Всё обаянье воскрешает...	1. /U-/U-/ U-/U- 2. / ÛU /U-/ UU /U-/U 3. /U-/ U-/ UU /Û- 4. / ÛU /U-/ UU /U-/U
--	--

Ритмический ход, напоминающий своим рисунком подкову, охватывает 2, 3 и 4-ю строки. Особо надо отметить ритмическое выделение слова *благоухает*, исполненного большой выразительности и смысла. Это выделение подкреплено фонетической переключкой: *сухой* (повторяется дважды) — *благоухает*. Отметим также сверхсхемные ударения³ во 2-й и 4-й строках, которыми отмечены противоположные края «подковы». Местоимения *Он* и *Все*, на которые падают ослабленные ударения, сглаживаемые инерцией ямбического метра, соотносятся с местоименной полноударной формой *надо мной*. Ее можно рассматривать как «вершину» своеобразного «угла», накладывающегося на «подкову» и выступающего по отношению к ней в роли ритмического контрапункта. Данное выделение местоименных форм служит для подчеркивания и усиления лирического пафоса, которым пронизана первая строфа, выступающая в качестве эмоционально напряженного и возвышенного пролога к относительно спокойному, плавному и размеренному эпическому повествованию.

Он отсылает нас к названию — «Емшан». При этом выстраивается ряд: *Емшан* — *Степной травы пучок сухой* — *Он*. Это тройное выделение вводит в поле нашего сознания главный предмет, вокруг которого строится поэтический дискурс. Одновременно с уменьшением номинативной конкретности в значении слов происходит приближение к читателю называемого объекта, включение его в непосредственное поле

нашего созерцания и восприятия. *Он* в данном случае соотнесен с воспринимающим *Я*, указывает на предмет, который лирический герой именно «здесь и сейчас» держит в руках, чувствует на ощупь, видит, воспринимает его запах. Зрительные, тактильные и обонятельные ощущения сливаются воедино, создавая эффект соприсутствия и эмоционально-сенсорного соучастия читателя. Строка *Степной травы пучок сухой* содержит в себе скрытый хиазм: определения расположены по краям словосочетания, определяемые же существительные — в центре. Происходит своеобразное фокусирование нашего взгляда, задержка восприятия.

Надо мной непосредственно выражает «авторрефлексию лирического героя» [Черашняя 2010]. В данном случае мы имеем дело со скрытой грамматической метафорой [Бобылев 2004]: существительное *обаянье* в норме лишено способности к предложному управлению. При этом в подтексте проступает внутренняя форма слова, происходящего от *обавать* — «околовывать», которое, в свою очередь, соотносится с *бавать* — «заговаривать», т. е. приобретать власть над предметом при помощи слова. «Обаяние степи» как бы властвует над лирическим героем, который входит в роль сказителя, вдохновенного певца. Тем самым возникает перспективная скрытая связь между самим поэтом и певцом — героем сказания, посланцем хана Сырчана.

Все — это определительное местоимение служит для особого выделения, подчеркивания слова *обаяние*. Отметим соединение данного существительного в одном словосочетании с глаголом *воскрешает*, обладающим христианским смыслом и символикой (*воскрешать* значит «оживлять, возвращать к жизни»). Сухая трава оживает в личных воспоминаниях поэта, давняя история о емшане оживает в тексте. Мы же попадаем под обаяние звучания стиха, оказываемся ритмически втянутыми в лирическое повествование.

Всего в «Емшане» 19 строф (из-за относительно большого объема его характеризуют иногда как поэму). Кроме пролога (первой строфы), в стихотворении можно выделить 5 композиционных частей. Во 2–5-й строфах излагается предыстория основного повествования. Шестая строфа играет роль перехода, композиционной

³ Сверхсхемные акценты обозначаются на схеме и в цитатах знаками ударения с наклоном влево.

скрепы. Следующие три строфы (7–9) посвящены завязке сюжета «песни о емшане». Развитие сюжета, кульминация происходят в самой большой 4-й части, состоящей из 8 строф (10–17). Развязке повествования посвящены последние две строфы стихотворения (18–19).

Остановимся поподробнее на предыстории повествования. Начнем со второй строфы:

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.

Как уже сказано, в данном случае происходит переключение от «чистой» лирики к лиро-эпосу: на смену «настоящему вневременному» приходит прошедшее время; позиция участника сменяется на позицию судьи и свидетеля. Все это осуществляется при помощи относительного наречия *когда*, выполняющего дейктическую функцию, указывающего на события далекого прошлого. Реальность, достоверность описываемого подчеркивается двойным повтором глагола *был*. Слово *орда* в восприятии носителя современного русского языка наделено отрицательным оценочным ореолом, используется для обозначения беспорядочной толпы, ватаги, банды. Это значение возникло на основе тюркского слова *орда*, первоначально имевшего значение «средний, середина», затем использовавшегося для обозначения кочевой столицы, ставки правителя, кочевого стана. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с плеоназмом, используемым в качестве стилистического приема.

В первой строке строфы дважды повторяется лексема *стан*, при этом возникает ретроспективная аллитерационная связь со словоформой *в степях*. Аналогичная стилистическая фигура в усиленном варианте используется во второй строке, где мы имеем дело с паронимической аттракцией, переключкой звукового состава корней слов: *бродили* и *орды*. Как разновидность паронимической аттракции можно также оценить игру слов: *брата* – *батыри*. *Батырь* представляет собой русифицированную форму тюркского слова *батыр* – «удалой наездник, храбрец, силач» (смягчение конечного согласного в тюркских

языках невозможно вследствие закона сингармонизма). Этимологически связан с *богатырь*. Заметим, что эпитет *лихой*, в отличие от *удалой*, обладает дополнительным отрицательным оценочным значением («злой, дурной, приносящий беду»).

Особым драматизмом отличаются 3-я и 4-я строфы стихотворения:

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Всё врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

В 3-й строфе (единственной среди всех строф стихотворения с правильным, полнударным метром) появляется образ певца, своеобразного «двойника» самого поэта. Певец здесь воспекает ханов, затем во дворце Отрока будет петь про *славу дедовских времен*. Поэт же «воспевает» в стихотворении «Емшан» поступок Отрока, его любовь к родине. При этом, конечно, сохраняется дистанция между автором и его героем: *полон*, который был *взят из Руси*, не может быть деянием, прославляемым русским поэтом. Более того, эта деталь играет проспективную роль в тексте стихотворения, предвещая и косвенно оправдывая беспощадное наказание, картины которого возникают в 4-й строфе. Отметим сверхсхемные ударения в 1-й и 2-й строках 3-й строфы, которые падают на слова *пир* и *был*. Из этих ритмически выделенных слов как бы составляется фраза *Пир был...*, которая вызывает ассоциации со знаменитыми словами, начертанными таинственной рукой во время пира Валтасара, предвещавшими гибель Вавилона и самого царя. Внутренний драматизм ситуации, переход от ликования к ужасу и смерти оттеняется особой мелодичностью и напевностью 3-й строфы, отличающейся выразительной звуковой инструментровкой, концентрацией и варьированием сонорных звуков в попеременном изысканном сочетании с гласными переднего, среднего и заднего ряда: *раз — пир — горой — Руси — рекой; велик полон — был — славу — пел — лился — улусе*.

Следует также указать на особую роль, которую играет в 3-й строфе лексика ограниченной сферы употребления. Так,

исконно русское слово *полон*, активно употреблявшееся в письменных памятниках Киевского периода, помогает создать впечатление достоверности повествования, выступая своеобразным речевым сигналом, указывающим не только на исторические координаты происходящего, но и на тесную связь жизни половцев и русичей. Экзотизмы *кумыс*, *улус*, *орда* (в первоначальном значении) помогают воссоздать атмосферу жизни степного народа.

4-я строфа контрастирует с 3-й по своему содержанию и форме. В первых двух строках мы сталкиваемся с концентрацией сразу шести односоставных предложений. Словесный лаконизм и теснота синтаксических связей обеспечивают экспрессивность и суггестивность лирического повествования. Впечатление усиливает использование ряда отглагольных существительных (*шум*, *крик*, *стук*), создающих атмосферу нарастающего хаоса, распада, наряду со словами и оборотами, объединяемыми семантикой убийства, истребления (*смерть*, *кровь*, *нет пощады*). Пучок стилистических приемов дополняется фигурой полисиндетона (многосоюзия).

Перед нами стремительно мелькают картины разорения стойбища половцев, сопровождаемые звуковыми сигналами. Ю. Айхенвальд в начале XX в. писал о «скульптурности» и «живописности» стиха Апполона Майкова, который «дает почти самую вещь, а не описание ее, и вам кажется, что вы держите ее в руках» [Айхенвальд 1908: 32]. Применительно к «Емшану» можно говорить также и о своеобразной «кинематографичности» лирического повествования Майкова.

Во второй части 4-й строфы половцы, рассеявшиеся по степи, убегающие от меча и смерти, уподобляются лебедям. В этом весьма живописном сравнении скрывается некоторая оценочная двойственность, амбивалентность, отличающая также и ряд других образов стихотворения. Лебеди — символы совершенства и благородства (и поэзии). Сопоставление с ними половцев, казалось бы, противоречит традиции сугубо негативного изображения кочевников, называемых в русской словесности *нечистыми*, *погаными*, *беззаконными*, представляемыми как олицетворение зла (см.: [Конявская 2015]). Однако Майков прибегает здесь к стилистической игре, к солещизму, разрушая устойчивые

фразеологические и семантические связи: *стая* заменяется на *стадо*. Это, с одной стороны, обеспечивает снижение высокого образа, а с другой — вносит в создаваемую картину дополнительный изобразительно-реалистический момент: *стадо* ассоциируется с родом занятий кочевников-скотоводов.

5-я строфа завершает часть стихотворения, посвященную предыстории повествования:

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился;
Сырчан в донских залегах мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся...

Строфа эта интересна в ритмомелодическом отношении. Здесь мы видим пропуск сразу двух метрических ударений (в 1-й и 3-й стопах), и в этом отношении она соотносится с 1-й строфой. Кроме того, встречаемся с анжамбеманом, резким расхождением между синтаксическим и ритмическим строением 1-й и 2-й строк. Эти ритмические приемы служат для выделения эпитета *Всесокрушающий*. Данное образное определение также обладает амбивалентностью. С одной стороны, оно возвеличивает победителя (в памяти возникает *Всемогущий*), с другой — действия Владимира Мономаха направлены на разрушение, уничтожение⁴.

Переход к истории о траве емшан в 6-й строфе осуществляется с большим поэтическим и сказительским мастерством:

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...

⁴ Двойственная оценка действий Владимира Мономаха по отношению к половцам в «Емшане», по всей видимости, была продиктована художественной интуицией Майкова, однако она во многом предвосхищает позднейшие оценки Л. Н. Гумилева, сделанные на основе исторических фактов: «После нескольких неудачных сражений Святополк II, а с ним Владимир Мономах и старший брат уже известного нам Олега Святославича — Давыд — начали нападать на становища половцев, стремясь перенести тяжесть военных действий в половецкую степь. Половцам пришлось защищать зимовья, где находились их женщины и дети. Волковы упряжки с семьями и утварью кочевников, двигавшиеся со скоростью около 4 км/ч, не могли уйти от русской конницы; половцы поневоле принимали навязываемые им сражения» [Гумилев 2007: 79].

Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

В четыре строки укладывается повествование о многих годах. При этом строфа отличается значительным ритмическим разнообразием: во 2-й строке присутствует сверхсхемное ударение; из четырех стихов три являются неполноударными. Особо надо отметить последний стих, начинающийся с пиррихия, ускоряющего ритм и предваряющего выразительный «словесный жест», впечатление которого создается использованием неполного предложения, а также пунктуационными (тире) и лексическими средствами (употребление слова с народно-поэтической окраской — *туга*, которое становится в ряд с былинным *буйным ветром*).

В части стихотворения, посвященной завязке повествования, «наказу», с которым шлет хан Сырчан певца к брату, особо отметим 3-ю строку из 7-й строфы: *Он там богат, он царь тех стран*, где присутствуют три сверхсхемных ударения, что придает стиху интонацию скандирования, а также 3-ю и 4-ю строки в 8-й строфе: *Чтоб шел в наследие свое / В благоухающие степи*, — где ускорением ритма, связанным с использованием безударных стоп, выделены слова, исполненные высокого пафоса: *наследие* и *благоухающие*. Здесь присутствует переключкича с эмоционально напряженным лирическим прологом — с глагольным эпитетом *благоухает*, а также с ключевым словообразом стихотворения — *емшаном*.

Как уже было сказано, развитие повествования, вплоть до кульминации, происходит в самой большой композиционной части стихотворения, составляющей восемь строф (10–17). В соответствии с традициями народного поэтического творчества, где распространены троекратные повторы, используемые для эмпазы, подчеркивания особой важности сказанного и его лучшего запоминания, певец трижды обращается к хану Отроку с призывом вернуться на родину. Здесь присутствуют два соотношенных градационных ряда: по мере роста настойчивости и пафоса певца нарастает отрицательная реакция Отрока: безразличие переходит в недовольство и гнев: сначала он молчит, затем *принимает угрюмый вид* и, наконец, велит увести певца. Сцена эта подана в кинематографическом ключе с переходом от «крупного плана» к плану

отдельных деталей, при этом для пробуждения воображения читателя, воссоздания зрительных и слуховых образов используются экспрессивные речевые средства, эпитеты и сравнения: *в золотом шатре, на золоте и серебре, хор рабов Его что солнце величает, рой абхазянок прекрасных*. Последний образ, как и ряд уже отмеченных выше деталей, обладает оценочной двойственностью: слово *рой* ассоциируется с пчелами, осами, жала которых могут таить в себе смертельную опасность.

В начале сцены активную роль играет речь, слово. Певец выступает в роли «коммуникативно активного персонажа». Он сначала говорит о кончине Мономаха, об отсутствии препятствий к возвращению и возобновлению набегов на Русь, затем исполняет половецкие былины:

Встает певец, и песни он	/U-/U-/ U-/U-
Поет о былях половецких,	/U-/U-/ UU /U-/U
Про славу дедовских времен	/U-/ U-/ UU /U-
И их набегов молодецких...	/U-/U-/ UU /U-/U

Данная строфа относится к числу наиболее мелодичных в стихотворении, в ней так же, как в 1-й и 6-й строфах, преобладают строки с пропущенными ударениями (2–4), при том что ритмический рисунок носит здесь симметричный, плавный «былинно-напевный характер»: пиррихии во всех метрически облегченных строках присутствуют в 3-й стопе, образуя своеобразную «лесенку». Отметим звуковую инструментовку, игру согласными: *певец, песни, поет, половецких, про, молодецких; встает, певец, половецких, славу дедовских времен, набегов* и пр. Ритмическая соотнесенность с 1-й строфой способствует развитию ассоциации между образами «певцов», выступающих в роли сказителей: самого поэта — автора стихотворения и созданного им персонажа — акына. Поэтическое слово тем самым предстает как сила, оказывающая влияние на действительность, творящая ее: как сказано, так и стало.

Акт передачи хану Отроку *пучка травы степной* становится вершиной поэтического творчества, сливающегося с «творчеством» жизни. Емшан — это не просто предмет, но духовный символ, указующий путь в Отечество, воскрешающий душу из забвения и небытия. Майков с большой художественной силой через ряд внешних деталей поведения хана передает

нарастающий процесс внутреннего преображения, воскрешения души, сбрасывающей с себя иго «окамененного нечувствия», пробивающуюся наружу из гроба беспмятства, подобно тому как на свет пробивается зеленая трава: *хан — и сам не свой — почуя в сердце рану — За грудь схватился*. Необыкновенно выразительна строфа, являющая итог этого неодолимого стремления, внутреннего прорыва:

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне!
— Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

По сути, мы здесь имеем дело с переходом от лирики к драматургии: перед нами разыгрывается ряд сцен с действующими лицами: хан Отрок, певец, «кунаки»⁵ хана. Предельно эмоциональная фраза хана Отрока читается как реплика драматургического диалога; при этом «авторская ремарка» оформляется как анжамбеман (*взмахнувши кулаком / Воскликнул...*), который разрывается восклицанием персонажа. Изысканная игра с интонационно-метрическим рядом и синтаксисом, использование восклицательных предложений, эпитетов и слов с пронзительным эмоциональным ореолом (*родном, милей, смерть, слава, чужбина*), а также фигуры антитезы создают особую выразительность и суггестивность строфы.

Развязка стихотворения (строфы 18–19), также отличается кинематографичностью и живописностью:

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногую дружиной.
Минуя гору за горой,
Все ждёт он — скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

«Глаз-кинокамера» фиксирует сначала общий план — золотые от солнца вершины

гор, возвышающихся над туманом в долинах, после этого следует «крупный план» — идущий в горах караван, хан Отрок, его дружина; затем происходит дальнейшее сужение фокуса, в котором, наконец, оказывается пучок *травы степной* в руках хана...

Вместе с тем здесь присутствует не только предметно-изобразительный, но и выразительный, символический план. Традиционно гора является символом гордости, возношения одних людей над другими. Отрок минует *гору за горой*, отказывается от величия, славы, власти, стремясь к обретению покоя души в Отечестве, в родной степи. Конец стихотворения перекликается с началом в лексическом и ритмомелодическом отношении. Начальное словосочетание *Степной травы пучок* с измененным местом определения повторяется в финальных строках, при этом используется анжамбеман — перенос последнего компонента в финальную строку.

Заключительная строфа также отличается заметным варьированием метрической схемы: пиррихии присутствуют в трех строках, в начале же 2-й строки 19-й строфы выстраиваются один за другим сразу четыре ударных слога. Возникающая здесь контрастная ретроспективная переключка скандированных строк (ср.: *Он там богат, он царь тех стран* и *Все ждёт он — скоро ль степь родная*) подчеркивает глубину изменений, произошедших во внутреннем мире Отрока, преобразование его души.

Выводы. В стихотворении «Емшан» происходит преодоление инерции сугубо негативного изображения половцев и кочевников в русской словесности, отношения к ним как к народам *поганым и беззаконным*, чуждым духовности и нравственности. И в этом отношении А. Н. Майков на художественно-образном, интуитивном уровне предвосхищает то изменение взгляда на историю отношений Руси со Степью, которое проявляется в XX в. у «евразийцев» и, в частности, в работах Л. Н. Гумилева, оказывающих серьезное влияние на современную русскую мысль и политику, получающих значительный резонанс в культуре тюркских народов, исторически связанных с Россией [Гумилев 2007; Асадов 2015; Власова 2019; Дильмухамедова 2011; Калижанов 2017 и др.]. Своеобразное художественное переосмысление стихотворения Майкова осуществляется в повести писателя М. Д. Симашко «Емшан»,

⁵ Слово *кунак* (от тюрк. *конак* — ‘гость’) на Кавказе используют для обозначения друзей, приятелей, т. е. равных по достоинству, положению людей; во фразе же: *Чтоб увели его, велит / Своим послушливым кунакам* — мы имеем дело с отступлением от этого традиционного значения: эпитет *послушливый* диктует иной смысл: ‘слуга’, ‘подчиненный’, ‘приближенный’.

которая начинается эпиграфом из одноименного стихотворения [Симашко 1966].

В заключение отметим, что Аполлон Николаевич Майков демонстрирует в своем произведении гармоническое сочетание изобразительности и выразительности, воссоздает внешний и внутренний мир человека в их единстве и взаимопроникновении, мастерски использует всю ритмическую палитру русского стиха. В данном отношении он стоит в ряду великих классиков русского слова XIX в.⁶

Сегодня, в год 200-летия со дня рождения Аполлона Николаевича Майкова, настало время объединить усилия учителей, методистов, деятелей отечественного просвещения и науки для восстановления должного места замечательного русского поэта в общественном сознании, для популяризации его творческого наследия, для более полного и широкого знакомства юношества с произведениями художника слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. II. М.: Научное слово, 1908. 162 с.
2. Асадов З. В. Отражение национально-культурной идентичности древних тюрков в письменной культуре Древней Руси (к этноэтиме «емшан / ёвшан») // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 7. С. 289–293.
3. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
4. Белый А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый А. Собрание сочинений. Символизм: книга статей. М.: Культурная революция, 2010. С. 286–395.
5. Бобылев Б. Г. Метафорическое использование грамматических категорий и форм в художественном тексте // Русский язык в школе. 2004. № 1. С. 64–69.
6. Власова Г. И. Евразийская поэтика казахского культурного текста (на материале современной поэзии) // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2. С. 84–91.
7. Гайденов Н. Аполлон Николаевич Майков // Майков А. Н. Избранное. Л.: Советский писатель, 1952. С. 5–36.
8. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2007. 320 с.
9. Дильмухамедова Э. Е. Россия спасется евразийством // Русская линия. 02.05.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=14329> (дата обращения: 10.12.2020).
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука, 1986. С. 38–39.
11. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Изд. Совет русской православной церкви, 2003. 1056 с.
12. Захаркин А. Ф. Аполлон Майков // Русские поэты второй половины XIX века. М.: Просвещение, 1975. С. 231–241.
13. Калижанов У. К. Олжас Сулейменов: тюркославистика и культурный код // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 4/1. С. 175–179.
14. Конявская Е. Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Slovene. 2015. № 1. С. 180–190.
15. Коровин В. И. Поэт Аполлон Майков // Майков А. Н. Стихотворения. М.: Детская литература, 1978. С. 5–28.
16. Прийма Ф. Я. Поэзия Майкова // Майков А. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Правда, 1984. С. 3–40.
17. Степанов Н. Л. А. Н. Майков // Майков А. Н. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5–88.
18. Симашко М. Емшан // Простор. 1966. № 9. С. 62–77.
19. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 2: Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 638 с.
20. Черашняя Д. И. Динамика сюжета и встречное движение времени в «Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама // Открытый научный семинар «Феномен человека в его эволюции и динамике» / Заседание № 51.

⁶ Ср.: «Популярность поэзии Аполлона Николаевича Майкова несправедливо ниже масштаба его дарования... Белинский сопоставлял его стихи с пушкинскими, Плетнёв ставил Майкова “побольше Лермонтова”, Некрасов и Чернышевский в 1855 г. говорили о Майкове как о поэте, равного которому “едва ли имеет Россия”, Дружинин находил “поэтический горизонт” Майкова обширнее, нежели у Тютчева, Фета и Некрасова. Мережковский утверждал: “После Пушкина никто еще не писал на русском языке такими неподражаемо-прекрасными стихами”» [Дунаев 2003:220].

12 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/10/s-51_cherashnia.pdf (дата обращения: 10.12.2020).

REFERENCES

1. Aikhenvald Yu. I. Silhouettes of Russian writers. Iss. II. Moscow: Scientific word, 1908. 162 p. (In Russ.).
2. Asadov Z. V. The reflection of national-cultural identity of ancient Turkic written culture of ancient Russia (to the ethnoeydem "wormwood / yovshan"). *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki = Modern research and development*. 2016. No. 7. P. 289–293. (In Russ.).
3. Bakhtin M. M. To the methodology of the humanities. Moscow: Art, 1979. P. 361–373. (In Russ.).
4. Belyi A. Experience of characterizing Russian iambic tetrameter. Belyi A. *Sobranie sochinenii. Simvolizm: kniga statei = Collected works. Symbolism: a book of articles*. Moscow: Cultural revolution, 2010. P. 286–395. (In Russ.).
5. Bobylev B. G. Metaphorical use of grammatical categories and forms in literary text. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2004. No. 1. P. 64–69. (In Russ.).
6. Vlasova G. I. Eurasian poetics of Kazakhstan cultural text (a study of modern poetry). *Mir russkogo yazyka i literatury = World of Russian-speaking countries*. 2019. No. 2. P. 84–91. (In Russ.).
7. Gaidenkov N. Apollon Nikolaevich Maikov. *Maikov A. N. Favorites*. Leningrad: Soviet writer, 1952. P. 5–36. (In Russ.).
8. Gumilev L. N. From Rus to Russia: essays on ethnic history. Moscow: Airis-press, 2007. 320 p. (In Russ.).
9. Dilmukhamedova Eh. E. Russia will be saved by Eurasianism. *Russkaya liniya = Russian line*. 02.05.2011 [Electronic resource]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=14329> (accessed: 10.12.2020). (In Russ.).
10. Dostoevsky F. M. Complete collection of works: in 30 vol. Vol. 29. Book. 1. Leningrad: Science, 1986. P. 38–39. (In Russ.).
11. Dunaev M. M. Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the 17th–20th Centuries. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2003. 1056 p. (In Russ.).
12. Zakharkin A. F. Apollon Maikov. Russian poets of the second half of the 19th century. Moscow: Education, 1975. P. 231–241. (In Russ.).
13. Kalizhanov U. K. Olzhas Suleymenov: Tyurkoslavistika and cultural code. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and social-educational idea*. 2017. Vol. 9, No. 4/1. P. 175–179. (In Russ.).
14. Konyavskaya E. L. Polovtsians in early chronicles: assessments and interpretations by the chroniclers. Slovene. 2015. No. 1. P. 180–190. (In Russ.).
15. Korovin V. I. Poet Apollon Maikov. *Maikov A. N. Stihotvoreniya = Poems*. Moscow: Children's literature, 1978. P. 5–28. (In Russ.).
16. Priima F. Ya. Poetry of Maikov. *Maikov A. N. Sochineniya = Works*: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Publishing house Pravda, 1984. P. 3–40. (In Russ.).
17. Stepanov N. L. A. N. Maikov. *Maikov A. N. Izbrannye proizvedeniya = Selected Works*. Leningrad: Soviet writer, 1957. P. 5–88. (In Russ.).
18. Simashko M. Emshan. *Scope = Prostor*. 1966. No. 9. P. 62–77. (In Russ.).
19. Complete collection of Russian chronicles: in 43 vol. Vol. 2. A. A. Shakhmatov (ed.). Saint-Petersburg: Printing house of M. A. Aleksandrov, 1908. 638 p. (In Russ.).
20. Cherashnyaya D. I. The dynamics of the plot and the oncoming movement of time in "Poems about the Unknown Soldier" by Osip Mandelstam. *Otkrytyi nauchnyi seminar "Fenomen cheloveka v ego ehvolyutsii i dinamike" / Zasedanie № 51. 12 maya 2010 g. = Open scientific seminar "The phenomenon of man in his evolution and dynamics" / Session No. 512 May 2010* [Electronic resource]. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/10/s-51_cherashnia.pdf (accessed: 10.12.2020). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борис Геннадьевич Бобылев, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук (монах Нафанаил, Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия)

Boris G. Bobylev, Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.) (Monk Nathanael, Svyato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis)

Статья поступила в редакцию 23.12.2020; одобрена после рецензирования 29.12.2020; принята к публикации 12.01.2021.

The article was submitted 23.12.2020; approved after reviewing 29.12.2020; accepted for publication 12.01.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59

Стихотворение Н. Гумилева «Я не прожил, я протомился...»: метафизические и поэтические смыслы (к 135-летию поэта)

Елена Алексеевна Панова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, eapanova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется одно из известных стихотворений Гумилева, для более глубокого понимания которого, по мнению автора статьи, необходим лингвопоэтический анализ. Используя метод медленного чтения и обращая внимание на композицию, на интертекстуальные переклички, на семантическую и грамматическую структуру текста, на систему повторов, автор показывает, как происходит развертывание лирического сюжета, какие акценты вносит языковая форма в раскрытие идейно-образного содержания стихотворения. Результаты проведенного анализа позволяют уточнить и дополнить существующее в современных исследованиях понимание стихотворения.

Ключевые слова: православие, лингвопоэтический анализ, композиция, автор и лирический субъект, время, пространство, оппозиции, повторы, семантическая и грамматическая структура, интертекстуальные переклички

Для цитирования: Панова Е. А. Стихотворение Н. Гумилева «Я не прожил, я протомился...»: метафизические и поэтические смыслы (к 135-летию поэта) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 53–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

N. Gumilyov's poem "I did not live, I spent..." ("Ya ne prozhil, ya protomilsya..."): the metaphysical and poetic meanings (to the 135th anniversary of the poet's birth)

Elena A. Panova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, eapanova@mail.ru

Abstract. This article analyzes one of Gumilyov's most famous poems, a deeper understanding of which requires a linguopoetic analysis. Using the method of slow reading and paying attention to the following elements: composition, intertextual references, semantic and grammatical structure of text, system of alliterations — the author of this study shows how the development of lyrical subject progresses and what the lingual form highlights in disclosing the poem's ideological and descriptive content. The results of the analysis allow the understanding of the poem presented in contemporary studies to be clarified.

Keywords: Orthodoxy, linguopoetic analysis, composition, author and lyrical subject, time, space, oppositions, repetitions, semantic and grammatical structure, intertextual references

For citation: Panova E. A. N. Gumilyov's poem "I did not live, I spent..." ("Ya ne prozhil, ya protomilsya..."): the metaphysical and poetic meanings (to the 135th anniversary of the poet's birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 53–59. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-53-59. (In Russ.).

Введение. Стихотворение «Я не прожил, я протомился...», написанное в 1915 г., входит в сборник «Колчан» (1916), о котором исследователи единодушно пишут как о «поворотном» в мировоззрении Н. Гумилева, «знаменующем начало зрелого творчества» поэта [Климчукова 2005: 116].

Стихотворение считается одним из лучших в книге, оно сразу получило высокую

оценку современников. Так, Б. М. Эйхенбаум назвал его «наиболее цельным, наиболее напевным из всего сборника» [Эйхенбаум 2000: 431], а поэтесса Софья Парнок включила его в ряд стихотворений, которые она определила эпитетом «превосходные» [Полянин 2000: 433]. И в современных работах, посвященных творчеству Гумилева, это стихотворение относится к числу часто упоминаемых и цитируемых.

Как известно, «А. Ахматова считала главной темой книги “Колчан” православию» [Климчукова 2005: 118], и анализируемое стихотворение напрямую связано с выражением этой темы (в частности, В. С. Малых назвал его «сугубо христианским» [Малых 2012: 31]). Не удивительно поэтому, что все исследователи, говоря об этом стихотворении, делают акцент на «христианской составляющей» текста, но, к сожалению, ограничиваясь, как правило, констатацией (или прозаическим пересказом) самого общего, лежащего на поверхности смысла. Так, отмечается, что лирический герой «был потрясен, увидев Фаворский свет Преображения Господня» [Зобнин 2013: 137], «идея Преображения связана с мотивом раскаяния в заблуждениях молодости и надеждой на искупление» [Малых 2012: 16], «в свете, льющемся с Фавора, вся прежняя система ценностей не может не подвергнуться коренной переоценке» [Климчукова 2005: 119] и т. п.

С этими высказываниями трудно не согласиться, но вряд ли «цельность» (Б. М. Эйхенбаум) и «превосходность» (С. Парнок) стихотворения объясняются только тем, что в нем выражены религиозные взгляды автора. Не стоит упускать из виду, что это все же поэтический текст, который заслуживает внимания не только в плане «содержания» (выражения тех или иных мыслей и взглядов), но и с точки зрения той формы, которая данное содержание передает. В статье о поэтике Н. Гумилева О. Г. Ревзина посетовала на то, что «в последние десятилетия изучение поэтического наследия Н. Гумилева слишком часто идет под знаком “и”: Гумилев и Восток, Гумилев и Ницше, Гумилев и православие...», и отметила, что только «внимательное прочтение его поэтики вкупе с детальным и конкретным анализом стихотворений вне “и” позволит придать четкие контуры тому, что сам Гумилев называл “единственностью” и “всемогуществом” поэта» [Ревзина 2016: 42].

Сколько-нибудь развернутого лингво-поэтического анализа стихотворения «Я не прожил, я протомился...» нам не встретилось. Хотя оно не принадлежит к числу самых трудных для понимания, данное лирическое произведение, безусловно, заслуживает неспешного и вдумчивого прочтения, внимательного отношения к его языковой форме (к «фактуре», если использовать

термин Р. О. Якобсона) и к тем поэтическим (а не только религиозным и метафизическим) смыслам, которые она выражает. Кроме этого, многие исследователи отмечают, что Гумилев не так прост, как может показаться на первый взгляд, и его стихи, даже вроде бы самые прозрачные, требуют комментария и «расшифровки». Так, М. Баскер пишет: «Считалось, что поэзия Гумилева лишена глубины. В действительности почти с самого начала она выявляет значительную семантическую осложненность под зачастую кажущейся простой... внешней оболочкой» [Баскер 2000]. В анализируемом стихотворении тоже есть отдельные строки и образы, которые могут быть поняты неоднозначно и нуждаются в комментариях.

Анализ. Рассмотрим различные аспекты организации стихотворения и, используя в том числе и метод медленного чтения, попробуем проанализировать текст, обращая внимание на его поэтику, на те акценты, которые «расставляет» его семантическая и грамматическая структура.

Начнем с композиции. Стихотворение состоит из пяти строф (все с перекрестной рифмой), которые благодаря системе различных повторов тесно сцепляются друг с другом, создавая непрерывность смыслового развертывания лирического сюжета, так что становится понятно, почему Эйхенбаум назвал это стихотворение цельным. Первые две строфы связаны метонимически (*Господь... явился — свет на горе Фаворе*); второе и третье четверостишия объединены синтаксически (однородные придаточные) и анафорическим повтором союза *что*; четвертая строфа связывается с предыдущей противительным союзом *но* и метонимией образов *красота твоих дочерей — любовь*; указательное местоимение *этой (думой)* соотносит заключительное четверостишие не только с непосредственно предшествующим ему, но и со всеми предыдущими строфами, поскольку как «грустная дума», видимо, оценивается содержание не только четвертой строфы, но и всего левого контекста. Заключительная строка стихотворения (*Я и так погубил одну*) соотносится с начальной строкой (*Я не прожил, я протомился*) синтаксически (одинаковое строение грамматических основ предложения с повтором подлежащего и грамматической формы сказуемого) и содержательно:

погубил представляет собой оценку прожитой жизни (*погубить* — ‘бесполезно, беспечно истратить’¹). Это придает композиции стихотворения в целом кольцевой характер. Кроме того, стихотворение насыщено повторами разного типа, которые дополнительно увязывают по вертикали как части строф, так и отдельные строфы. Помимо повтора личных и притяжательных местоимений *Я/моя* и *Ты/Твоей, Твоих*, участвующих в выражении одной из ключевых оппозиций («земное—небесное») и придающих тексту диалогичность, следует прежде всего отметить сквозной повтор с доминантой «жизнь»: *прожил, жизни, жить, жизнь, будущей, одну* (два последних слова можно рассмотреть как имплицитный повтор, поскольку эти согласуемые слова относятся к подразумеваемому существительному *жизнь*), сюда же относится и синоним слова *жизнь* — *бытия* (*бытие* — ‘существование, жизнь’²). Этот ключевой смысл, изначально двойственный (так как объединяет земное существование с тем, что наступает после), имплицитно вводит, во-первых, мотив смерти, а во-вторых, придает всему стихотворению медитативно-философский характер, настраивая на размышления о смысле жизни, об истинных и ложных ценностях.

«Напевность» стихотворения, отмеченная Б. М. Эйхенбаумом, может пониматься по-разному, но очевидно, что речь идет об интонации, которую можно охарактеризовать как «волнообразную»: констатирующая интонация чередуется с вопросительной, а эмоционально-взволнованная, нарастающая от начала к концу текста, сменяется в последней строфе более спокойной (что на лексическом уровне выражено эпитетом *тихой*).

Исследователи творчества Гумилева не раз отмечали, что в сборнике «Колчан» «лирическое “я” автора имеет явные биографические корни» [Тадевосян 2008: 78]. В результате лирический герой стихотворения не только часто проецируется на самого Гумилева, но и практически отождествляется с ним. Однако, как бы ни были близки автор и лирический субъект, все

же не стоит забывать, что последний — это всегда сконструированный (смоделированный) образ и полного совпадения между ним и поэтом быть не может.

Лирический герой стихотворения неоднократно выражен в тексте лексическими и грамматическими средствами: личным и притяжательным местоимениями (*я* (5 раз) / *мне; моя*), глагольными формами первого лица (*вижу, тоскую, дотяну*), словами и сочетаниями, метонимически обозначающими лирического субъекта (*молодая сила, сердце, любовь, думой*), а также целым рядом лексических средств, входящих в смысловое поле эмоциональной оценки, субъектом которой является лирическое «я»: *протомился, невозможной, мечтой, безумно, тоскую, дремучий сон, больно, томил, тихой, грустной, погубил*. Такое «открытое присутствие» лирического субъекта в тексте придает стихотворению ярко выраженный лирический, исповедальный характер, а преобладание в ряду оценочных лексем слов с негативной эмоциональной окрашенностью определяет общий эмоциональный тон текста (*безумно тоскую, больно томил, грустной думой*).

Попробуем медленно прочитать текст и проследить, как происходит развитие лирического сюжета. Начальная строка стихотворения, во-первых, указывает на ретроспективное (формы прошедшего времени глагола) осмысление пройденного жизненного пути, а во-вторых, противопоставлением лексических значений глаголов-сказуемых выражает оценочную оппозицию «должное — недолжное», которая открывает и тянет за собой целый ряд других оппозиций, важных для понимания текста. Следующая строка уточняет характер намеченной оппозиции. Во всех изданиях в комментариях к тексту этого стихотворения указывается, что «половина жизни земной» — это отсылка к «Божественной комедии» Данте, к началу первой песни: *Земную жизнь пройди до половины, / Я очутился в сумрачном лесу...*, и добавляется: «“Половиной жизни” некоторые из комментаторов Данте называют 30-летний возраст» [Гумилев 2005: 349]. На самом деле комментаторы «Божественной комедии» отмечают, что Данте опирается на «Пир» Платона (IV, 23) и «серединой человеческой жизни, вершиной ее дуги... считает *тридцатипятилетний* (выделено нами. — Е. П.) возраст» [Лозинский 1967:

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965 (БАС).

² Там же.

545]. Для Гумилева, к сожалению, это была не половина, а вся жизнь. Поэтому вряд ли стоит понимать здесь «половину жизни» буквально, речь скорее идет просто о незавершенности земного пути. Однако представляется, что комментарий к этой интертекстуальной отсылке должен быть более развернутым, потому что она вызывает гораздо больше ассоциаций, чем просто указание на возраст. По свидетельству А. Ахматовой, «любовь к Данте» — это то общее, что объединяло ее с Гумилевым-поэтом [Ахматова 2002: 9], и можно предположить, что Гумилев не просто употребил известное выражение Данте, а, скорее всего, рассчитывал на более полное понимание тех смыслов, которые оно за собой влечет. Прежде всего, это отсылка к самой ситуации «кризиса». Так, О. А. Седакова в статье «Перевести Данте» пишет: «Узнает ли наш читатель в этих словах цитату из молитвы царя Езекии: “В преполовлении дней моих должен я идти во врата преисподней” (Ис. 38, 10)? А вместе с ними всю историю обреченного на смерть и спасенного от нее человека? Вспомнит ли он, что середина жизни, по библейским представлениям, — особо опасная зона... <...> И наконец, что точная середина жизни человека приходится на сон?» [Седакова 2017]. «Сумрачный лес» (аллегория земных страстей и заблуждений), в котором «заблудился», «утратив правый путь во тьме долины», герой «Божественной комедии», ассоциируется с «дремучим сном бытия» стихотворения Гумилева, лирический герой которого тоже ищет выход из жизненных противоречий.

Заключительные строки первой строфы и начало следующей, с одной стороны, отсылают к Евангелию, а с другой — продолжают переключку с «Божественной комедией», так как герои обоих произведений видят спасительный свет. Союз *и* и частица *вот* (*И, Господь, вот Ты мне явился*), имеющие значение ‘наступление новой стадии действия по сравнению с той, которая отражается предыдущим предложением’³, указывают на завязку в развитии лирического сюжета. В какой-то степени оксюморонное (объединяющее реальность

и мнимость, осуществимое и неосуществимое) сочетание *явился невозможной... мечтой* свидетельствует о том, что лирический субъект относит это событие к категории чудесного, дарованного ему Откровения. А разговорная окраска конструкции (*и... вот явился, невозможной такой*) и обращение *Господь* способствуют интимизации ситуации, подчеркивая отсутствие «дистанции» между субъектом и адресатом, указывая на близость адресата внутреннему миру лирического «я», на доверительный характер отношения к адресату.

Со второй строфы начинается «покаянная» часть стихотворения, которая продолжается и в следующем четверостишии. Лирический герой перечисляет заблуждения и грехи молодости, однако в этом перечне можно усмотреть некоторую двойственность. Так, строка *Что взлюбил и сушу и море*, с одной стороны, говорит о любви к земному миру, который создан Богом, и, казалось бы, ничего плохого в этом нет, но с другой — глагол *взлюбил* содержит отрицательную коннотацию: он указывает на чрезмерную степень проявления чувства, что переводит его в разряд «недолжных». *Молодая сила* сама по себе тоже вовсе не является отрицательным качеством, если только она не переходит определенные границы и не превращается в гордыню. *Красота Твоих дочерей* (т. е. также созданная Богом) закономерно призвана доставлять наслаждение, но и здесь должна быть мера (*так больно... томила* тоже указывает на слишком высокую степень проявления чувства). Таким образом, самоосуждение лирического героя вызвано не самой по себе любовью к земному миру, а ее чрезмерным проявлением, ведь всякая страсть, когда человек всем своим существом обращен на что-либо и поглощен этим переживанием, по христианским представлениям, приводит его к отчуждению от Бога.

Четвертая строфа начинается с противительного союза *но*, указывающего на новый, неожиданный поворот в развитии сюжета и создающего эффект обманутого ожидания. Лирический герой, который, казалось бы, уже осознал иллюзорность своих прежних ценностей и покаялся в этом, из числа того, что в Фаворском свете казалось ненужным и тщетным, выделяет любовь как «предмет первостепенной важности», как наивысшую духовную

³ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 134 (ОС).

ценность и пытается найти если не оправдание для себя, то по крайней мере ответ на мучающий его вопрос. Дважды повторенная вопросительная частица *разве* совмещает в себе значения 'сомнения в чем-либо' и одновременно 'уверенности в противоположном ответе'⁴. При этом *любовь* берется не в конкретном проявлении, а как чувство, существующее само по себе, что придает ей статус «вечного» и «всеобщего». Здесь имплицитно представлена оппозиция между верой, которая не знает сомнений, и всегда сомневающимся разумом. Кроме того, выдвигание на первый план любовной темы заставляет вспомнить о Данте, отсылка к которому в первой строфе стихотворения уже как будто с самого начала «предсказывала» появление любви как одной из смысловых доминант текста.

Вопрос, заданный лирическим «я», остается без ответа, герой осознает невозможность разрешения сомнений и противоречий в земной жизни, чем объясняется эмоциональный тон последней строфы.

Заключительная строфа подводит итог: лирический герой волевым усилием как будто отодвигает свои сомнения, приглушает эмоции и принимает для себя единственно возможный выход — ввериться воле Бога. Примечательно, что в первоначальной редакции первая строка заключительного четверостишия была иной: *И с моею печальной думой* [Гумилев 2005: 241]. Замена эпитета *печальной* на *грустной* в сочетании с *тихой* кажется логичной: печаль — более сильная эмоция, чем грусть, которая больше соответствует смирению и к тому же, в отличие от печали, обычно недолговременна, как и земная жизнь.

В тексте отчетливо выделяются три временных пласта: прошедшее, настоящее и будущее. На лексическом уровне к полю времени относятся прежде всего *половину жизни земной* и *о будущей* (жизни), которые, как уже говорилось, образуют оппозицию. Грамматически временной план выражен формами глаголов. Преобладают формы прошедшего времени совершенного вида: *(не) прожил, протомился, явился, взлюбил, (не) смирилась, погубил*. Субъектом всех действий является лирический герой; глагол *явился*, хотя и относится к подлежащему *Ты*, по сути,

тоже находится в зоне сознания лирического героя, который почувствовал присутствие Бога. Перфектное значение форм совершенного вида вносит дополнительное значение завершенности, окончательности свершившегося и невозможности его исправить. Обращает на себя внимание совершенный вид глагола *смирилась* (вместо, казалось бы, более логичного и ожидаемого *смирлась*). Он употреблен с отрицательной частицей *не*, которая «сводит на нет» результативное значение совершенного вида: смирение, к которому вроде бы готов лирический субъект, не достигнуто, его отсутствие не только факт прошлого, но и настоящего (и, видимо, будущего). Единственный глагол несовершенного вида *томила*, указывая на длительность и повторяемость этого состояния в прошлом, одновременно подразумевает его незавершенность и возможность продолжения в настоящем.

Два глагола настоящего времени (*вижу, тоскую*), маркирующие важную для лирического субъекта «точку» на жизненном пути (момент «постижения истины»), кроме временной, объединены и причинно-следственной связью: первое действие каузирует второе. *Вижу* — здесь глагол внутреннего зрения, который обозначает не столько «взгляд в небо», сколько внутрь себя и характеризует состояние героя в момент преображения души. План будущего тоже выражен двумя глаголами — *дотяну* и *подумаю* (императив обозначает предстоящее действие). Казалось бы, после того как лирический герой ощутил «свет Фавора», земная жизнь его должна измениться. Однако глагол *дотяну* ('трудно, тяжело доживать остаток своей жизни'⁵) возвращает нас к *не смирилась*, смыкая прошлое и будущее земного существования и закрепляя двойственность, неоднозначность итога духовного пути лирического героя, его «отчета» перед Богом и перед самим собой: несмотря на раскаяние и понимание своей «неправильной» жизни, лирический герой как будто не в силах отказать от своих прошлых заблуждений и осознает, что противоречия и сомнения не могут быть разрешены для него в земной жизни.

⁴ ОС. С. 295.

⁵ БАС.

Что касается пространственной организации, то лирический конфликт целиком замкнут во внутреннем пространстве героя стихотворения. И те немногочисленные объекты внешнего пространства, которые упомянуты в тексте, важны не столько своим конкретным значением, сколько как символы: «суша» и «море» как символы всего земного (нижнего) пространства, а «гора» — небесного (верхнего). Е. В. Меркель справедливо отмечает: «И хотя контекстуально здесь суша и море противопоставлены горе как нижнее пространство верхнему, “соль” этой антитезы в другом: Фавор есть не место, находящееся в физическом измерении, а духовная реальность»⁶.

Выводы. Таким образом, стихотворение насыщено оппозициями, которые затрагивают разные стороны образно-смысловой структуры текста и мотивируют развитие лирического сюжета, тесно переплетаясь друг с другом: время (прошлое — будущее), пространство (земное — небесное, внешнее — внутреннее), оценочный план (должное — недолжное), «участники» лирической ситуации (субъект (я) — адресат (*Ты*, *Господь*), внутренняя жизнь лирического субъекта (чувство *сердце*) — разум (*думой*); вера — разум), его эмоциональное состояние (*любовь* — *тоска*, *томление*).

Однако левый и правый члены этих оппозиций не отделены друг от друга резкой границей, напротив, они соприкасаются, а иногда и смыкаются, образуя сложное целое.

Все это говорит о том, что в поэтическом мире Гумилева нет схематичного деления на «черное» и «белое», многие образы амбивалентны, его мир, как и сама жизнь, диалектичен и многогранен, без упрощений и лишней прямолинейности, но при этом в нем существует четкое представление о незыблемости нравственных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова А. Данте // Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Эллис Лак, 2002. С. 6–10.*

⁶ Меркель Е. В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам): дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2015. С. 100.

2. Баскер М. «Стихи из снов»: искусство, магия и сновидения в «Романтических цветах» [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/47> (дата обращения: 06.02.2021).

3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918). М.: Газ.-журн. объединение «Воскресенье», 2005. 275 с.

4. Зобнин Ю. В. Николай Гумилев. М.: Вече, 2013. 477 с.

5. Климчукова В. Н. Николай Степанович Гумилев // История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: 1910–1930 годы. М.: Высшая школа, 2005. С. 115–147.

6. Лозинский М. Примечания // Алигери Д. Новая жизнь. Божественная комедия. Библиотека всемирной литературы. Т. 28. М.: Художественная литература, 1967. С. 527–674.

7. Малых В. С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты изучения. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 98 с.

8. Полянин А. Н. Гумилев. Колчан // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 433–434.

9. Ревзина О. Г. Поэтика Н. Гумилева // Русский язык в школе. 2016. № 4. С. 39–42.

10. Седакова О. А. Перевести Данте // Знамя. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6521> (дата обращения: 31.01.2021).

11. Тадевосян Т. В. Николай Гумилев: эволюция личности и мифологема героя // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 76–79.

12. Эйхенбаум Б. М. Новые стихи Н. Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. С. 428–432.

REFERENCES

1. Akhmatova A. A. Dante. Akhmatova A. A. *Sobranie sochinenii = Collected Works*: in 6 vol. Vol. 6. Moscow: Ehllis Lak, 2002. P. 6–10. (In Russ.).

2. Basker M. "Poems from dreams": art, magic and dreams in "Romantic flowers" [Electronic resource]. URL: <https://gumilev.ru/about/47> (accessed: 06.02.2021). (In Russ.).

3. Gumilev N. S. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. 3: Poems. Poems (1914–1918). Moscow: Newspaper and magazine association "Sunday", 2005. 275 p. (In Russ.).

4. Zobnin Yu. V. Nikolai Gumilev. Moscow: Veche; 2013. 477 p. (In Russ.).

5. Klimchukova V. N. Nikolai Stepanovich Gumilev. *Istoriya russkoi literatury XX veka = History*

of Russian literature of the twentieth century: in 4 book. Book 1: 1910–1930. Moscow: Higher school, 2005. P. 115–147. (In Russ.).

6. Lozinsky M. Notes. *Alig'eri D. Novaya zhizn'. Bozhestvennaya komediya. Biblioteka vseмирnoi literatury = New life. The Divine Comedy. Library of World Literature.* Moscow: Fiction, 1967. Vol. 28. P. 527–674. (In Russ.).

7. Malykh V. S. Nikolai Gumilev's artistic works: university and school aspects of study. Izhevsk: Udmurt University, 2012. 98 p. (In Russ.).

8. Polyannin A. N. Gumilev. Quiver. *N. S. Gumilev: pro et contra.* Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. P. 433–434. (In Russ.).

9. Revzina O. G. Poetics of N. Gumilev. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2016. No. 4. P. 39–42. (In Russ.).

10. Sedakova O. A. Translate Dante. *Znamya = Banner.* 2017. No. 2 [Electronic resource]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6521> (accessed: 31.01.2021). (In Russ.).

11. Tadevosyan T. V. Nikolai Gumilev: the evolution of the personality and mythologeme of the hero. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century.* 2008. No. 2. P. 76–79. (In Russ.).

12. Ehikhenbaum B. M. New poems by N. Gumilyov. *N. S. Gumilev: pro et contra.* Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. P. 428–432. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Алексеевна Панова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena A. Panova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 08.02.2021; одобрена после рецензирования 25.02.2021; принята к публикации 01.03.2021.

The article was submitted 08.02.2021; approved after reviewing 25.02.2021; accepted for publication 01.03.2021.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что идет подписка на II полугодие 2021 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства:

- «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896; <https://podpiska.pochta.ru/>),
- «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334; <http://www.ural-press.ru/>),
- «ИВИС» (<http://www.ivis.ru/>), «ПрессИнформ» (<http://presskiosk.ru/>), НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА» (<http://www.informsystema.ru/>), «Информнаука» (<http://informnauka.com/>).

2) через сайты Научной электронной библиотеки <https://elibrary.ru/> и нашего журнала: <https://www.riash.ru/jour/user/subscriptions>

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68

О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого

Олег Евгеньевич Вороничев

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия, voonid@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить лингвостилистические особенности юмористического идиостиля Э. Кроткого в жанре афоризма. Автор анализирует различные типы лексических доминант, представляющих собой организующие центры каламбурных афоризмов: полисемические, омонимические, паронимические, псевдоантонимические, псевдосинонимические. В статье рассматриваются различные способы авторского каламбурного преобразования фразеологизмов и прецедентных высказываний. На основе установления парадигматических отношений между лексическими единицами автор использует классификационный и статистический методы, прием трансформации как средства систематизации языкового материала.

Ключевые слова: Э. Кроткий, афоризм, каламбур, идиостиль, фразеологизм, полисемия, омонимия, паронимия, зевгма, хиазм

Для цитирования: Вороничев О. Е. О языковой природе каламбурных афоризмов Э. Кроткого // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 60–68. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On the lingual nature of punning aphorisms by E. Krotky

Oleg E. Voronichev

Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University, Bryansk, Russia, voonid@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to reveal the linguistic and stylistic features of E. Krotky's humorous idiosyncrasy in the aphorism genre. That includes different types of the lexical dominants, which are the organizing centers of the punning aphorisms: polysemic, homonymic, paronymic, pseudo-antonymous, and pseudo-synonymous. This paper studies various ways of the authorial punning transformation of phraseological units and precedent statements. Having established the paradigmatic relations between the lexical units, the author of this article uses the classification and statistical methods and the method of transformation as the means of systematizing the linguistic material.

Keywords: E. Krotky, aphorism, pun, idiosyncrasy, phraseological unit, polysemy, homonymy, paronymy, zeugma, chiasm

For citation: Voronichev O. E. On the lingual nature of punning aphorisms by E. Krotky. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 60–68. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-60-68. (In Russ.).

Введение. Если за Дмитрием Минаевым, блиставшим каламбурами во второй половине XIX в., закрепился неофициальный почетный титул «короля каламбурной рифмы», то Эммануила Яковлевича Германа, более известного под псевдонимом *Эмиль Кроткий*, по праву можно назвать королем афоризма, непревзойденным классиком данного малоформатного жанра. Согласно нашим подсчетам, свыше половины (ок. 55 %) метких изречений в его творческом наследии имеют каламбурную основу, поскольку мы понимаем каламбур шире, чем «игра слов, основанная на

неоднозначности или близкочувии выражений» [Corbett 1971: 482], «продукт контекста, умышленно построенного таким образом, чтобы вызвать двусмысленность (ambiguity) и сделать невозможным выбор между значениями, оставив читателя или слушателя в бесконечном мерцании смыслов» [Attridge 1988: 141]. В нашем представлении, каламбур – «синкретичное явление экспрессивной речи, которое совмещает признаки фигуры и жанровой формы, охватывает множество неоднородных случаев речеупотребления и может быть выражено разнообразными стилистическими

приемами, основанными прежде всего на фоноассоциативном взаимодействии, контрастном сдвиге или совмещении экспрессивно-семантических полей оппозитивных лексических доминант (ЛСВ многозначных, омонимичных или паронимичных слов)¹. Наша точка зрения в известной степени сближается с широким пониманием данного феномена экспрессивной речи в работах Г. Ф. Рахимкуловой, определяющей каламбур как «понятие, которое объединяет различные виды игровых манипуляций со словом (словосочетанием, фразеологическим оборотом) в масштабах предложения, абзаца, иных единиц текста или же всего текста»².

Анализ. Наиболее частотной лексической основой каламбурных афоризмов Э. Кроткого выступает **многозначность**, и это вполне объективно: большинство общеупотребительных слов в русском языке многозначно, что обусловлено действием закона экономии языковых средств в лексике: для нового плана содержания чаще всего используется «старый» план выражения, если входящее в жизнь и быт народа понятие, требующее обозначения словом, по каким-либо признакам сходно с хорошо известным, давно освоенным. Поэтому приоритет многозначности среди видов лексических основ каламбура еще не является приметой идиостиля писателя. Однако, поскольку в контексте остроумных изречений Э. Кроткого сталкиваются значения определенных типов, последние как сами по себе, так и в их соотношении уже вполне обоснованно можно считать идиостилевыми чертами. Как показывают наши наблюдения, в творческом наследии мастера лексическими доминантами афоризма выступают следующие типы внутрилексемных оппозиций (в порядке снижения частотности):

- **первичное, прямое и вторичное, переносное:**

И траве приходится *пробиваться*; Часы на цепочке, а время все же *убегает*; Она была *холодна*, как мороженое, и так же легко *таяла*, как оно; *Перья* у писателя были — ему не хватало *крыльев*; Виноват композитор, а *бьют* по клавишам; Книга так *захватила* его, что он *захватил* книгу; Не *преувеличивай!* Ты не микроскоп; Повар мыслит *порциями* и т. п.³;

- **общенародное (прямое или переносное) и специальное (терминологическое) значения:**

Не бойтесь этой гранаты: она *ручная*; В змеиной азбуке все звуки *шипящие*; Их *роман* был так короток, что правильней было бы называть его *новеллой*; Это была не пьеса, а оскорбление четырьмя *действиями*; Века были так себе, *средние*; Если у *юпитера* слишком много *спутников* — значит, в киностудии раздуты штаты.

В некоторых каламбурах с лексической основой данного типа ключевые слова имеют оттенок фразеологической связанности:

У него был грипп с *осложнением* на службе; Был так скромн, что стеснялся думать даже о небесных *телах*; Ответить ударом можно на каждый *удар*, кроме солнечного; Идеологических *ошибок* он уже не делал. С него хватало орфографических; Работа на футбольном *поле* к числу *полевых* работ не относится (здесь к оттенку фразеологической связанности добавляется оттенок окказиональной семантизации); В геометрии он был бы *тупым* углом;

- **узуальное и окказиональное (контекстуальное) значения:**

Он был *незлопамятен*: не помнил зла, которое причинял другим; *Многообещающий* человек. Много обещает, но ничего не исполняет; Абонент вел себя *вызывающе*, но телефонистка на вызовы не отвечала; Все блохи — *высочки*; *Малосольные* остроты; Городской ребенок. Из *четвероногих* видел только стул.

В афоризмах этого типа возможен оттенок буквализации фразеологизма:

Ледниковый период прошел. Наступил период холодильниковый; Услыхав, что ее называют женщиной *бальзаковского* возраста, она нервно спрашивала: «А сколько лет этому самому Бальзаку?»;

- **свободное и фразеологически связанное значения:**

³ Здесь и далее афоризмы цит. по: Кроткий Э. Отрывки из ненаписанного. Л.: Художник РСФСР, 1966 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/KROTKIJ/nenapisan-poe.txt> (дата обращения: 06.04.2020).

¹ Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2014. С. 465.

² Рахимкулова Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова (к проблеме игрового стиля): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 2004. С. 35.

Не расставался с книгой. Возьмет в библиотеке — и не вернет!; Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте... И его уволили; В его действиях не было никакой системы, кроме нервной; Все артерии у него были сонные; и т. п.;

• **свободное номинативное и синтаксически или конструктивно обусловленное значения:**

Быть *шипой* можно и зимой, и летом; Человек с тонким обаянием. Едва взглянув на букет, определил: это *пахнет* полусотней; Все ее называли *свиньей*, но ели ее с удовольствием (с оттенком актуализации переносного сатирико-иронического значения слова *ели*);

• **денотативное, стилистически нейтральное (межстилевое) и коннотативное, стилистически маркированное (напр., разговорное, просторечное, высокое книжное) значения:**

Кучер был хорошо *подкован* в своем деле, чего нельзя было сказать о его лошади; Он хотел *развалиться* в кресле, но кресло его опередило: оно *развалилось*;

• **нарицательное (семантически определенное) и собственное (условное, в значительной степени десемантизированное):**

На Минеральных Водах он пил только кахетинское, а вернувшись, жаловался, что *воды* ему не помогли; Не всякая *кучка* могучая.

К афоризмам, построенным на приведенных выше внутрилексемных оппозициях, примыкают остроумные высказывания, основанные на **псевдоантонимии** и **псевдосинонимии**, в которых в конечном счете генератором каламбурного эффекта является та же многозначность, поскольку сталкиваются не столько прямые, сколько переносные значения оппозитивов, создавая тем самым перекрестное семантическое взаимодействие с прямыми. Афоризмы с псевдоантонимическими каламбурами встречаются примерно в два раза чаще псевдосинонимических и занимают второе место (после основанных на разнотипной многозначности) по частотности в произведениях Э. Кроткого. Это объясняется, на наш взгляд, той самой редкой способностью талантливого остроумца заставить понятие светиться через противоречие, которое Гегель считал неотъемлемым признаком подлинного остроумия.

Примеры афоризмов, основанных на контекстуальной **псевдоантонимии**:

Она была *завита*, как овца, и так же *развита*; *Ученые* — свет, *неученые* — тьма; Даже о *плохих* людях надо писать *хорошие* рассказы; Актер *становится собой* только тогда, когда *изображает другого*; И *общая* кухня иногда *разоблачает*; И в *нелетную* погоду можно *вылететь* со службы; и т. п.

Как видим, часто афоризмы такого типа начинаются сочинительным союзом *и*, который Э. Кроткий использует скорее как сигнал диалога, указание на ответную реплику в виртуальной беседе с потенциальным читателем.

В отдельных псевдоантонимических афоризмах встречается оттенок паронимии (*Радиоприемник сближает нас с отдаленными странами и ссорит с ближайшими соседями*); оксюморона (*В программе концерта были исключительно новые «старые» романсы*) или буквализации фразеологизма (*Из него вышел толк. Осталась одна бестолочь; Девушка в безрукавке работала спустя рукава*). С оттенком буквализации фразеологизма может тесно переплетаться оттенок фразеологической связанности слова: *Всю жизнь провел в домах отдыха, — не успевал устать*.

В редких случаях лексической основой каламбурности афоризма выступает **окказиональная антонимия**: *Артель выпускала небьющиеся футляры для ногтечисток и другие предметы широкого непотребления* (при одновременной трансформации фразеологизма путем замены компонента).

Приведем также характерные для идиостиля Э. Кроткого примеры афоризмов, основанных на контекстуальной **псевдосинонимии**:

Греби, но не загребай; Опечатки вкрадываются, сюжеты крадутся; Не всякий безбожно врущий — атеист; Долго ждал признания, но только к концу своей карьеры был признан бездарным; Смотрят все, видят немногие.

Псевдосинонимия может сочетаться с буквализацией фразеологизма — в широком значении последнего термина:

Самым ярким зрелищем в летнем театре был его *пожар*; Младенец улыбался так *кисло*, точно его нашли в *кислой капусте*; Не верил ни в *заочное* обучение, ни в *загробную* жизнь.

В некоторых случаях у Э. Кроткого происходит органическое слияние контекстуальной **псевдосинонимии** с **псевдоантонимией** в одной остроте:

Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя; Предпочитала живым цветам искусственные и находила это вполне естественным.

Лексическая омонимия вполне объективно — по ее соотношению с многозначностью в самом лексическом составе языка — выступает в качестве стилистической основы афоризмов Э. Кроткого гораздо реже в сравнении с полисемией, хотя каламбурный эффект при контекстном столкновении омонимов ощутим благодаря явному семантическому контрасту в значительно большей степени. При этом афоризмы, основанные на узуальной омонимии, закономерно встречаются примерно в два раза чаще, чем имеющие окказиональную омонимическую основу. Примеры с **узальной омонимией**:

Такт необходим не только в музыке; Что сказать о *браке*? — Хорошую вещь *браком* не назовут; Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего *двора*; Не всякая *испанка* — Кармен. Иногда она просто грипп; Его заела не *среда*, а вся неделя в целом (с оттенками фразеологической связанности слова и буквализации фразеологизма).

Примеры с **окказиональной омонимией**:

Бесцветная личность: ничего индивидуального, кроме огорода; И на производстве можно дать обет *безбрачия*; Все говорили, что он не писатель, а «*дерево*». А дерево получало *полистную* оплату (с оттенком синтаксической обусловленности значения слова *дерево*).

Смежные с омонимией явления в творческом наследии Э. Кроткого выступают в качестве лексической основы каламбурного афоризма (в совокупности) в еще меньшей степени, чем собственно лексическая омонимия. Нами обнаружено всего несколько афоризмов такого типа, три из которых построены на **омофонии**: а) узуальной: *Он скажет «за» / И кается... Он постоянно / За-икается!*; б) окказиональной: *Дожил до внуков. Впал в «дедство»; Дуэт льстецов — Фим и Ам*; и один — на имплицитной **омографии**: *На пляже и герой в трусах* (ср.: *труссах*) *ходит*. Ни одной остроты, основанной на **омоформии**, в наиболее полном собрании афоризмов Э. Кроткого — «Отрывках из ненаписанного» — не найдено.

В качестве каламбурной основы афоризмов автор широко использует лексические единицы не только с тождественным планом выражения рассмотренных выше

типов, но и оппозиты со сходным планом выражения, прежде всего — **паронимы** (в узком значении термина: «...одно-коренные (разрядка наша. — О. В.) слова, которые принадлежат одной части речи, имеют сходство в звучании (в связи с общим корнем или основой), но различаются своими значениями»⁴), а также примыкающие к ним **лексико-грамматические паронимы**, к которым мы относим созвучные, но различающиеся значениями или оттенками значений нетождественные грамматические формы одной или разных частей речи, и смежные с ними **парономазы** (разнокорневые подобиозвучия).

Количество и частотность паронимических афоризмов (построенных только на узуальных оппозитах, окказиональных нами не обнаружено), в том числе лексико-грамматических, в произведениях Э. Кроткого в целом сопоставимо с количеством и частотностью острот, построенных на узуальной и окказиональной лексической паронимии, ср.:

а) афоризмы, построенные на **узальной паронимии**:

Забывший писатель искал *забвения* в вине; *Осуждать* легче, чем *обсуждать*; Зав не искал *хороших* сотрудниц, — с него было достаточно *хорошеньких*; На скачках с *препятствиями* не требуют, чтобы лошадям не *препятствовали* скакать.

Из возможных дополнительных стилистических оттенков в паронимических афоризмах Э. Кроткого (основанных преимущественно на лексико-грамматической паронимии) чаще всего встречается оттенок фразеологической связанности:

Войдя в трамвай, он был *сжат* в предельно *сжатый* срок; Влюбленные вырезали на дереве столько пронзенных стрелами *сердец*, что дерево погибло от *сердечной* болезни (с оттенком фразеологической связанности последнего слова); Всегда *перестраховывался*, но ни разу не получил *страховой* премии;

б) афоризмы, основанные на **парономазии**:

— **узальной эксплицитной**:

На всякого *заведующего* есть свой *завидующий*; Чем менее *искусен* укротитель, тем более он *искусан*; *Бытие* определяет сознание, *питие*

⁴ Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 326.

замутняет его; Классиков должно не только *почитать*, но и *почитывать*; Нет морального облика без единого облака; О Гамлете: *принципиальный принц*;

— узуальной имплицитной:

К взяточникам он относился снисходительно — это были его коллеги по *«беру»*; *Вылился* в алкоголики; У него царственный вид: весь рот в *коронках*;

в) **окказиональной** (как правило, с имплицитным узуальным оппозитом, вполне прозрачным в контексте):

Сказочно плохая продукция: скатерть-*саморванка*; Поверхностный остролов, мастер неглубокого *каламбурения*; В некрологе была своя *некрология*; О заведующей ларьком: *«Расхитительная женщина!»*; В составе поезда был только вагон для некурящих. Вагона для *негрубящих* не было (с оттенком окказиональной однокорневой антонимии).

Перу Э. Кроткого свойственны и однословные оригинальные юмористические образования, созданные на основе междусловного наложения, т. е. представляющие собой окказиональные паронимазы с двумя производящими узуальными оппозициями: *стихпромышленники*, *выговоророны*, *водопище*, *дома-недоскребы*.

Изредка в пределах одной остроты встречается соседство окказионального паронима с узуальным эксплицитным оппозитом: *Не мышеловка, а мужеловка* — и органичное сочетание паронимии с паронимазией: *Это была не жизнь, а будничное житье-питье*.

Гораздо менее частотны в идиостиле Кроткого в сравнении с паронимическими и парониматическими афоризмы, основанные на эксплицитной или имплицитной **однокорневой синонимии** (*Нагруженный корабль еле **возвышается** над водой, пустой — величественно **высится** над ней*) и **однокорневой антонимии** (в том числе контекстуальной): *Ум не дается им, авось **заумь** поможет*.

В творческом наследии Э. Кроткого есть примеры афоризмов, построенных на контекстуальном взаимодействии форм одного и того же слова и поэтому опровергающих стереотипное мнение о неспособности таких оппозиций создавать каламбурный эффект, ср.: *Вулкан может **потухнуть**, но его нельзя **потушить***; *«Здесь **жили**»... «Здесь **жили**»... И никогда: «Здесь **живет**». Люди*

*внимательнее к **жившим**, чем к **живущим**; Он сидел в **заднем** углу и думал свои **задние** мысли* (в последнем случае каламбурное созвучие грамматических форм усилено оттенком многозначности оппозитивов).

Одна из главных особенностей идиостиля Э. Кроткого — преобладание в количественном и частотном отношении афоризмов, представляющих собой результаты оригинальной **трансформации фразеологизмов и прецедентных высказываний** (даже в сравнении с остротами, основанными на разнотипной многозначности, если такое сопоставление вообще корректно, поскольку трансформация идиом и прецедентов нередко обусловлена многозначностью компонентов). Опираясь на собственные наблюдения и классификацию стилистических вариантов авторского преобразования семантики и структуры фразеологизма Н. М. Шанского [Шанский 2010: 200–218], можно выделить в творческом наследии писателя-афориста следующие основные виды трансформации устойчивых сочетаний:

1. Контекстуальное изменение (букализация) семантики (как правило, это омонимия фразеологизма и свободного словосочетания):

Мудрецы и зубные врачи *смотрят в корень*; Весна хоть кого с ума сведет. *Лед* — и тот *тронулся*; *Родился в сорочке* и ни разу с тех пор не менял ее; Маникюрша *знала всю подноготную* своих клиентов; Ему *пришла в голову мысль*, но, не застав никого, ушла; Улица была вымощена *каменьями преткновения*; Трамвай представлял собой *поле брани*; Плох тот писатель, которому не *верят на слово*; Робинзон, у которого *семь Пятниц на неделе*; Не *брал за горло* никого, кроме бутылки.

В таких трансформантах, как правило, ощутимы различные экспрессивные оттенки, например: *Руки мыл **ежечасно** и все же оставался **нечист на руку*** (оттенок псевдоантонимии); *В его присутствии **невозможно было говорить без дураков*** (оттенок иронии); *Гармонист о своем инструменте: «**Мировая гармония!**»* (оттенок разговорности эпитета); ***Будь как солнце**: уходя, гаси свет* (оттенок веллеризма); *На искусство он **реагировал**, но **реакция** всегда была **кислая*** (оттенок терминологичности) и т. п.

Данный тип — бесспорный лидер среди разновидностей афоризмов Э. Кроткого — во многом близок к изречениям, построенным на столкновении свободного

и фразеологически связанного значений полисеманта. Различие в классификационных критериях (весьма условное) мы видим лишь в том, что в высказываниях, основанных на данном виде многозначности, отсутствует, неконкретен (вариативен) или имплицитен второй (и другие, если их выше двух) компонент фразеологической связки.

Буквализация семантики может быть относительно полной (см. примеры выше) и неполной, когда семантически преобразованное устойчивое выражение частично сохраняет прежнюю или обретает в контексте новую образность, как, например, в афоризмах:

Душа его так часто уходила в пятки, что они стали одухотворенными; Человек, знакомый со всеми играми, кроме игры ума; С Пегасом ему не везло: он ставил явно не на ту лошадь; Всю жизнь занимался лесозаготовками: искал сучки в глазах у ближних; Ходил на службу с портфелем, а говорил, что несет свой крест; Вышел в люди и не вернулся; и т. п.

Буквализация устойчивого сочетания в афоризмах Э. Кроткого иногда способна приобретать окказиональный (псевдо-этимологический) оттенок: *Отбивая головой мяч, не утверждай, что это умственный труд.*

Возможно и в какой-то мере «обратное» преобразование, которое можно было бы назвать **контекстуальной фразеологизацией** устойчивого (но не собственно фразеологического — в узком значении термина) сочетания:

Верх рассеянности: на *стук сердца* ответить «войдите»; И ослы *играют роль в музыке*; их кожу натягивают на барабан; В театре ему указывал его место капельдинер. В жизни этого никто не делал, и потому он всегда *был не на своем месте*.

Встречается органическое взаимодействие буквализации фразеологизма с многозначностью, основанной на столкновении прямого и переносного значений слова:

Звезды не нуждаются в том, чтобы их превозносили до небес; Дети — цветы жизни. Не давай им, однако, *распускаться*; *Брак по расчету* на скорый развод; Большой жаловался на *камни* в печени, и врач обещал, что он от недуга *не оставит камня на камне*; и т. п.

Такое же тесное взаимодействие возможно с псевдосинонимической и псевдоантонимической контекстуальной многозначностью:

Крохотному писателю поставили *памятник из мраморной крошки*; Перед тем как начать доклад, он *протер пенсне*, а потом стал *втирать очки*; Когда она заговаривала о *черно-бурой лисе*, муж *смотрел* на нее *волком*; *Вечным пером* писал *недолговечные* фельетоны; *Посредственный* учебник *средней* истории для *высших* учебных заведений; Она была *тяжела на подъем*, но *легка на падение*; *Петух* чувствовал, что его *зажарят*, и *пел* свою *лебединую песню*.

Среди разнообразных по семантико-стилистическим характеристикам афоризмов Кроткого, основанных на буквализации фразеологизма, особую группу составляют остроты аллегорического содержания, которые можно было бы назвать псевдозоологическими:

В яблоке завелся *червь сомнения*; Муха всегда *не в своей тарелке*, а в чужой; Селедка жаловалась, что люди ей *здорово насолили*; Еж хвастался, что он *одет с иголочки*; У мыши всегда *на сердце кошки скребут*; *Делать муху из слона* нерентабельно: слишком много отходов; и т. п.

2. Контекстуальное изменение состава (и, как следствие, семантики):

а) путем расширения:

Таланта у него, безусловно, *нельзя было отнять*: таланта у него не было; Починочная мастерская *чинила только препятствия* заказчикам; У электрической лампочки *жизнь всегда на волоске висит* (с частично сохраненной образностью); Она *содрала с него семь каракулевых шкурок*; *Всякий талант в конце концов зарываю*т в землю (с оттенком метонимии); Она *заговаривала* ему *вставные зубы*; Это был, так сказать, Цезарь *наизнанку*. Он *умел одновременно не делать несколько дел*;

б) путем сужения:

Понтий Пилат *мыл руки* не только перед едой; *Слово не воробей*, но и оно бывает *сереньким* (с оттенком метафорической многозначности последнего слова);

в) посредством замены компонента/ов:

При виде потока автомобилей лошадь *махнула хвостом* на свое будущее; Неудачливый беллетрист в отчаянии схватился за *заголовок* (также ощутима паронимазия с имплицитным *голову*); Беллетрист *набил ногу* на дорожных очерках;

Закон *всеобщего* тяготения к шаблону; О нем нельзя было сказать, что он живет чужим умом. Он жил своей *глупостью*; Это был человек *умный* на короткие дистанции; Дареному *автомобилю* в *кузов* не смотрят; Нашла коса на *парикмахера*; Слово – серебро, зубы – золото;

г) путем кардинального преобразования лексико-грамматического состава при сохранении общего образа и/или содержания:

Живопись не каша – ее и маслом испортить можно; *Вкрался* в литературу, как *опечатка*; Неудачливый романист *поник* всеми главами своего романа; О поэте Н.: «Бесцветен, как воздух, но менее *необходим*»; *Ответственность* подобна одежде: публично *снимать* ее с себя не следует; Ее *репутация* была солнцеподобна: на ней было много *пятен*.

3. Контаминация:

Из разговора о пьесе: *Гвоздь сезона*, а Островскому *в подметки не годится!* (с контекстуальным оттенком буквализации); Кузнец Вакула пользовался летательным аппаратом мощностью в одну *нечистую силу*; Лошадь *любила выпить и закусить удила*; Начитанный человек: Как?! Вы не читали твеновской «*Хижины дяди Тома Сойера?*»; Великие *платят* за искусство *жизнью*, маленькие – *зарабатывают* им *на жизнь* (с оттенком контекстуальной антонимии).

Наряду с рассмотренными выше различными лексическими аттракциями (полисемической, омонимической, паронимической и т. д.) и различными приемами трансформации фразеологизмов как основными способами создания каламбурных афоризмов в творчестве Э. Кроткого, соотношением которых в наибольшей степени определяются особенности его идиостиля, конструктивной основой афористического каламбура могут служить зевгма и хиазм. При этом, как показывают наблюдения, Э. Кроткий отдает явное предпочтение каламбурной зевгме.

Зевматические каламбурные афоризмы, которых в наследии писателя примерно вдвое больше, чем хиастических, как правило, основаны на неожиданном парадоксальном сочинительном соединении логически неоднородных членов предложения и одновременной актуализации прямого и переносного значений. Как следствие, сталкиваются разные семантические поля ключевых лексем из контекстуального окружения этих псевдооднородных слов-понятий:

Дружба и чай хороши, если они *горячие, крепкие и не слишком сладкие*; Пример *брал* с своего начальника, взятки – с подчиненных; В пьесе и в зале было много *пустых мест*; Негативы и таланты надо *проявлять*; Для историков и стариков *всё в прошлом*; *Малые формы*: скетч, юмореска, эпиграмма, микроинфаркт; и т. п.

В афоризмах этого типа на зевгму могут накладываться различные семантико-экспрессивные оттенки: *И голова, и пиджак у него были с чужого плеча* (оттенок буквализации фразеологизма); *Чебрец и мяту можно найти во всех хороших аптеках и плохих стихах* (оттенок окказиональной метафорической семантики слов *чабрец* и *мята*).

В некоторых случаях зевгма ощутима благодаря различиям в способах синтаксической связи псевдооднородных компонентов (как правило, управление сталкивается с примыканием):

Она *говорила* немного по-французски и очень много по телефону; Кто *работает на совесть*, а кто и на других заказчиков (последний афоризм основан на равносильной актуализации в выделенном сочетании узального примыкания и окказионального имплицитного управления).

В **хиастических** афоризмах Э. Кроткого каламбурный эффект возникает при контекстуальном столкновении свободных словосочетаний и производных оппозитивов (ср. *вкус хрена* и *хреновый вкус*, *новые русские бабки* и *бабки новых русских*), полученных в результате лексико-грамматической инверсии, трансформации и транспозиции элементов производящих конструкций. При этом, как правило, актуализируется, становясь рельефной, контекстуальная многозначность или омонимия ключевых слов:

Все *классики* были *современниками*, но не все *современники* будут *классиками*; У него была *хорошая* память на *плохое* и *плохая* – на *хорошее*; До *близких далеко*, до *далеких близко*, – вот и ходишь к *далеким*; Мы *убиваем время*, а *время убивает* нас; Плохо, если о тебе *некому заботиться*. Еще хуже, если не о ком *заботиться* тебе; Его упрекали в том, что он не *связан с жизнью*. А *жизнь* не хотела с ним *связываться*; и т. п.

В отдельную группу каламбурных острот Э. Кроткого можно выделить афоризмы-веллеризмы, лексической основой которых выступает всё та же многозначность, актуализирующаяся в контексте, пояснительная часть которого неожиданно, анекдотически контрастно «дискредитирует» тезисную:

Автора настойчиво *вызывали*: публике хотелось посмотреть на человека, написавшего такую плохую пьесу; *Имя его не сходило с афиши*, где он неизменно фигурировал в числе «и др.»; Вот и *встретились!* — сказал машинист паровоза, врезавшись во встречный поезд; *Верхнее платье снимать обязательно* — сказал грабитель, снимая шубу с прохожего.

Несмотря на такое разнообразие каламбурных афоризмов, было бы ошибкой полагать, что в творческой лаборатории Э. Кроткого рождались только каламбуры. Они, как уже было отмечено нами в начале данной статьи, составляют около 55 % произведений писателя. Оставшиеся 45 % имеют другую стилистическую основу.

Чаще всего некаламбурные афоризмы Кроткого, обнаруживающие не только искрометное остроумие, но и острую наблюдательность автора в сочетании с тонким психологизмом, основаны на **сравнении** (преимущественно метафорическом):

Автомобили толпились у бензоколонки, как лошади у водооя; Она шипела на мужа, как газированная вода; На чужих похоронах мы волнуемся, как актер на репетиции; Походил на бомбу замедленного действия: взрыв его хохота раздавался через пять минут после того, как он услышал шутку; и др.

Второе место по частотности среди некаламбурных афоризмов Кроткого делят крылатые изречения, организующим стилистическим центром которых выступает:

— **парадокс** (основанный на антонимической антитезе):

Больше всего она опасалась, что муж заподозрит ее в верности; В гибели одуванчика его бессмертие; Жизнь и смерть ходят рядом, но ничего не знают друг о друге; Шутит, боясь быть серьезным. Смеялся, чтоб не зарыдаться; Их брак прошел в хлопотах о разводе; и др.;

— **гипербола** (обычно ироническая):

Перерасход корма для Льва отнесли за счет жившего в его клетке Воробышка; В эту зиму мороженого на улицах было больше, чем снега; Когда его толкали в трамвае, ему казалось, что толчок этот отмечают все сейсмографы мира; и т. п.;

— **алогизм как литературный прием** (часто в сочетании с парадоксом):

Дерево было искалечено гвоздями, которыми к нему был прибит плакат: «Не калечьте деревья!»; Путешествовал по Крыму с путеводителем по Кавказу и удивлялся неточности

путеводителя; Вы подождите немного. Пятиминутка длится у нас не более сорока минут; и т. п.

Стилистической основой произведений мастера афоризма могут служить и другие экспрессивные средства языка с некаламбурной семантикой: **метафора** (*В школе жизни неуспевающих не оставляют на повторный курс*) и **метафорическая перифраза** (*Балет — это опера для глухих; Горячая и расчетливая, она была гибридом пожара с огнетушителем; Дверь в редакцию была полуоткрыта, из нее выглядывало скучное «лицо журнала»*); **перифраза как пародия на «канцелярит»** (*Природа не удивляла его. Кустарник он рассматривал, как «кустовое объединение», листопад воспринимал, как «сокращение древесного листажа»*); **оксюморон** (*Это был, так сказать, снайпер непопадания*); **ироническая антитеза** (*Бездарность легче прощают человеку, чем талант; О присутствующих не говорят, об отсутствующих злословят*); **аллегория** (*Не повторяй своих острот: одним лезвием дважды не бреются; Величие не шумливо. Великий океан — в то же время и Тихий океан*); **аллегория в соединении со сравнением** (*Будь он географической картой, на нем было бы много белых пятен*); **псевдосентенция** (в стиле Козьмы Пруtkова): *Если дождь идет вопреки прогнозу Бюро погоды — не верь дождю.*

Выводы. Анализ афоризмов Э. Кроткого позволяет прийти к следующим общим выводам об особенностях идиостиля писателя:

— большинство афоризмов имеет каламбурную стилистическую основу;

— среди произведений, обнаруживающих лексическую основу каламбурности, объективно доминируют построенные на многозначности, из различных типов внутрилексемных оппозиций которых явно преобладают остроты, базирующиеся на контекстуальном столкновении прямого и переносного значений слова; на втором месте по частотности — псевдоантонимические афоризмы, что свидетельствует о постоянном стремлении к наиболее контрастному столкновению ключевых слов как яркой идиостилевой черте Кроткого;

— среди произведений, представляющих собой результаты разнообразной трансформации фразеологизма (в широком понимании этого термина) и превышающих в количественно-частотном отношении остроты с лексическим ядром каламбурности

в творческом наследии автора, значительно преобладают афоризмы, построенные на контекстуальном изменении (буквализации) семантики производящего устойчивого выражения, что в совокупности с разнообразными лексико-семантическими типами организующих центров острот обнаруживает главную идиостилевую черту писателя: построение каламбурных афоризмов с опорой на взаимодействие семантических полей лексических и фразеологических единиц с тождественным или сходным планом выражения.

К сказанному можно добавить, что афоризмы Э. Кроткого отличаются подлинным остроумием, без флера пошлости и штампа. Вместе с тем, к сожалению, нет (и, видимо, объективно не может быть) какого-либо научного обоснованного и апробированного лингвометодического инструментария, с помощью которого можно было бы измерить эту подлинность (оригинальность мышления автора, яркость и силу воздействия его произведений и т. д.), поскольку это область субъективно-вкусовых оценок и предпочтений. Безусловно, у Э. Кроткого есть высказывания, которые могут быть усовершенствованы или творчески продолжены. Например, выделенную часть афоризма *Астроном делал карьеру, держась за хвост кометы* можно заменить на *поднимался по карьерной лестнице*, усилив таким образом буквализацию фразеологизма, только уже синонимического; афоризм *Пожарный всегда работает с огоньком*

можно продолжить в том же тематическом каламбурном русле *...и не понимает, почему дым отечества так сладок и приятен*, что могло бы усилить юмористический эффект. Однако у автора были свои субъективные причины выразить мысль именно так, и он имел на это полное право. А нам остается только тщательно изучать творческое наследие и секреты мастерства непревзойденного афориста и учиться у него этому мастерству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 5-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 272 с.
2. Attridge D. Unpacking the Portmanteau, or Who's Afraid of Finnegans Wake // *On Puns: The Foundation of Letters* / J. Culler (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 140–155.
3. Corbett E. P. J. Classical rhetoric for the modern student. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1971. 653 p.

REFERENCES

1. Shansky N. M. Phraseology of the modern Russian language. 5th ed. Moscow: LIBROKOM, 2010. 272 p. (In Russ.).
2. Attridge D. Unpacking the Portmanteau, or Who's Afraid of Finnegans Wake // *On Puns. The Foundation of Letters* / Jonathan Culler (ed.). New York: Basil Blackwell, 1988. P. 140–155. (In Engl.).
3. Corbett E. P. J. Classical rhetoric for the modern student. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1971. 653 p. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент, кафедра теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Oleg E. Voronichev, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of the Chair of Theory and Methods of Primary General and Musical Education, Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University

Статья поступила в редакцию 10.04.2020; одобрена после рецензирования 22.04.2020; принята к публикации 05.05.2020.

The article was submitted 10.04.2020; approved after reviewing 22.04.2020; accepted for publication 05.05.2020.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74

Типы дериватов-усечений в современной русской речи

Наталья Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
admin@riash.ru

Аннотация. В статье рассматривается высокопродуктивный способ русского словообразования – усечение. Этот способ словопроизводства, который относят к наиболее «молодым» в языке, играет важную роль в современном компрессивном словообразовании. Цель статьи – выявление новых тенденций в сфере усечения в русской речи начала XXI в. Выделяются структурные типы усечения, определяется их соотношение в современном русском языке. Отмечается наиболее объемная группа дериватов-усечений – имена существительные со значением лица; рассматриваются новые тематические группы усеченных единиц. В статье показано, что усечение в современной русской речи приобретает более широкий характер, чем ранее, и начинает распространяться не только на имена существительные, но и на другие части речи. Рассмотрено характерное для современной русской речи взаимодействие усечения с суффиксацией. Дериваты, образованные усечением, ограничиваются от существительных-универбатов, которые формально мотивируются прилагательным, входящим в состав субстантивного словообразования; предлагается критерий разграничения слов-усечений и универбатов. Материалом для анализа служат современные художественные тексты, тексты СМИ, записи устной речи. Обращение к ним позволяет выявить динамику процессов в сфере усечения.

Ключевые слова: деривация, компрессия, апокопа, афerezис, синкопа, усечение, аббревиация, универбация, стилистическая модификация

Для цитирования: Николина Н. А. Типы дериватов-усечений в современной русской речи // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 69–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The types of truncated derivatives in contemporary Russian speech

Natalia A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, admin@riash.ru

Abstract. This article studies a highly productive way of Russian word formation – truncation. This method of word formation, considered to be the "youngest", plays an important role in the contemporary compressive word formation. The purpose of this article lies in identifying new trends in the area of truncation in the Russian speech of the early 21st century. The author reveals the structural types of truncation and determines their relationship in the contemporary Russian language. The largest group of truncated derivatives includes personal nouns; there are also other new subject groups of the truncated units noted. The results show that truncation in modern Russian speech is becoming more widespread than before and it begins to extend to other parts of speech besides nouns. The author pays attention to the interaction of truncation with the suffixation characteristic of contemporary Russian speech. The derivatives, formed by truncation, are different from univerbated nouns, which are formally attributed by adjectives, which are part of the substantive word formation; thus, a criterion for differentiating truncated univerbated words seems in order. The material for analysis includes modern fiction, texts from mass media, and oral recordings. Using them has helped in revealing the dynamics of truncation processes.

Keywords: derivation, compression, apocope, apheresis, truncation, abbreviation, univerbation, stylistic modification

For citation: Nikolina N. A. The types of truncated derivatives in contemporary Russian speech. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 69–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74 (In Russ.).

Введение. Для современного русского языка характерна активизация компрессивных способов словообразования. К ним относятся прежде всего аббревиация, усечение, субстантивация, при этом в современной речи наблюдается конкуренция или параллельное использование дериватов, образованных компрессивными способами; ср., например: *мобильник* — *мобильный* — *моби́ла*.

Усечение признается одной из наиболее существенных особенностей словопроизводства в жаргонах и разговорной речи. Однако до сих пор в русистике не существует единой точки зрения на статус усечения и его место в системе способов словопроизводства. Д. И. Алексеев и Н. М. Шанский рассматривали усечение как разновидность аббревиации [Алексеев 1979; Шанский 1968]. Эта же точка зрения представлена в «Русской грамматике» 1980 г. Е. А. Земская выделяет усечение как самостоятельный безаффиксный способ словообразования, поскольку в отличие от аббревиации в этом случае сокращению без учета морфемного шва подвергается одно слово, а не несколько [Земская 1973]. В работе В. В. Панюшкина слова-усечения интерпретируются как субстантивы, образованные нулевой суффиксацией¹. В. П. Изотов предлагает рассматривать усечение как фонетический способ, так как, с его точки зрения, формантом в процессе словопроизводства выступают не аффиксы, а фонетические средства [Изотов 1998]. В. Н. Немченко относит усечение к фонематическим вариантам сокращаемых слов [Немченко 1992] и, соответственно, считает нецелесообразным выделять особый способ словообразования: с точки зрения ученого, сокращение производящего слова не является словообразовательным формантом и не выражает деривационного значения.

Такое разнообразие мнений не случайно — оно отражает объективную сложность трактовки явлений, связанных с усечением. Отметим также, что термин *усечение* используется в современном словообразовании в трех различных значениях: 1) морфологическое явление — сокращение производящей основы; 2) словообразовательный формант; 3) способ словопроизводства, — что затрудняет описание усечения.

С нашей точки зрения, усечение представляет собой самостоятельный безаффиксный способ словообразования. От аббревиации он принципиально отличается тем, что дериват в этом случае является одномотивированным, т. е. мотивируется только одним словом, причем именем существительным, например: *магнитофон* — *маг*, *информация* — *инфа*, *кондиционер* — *кондиш*.

Усечение традиционно рассматривается как самый «молодой» способ словообразования, получивший распространение только в XX в. Однако примеры отдельных слов-усечений, хотя и редко, встречаются и в текстах XIX в.²; см., например: *С людьми высшего полета, с «реактами», как он <Маркелов> выражался, он был крут и даже груб* (И. Тургенев. *Новь*).

Несмотря на относительную «молодость», усечение обнаруживает динамику в своем развитии. Цель данной статьи — выявить новые тенденции в сфере усечения в современной русской речи.

Материал. В качестве материала анализа привлекаются произведения современной художественной литературы, тексты СМИ, словари жаргонов, записи живой речи.

Методы. В процессе исследования используются структурно-сематический метод и описание, в рамках последнего применяются следующие приемы: наблюдение, систематизация и интерпретация языкового материала.

¹ Панюшкин В. В. Образование новых слов и синонимия в ономастическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж: Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1989. 23 с.

² Как слова, образованные усечением, могут рассматриваться и лексемы *баки* (бакенбарды), *унтер* (унтер-офицер), употреблявшиеся регулярно в XIX — начале XX в.

Анализ. Усечение, как и другие компрессивные способы словообразования, отражает универсальную тенденцию к экономии языковых средств. Одновременно его широкое распространение связано с демократизацией современной речи. Усечение — способ, результатом которого является появление производных, совмещающих компрессивную функцию со стилистической. Отношения между исходным мотивирующим словом и дериватом-усечением можно определить как отношения стилистической модификации. Производное характеризуется, как правило, сниженной стилистической окраской, которая с течением времени может утрачиваться.

Развитие усечения — явление интернациональное. Состав дериватов, образованных этим способом в современной русской речи, пополняется за счет заимствований, преимущественно англицизмов; см., например: *гиг* (*gig* — *gigabytes*), *бом* (*bot* — *robot*), *блог* (*blog* — *weblog*), *ник* (*nick* — *nickname*), *субж* (*subj* — *subject*).

В то же время усечение высокопродуктивно и в современной русской речи. Слова, образованные этим способом, представляют разные тематические сферы, прежде всего названия предметов, названия лиц, названия мест, учреждений и др. Ср., например: *дубла* (дубленка), *кроссы* (кроссовки), *нап* (нападающий), *маг* (магазин), *конса* (консерватория), *нон-фик* (нон-фикшн).

Сокращение исходного мотивирующего слова при этом носит разный характер. Выделяются три типа структурных преобразований производящей основы:

- апокопа (сокращению подвергается конец слова);

- афerezис (сокращается начало слова);

- синкопа (устраняется середина слова).

В современной русской речи преобладает апокопа, например: *ноут* (ноутбук), *комп* (компьютер), *дисква* (дисквалификация).

Случаи использования афerezиса редки, например: *ситет* (университет). Они встречаются в основном в жаргонах, причем во взаимодействии с апокопой. Так, в школьном жаргоне отмечаются слова *чита* (учительница) и *пита* (воспитательница), в которых сокращению подвергаются и начало, и конец слова. Аналогично образуются усечения *ключ* (выключатель), *куль* (калькулятор).

Если афerezис в современной речи все же используется в ряде случаев наряду с апокопой, то синкопа в ней почти не встречается. Примеры ее единичны: *диссия* (диссертация в аспирантском жаргоне), *докция* (документация).

В процессе образования слов-усечений могут сокращаться два-три (реже более) слога или один; ср., например: *транслит* (транслитерация), *корт* (кортик). Усекаются различные компоненты мотивирующего слова, в том числе и компоненты, омонимичные аффиксу, или представляющие собой суффикс. Сравним два примера из современных художественных текстов:

— Я же тебе сказал, что сам в *магаз* схожу! — с ходу начал атаку мальчишка (Т. Устинова. Камея из Ватикана);

Останов был на электрике (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев).

В первом примере усечению подвергается непроизводное слово *магазин* — устраняется неморфемный комплекс *-ин*, во втором отсекается суффикс *-к-* в отглагольном существительном *остановка*.

И. С. Улуханов не относит случаи сокращения суффикса на морфемном шве к усечению. С точки зрения ученого, в этом случае имеет место десуффиксация как особый способ словопроизводства [Улуханов 1996: 183–184]; см. примеры исследователя: *картоха* — *картошка*, *игруха* — *игрушка*. Однако, на наш взгляд, десуффиксация существительных, если она носит достаточно регулярный характер, может рассматриваться как разновидность усечения. Для современной русской разговорной речи и просторечия характерно сокращение суффикса в ряде девербативов, например: *заява* — *заявление*, *объява* — *объявление*. Кроме того, в современной русской речи активизировался «способ усечения утратившего значение уменьшительности суффикса *-к-*: *вечерина* (вечеринка), *проба* (автомобильная пробка), *треха* (трешка — “московское третье кольцо”), *кнопа* (“Кнопка”, название детской парикмахерской)» [Шмелева 2019: 323].

Усечение может сопровождаться изменением фонемного состава сокращаемого слова. Возможна вставка гласных или согласных либо, напротив, их выпадение или замена, например: *земля* — *земляк*, *смык* — *смычок*.

Как уже отмечалось, усеченные единицы представляют собой результат сокращения имен существительных. Однако в современной русской речи, прежде всего в ее некодифицированных сферах, намечается тенденция к сокращению слов и других частей речи.

Так, усечению подвергается слово разной частеречной принадлежности *нормально* и прилагательное *нормальный*. Показательны следующие примеры:

Все цело? Где больно? — *Норм...* Выживу (В. Апреликова. Жуткие снимки);

Ага, а сообщение строчить — это *норм* типа, а? (Ю. Линде. Литература);

Как прошла тренировка? — *Норм* (Разг. речь);
Норм человек не гадит (Разг. речь);

Ведущая была «*норм*», как выражаются Тоникины продвинутые дети (Т. Устинова. Пояс Ориона).

Стремление к языковой экономии в интернет-коммуникации привело к появлению и других подобных усечений разной частеречной принадлежности: *нра/нрав* (нравится), *оч* (очень), *лю* (люблю), *прост* (просто), *ясн* (ясно). В результате в сфере усечения постепенно втягиваются наречия, глагольные формы, частицы. Например, *прост* является сокращением частицы и в интернет-общении заменяет устойчивое выражение *просто так*, указывая на отсутствие определенной причины. «Использование *прост* в качестве универсального ответа на вопрос: “Почему?” или “Зачем?” означает, что отвечающий не хочет или не может ответить: как правило, у его действий нет никакой осознанной цели или причины»³, например: *Этот уже не тот. — Почему? — Прост.*

От усеченного наречия *оч* в свою очередь образуется производное слово *неоч*, которое выступает в значении ‘не очень хорошо, плоховато’: *Без тебя как-то неоч гулять*. Таким образом проявляется деривационный потенциал сокращаемого слова. Усеченные единицы, используемые в современном интернет-общении, конечно, не могут рассматриваться как узусные слова, однако их использование и закрепление затем в молодежном сленге свидетельствуют об углублении тенденции к компрессии в современном русском языке. Эта же тенденция находит

отражение в образовании разных усеченных вариантов, например: *ботаник* — *ботан* — *бот*, *консерватория* — *консерва* — *конса*; см. также: *фанфик* — *фанф*, *фик* (в речи фикрайтеров и читателей фанфикшн) [Шавлюк 2019].

Дериваты-усечения, как и ранее, активно употребляются преимущественно в некодифицированных сферах русского языка и, как правило, относятся к стилистически сниженной лексике. В то же время они все чаще используются в современной художественной речи, например:

В начале семестра *препод* по философии обещал за стопроцентную посещаемость зачет... автоматом (Е. Посвятовская. Важенка);

Опалин понял, что его приняли за фининспектора, которого сокращенно именовали «*фин*»... (В. Вербинина. Сухарева башня).

Расширяется состав групп слов-усечений. В современном русском языке доминирует группа названий лиц, которая является наиболее объемной: *бот* — *ботаник*, *вьет* — *вьетнамец*, *даг* — *дагестанец*, *гросс* — *гроссмейстер*, *диза* — *дизайнер*, *нарк* — *наркоман*, *пенс* — *пенсионер*, *секьюр* — *секьюрити* и др. «Продуктивность единиц данной группы свидетельствует... об антропоцентрическом характере современных процессов номинации» [Конопкина 2019: 83].

Пополняется тематическая группа «Средства современных интернет-технологий»: *клава* — *клавиатура*, *бук* — *ноутбук*, *винч* — *винчестер*, *конфа* — *конференция*, *комп* — *компьютер*, *пень* — *пентиум*. Получает развитие группа усеченных единиц, обозначающих процессы, а также различные состояния: *депра* (депрессия), *детокс* (детоксикация), *перф* (перформанс), *снаб* (снабжение), *репа* (репетиция). Высокую степень активности в разговорной речи проявляет также группа неофициальных топонимов-урбанонимов, которые служат знаком максимального освоения городского пространства: *Комса* — Комсомольская площадь, *Кутуза* — Кутузовский проспект, *Труба* — Трубная площадь, *Фрунза* — Фрунзенская.

Наряду с неофициальными топонимами-усечениями в интернет-коммуникации, разговорной речи и языке СМИ активно используются сокращенные имена собственные и ники, например: *Глушак* — *Глушаков*, *Дзю* — *Дзюба*, *Зоба* — *Зобнин*, *Лещ* — *Лещенко*, *Макс* — *Максименко*, *Солж* — *Солженицын* и др.

³ Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. С. 100.

В современной русской речи усечение активно взаимодействует с суффиксацией. Так, уже упоминавшееся слово *норм* в молодежном сленге выступает в суффиксальных вариантах *нормас* и *нормуль*. Ср.:

...Оказалось, Феде К. пригнали из Мск личного водителя. *Нормуль?* (Ю. Линде. Литеродура);

Финистова лучше всего: самосожжение из пепла... *нормас* (Там же);

Как раз ты выйдешь, я пойду, если все *нормуль* (Е. Посвятовская. Важенка).

В современном русском языке продолжается формирование нового комплексного способа словообразования — усечение + суффиксация. Если в 60-е гг. XX в. дериваты *велик* и *телик* воспринимались как единичные образования, то в современной речи по этой модели уже регулярно образуются многие производные, например: *басик* (бассейн), *варик* (вариант), *дезик* (дезодорант), *мотик* (мотоцикл), *инстик* (инстаграм), *спосик* (спасибо), *падик* (подъезд), *рарик* (раритет) и др.

Дериваты-усечения употребляются в речи параллельно с другими образованиями, выполняющими компрессивную функцию. Их необходимо отличать от схожих с ними производных универбатов, образованных нулевой суффиксацией. Если дериваты-усечения, как уже отмечалось, мотивируются одним словом, как правило, именем существительным, то универбаты с нулевым суффиксом образуются на базе субстантивного словосочетания с определительными отношениями, см., например: *доп* — дополнительный патрон (в биатлоне), *загран* — заграничный паспорт, *фиктив* — фиктивный брак.

Выводы. С учетом рассмотренных тенденций может быть предложена следующая типология усечений:

- по характеру сокращения: апокопа, афerezис, синкопа;
- по соотношению с морфемной структурой мотивирующего слова: аморфемные дериваты и усечения с учетом морфемного шва;
- по частеречной принадлежности: усечения-существительные и усечения других частей речи;
- по семантике усечений с учетом тематических групп (наименования лица и др.).

Усечение, сохраняя высокую продуктивность в современном русском словопроизводстве, характеризуется рядом новых

тенденций. Наблюдаются развитие как аморфемного усечения, так и усечения на морфемном шве, возникновение новых тематических групп дериватов, интенсивное использование заимствованных усечений, распространение усечения на другие части речи, кроме имен существительных, активизация усечения во взаимодействии с суффиксацией. Эти тенденции требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Д. И.* Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328 с.
2. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
3. *Изотов В. П.* Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел: Орл. гос. ун-т, 1998. 149 с.
4. *Конопкина Е. С.* Тематические группы усечений в современной русской речи // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 79–84.
5. *Немченко В. Н.* Вариантность слова в русском языке. Фонематические варианты. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1992. 221 с.
6. *Удуганов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Русские словари, 1996. 221 с.
7. *Шавлюк В. Б.* Лексемы жаргона создателей и читателей литературы фанфикшн: заимствования и новообразования // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сб. статей по материалам Международной научной конференции, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Издательство «Деком», 2018. С. 324–330.
8. *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968. 308 с.
9. *Шмелева Е. Я.* Новые способы словообразования в русском языке // Семантика и прагматика языковых единиц: доклады Международной научной конференции. Калуга, 20–22 сентября 2019 г. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2019. С. 320–328.

REFERENCES

1. *Alekseev D. I.* Abbreviated words in Russian. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1979. 328 p. (In Russ.).
2. *Zemskaya E. A.* Modern Russian language. Word formation. Moscow: Education, 1973. 304 p. (In Russ.).

3. Izotov V. P. Parameters of the description of the system of methods of Russian word formation. Orel: Orel State University, 1998. 149 p. (In Russ.).
4. Konopkina E. S. Thematic groups of truncations in the modern Russian speech. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = *Proceedings of VSU. Series: linguistics and intercultural communication*. 2019. No. 3. P. 79–84. (In Russ.).
5. Nemchenko V. N. Variation of the word in Russian. Phonemic variants. Nizhny Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod University, 1992. 221 p. (In Russ.).
6. Ulukhanov I. S. Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation. Moscow: Russian Dictionaries, 1996. 221 p. (In Russ.).
7. Shavlyuk V. B. Jargon lexemes of the creators and readers of fanfiction literature: borrowing and new formations. *Nacional'nye kody v yazyke i literature: sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Nacional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo* = *National codes in language and literature. Language and culture: collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University*. Nizhny Novgorod: Publishing House "Dekom", 2018. P. 324–330. (In Russ.).
8. Shansky N. M. Essays on Russian word formation. Moscow: Publishing house MSU, 1968. 308 p. (In Russ.).
9. Shmeleva E. Ya. New ways of word formation in Russian language. A. N. Erëmin (ed.) et al. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits: doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = *Semantics and pragmatics of linguistic units: reports of the International Scientific Conference, 20–22 September 2019*. Kaluga: KSU named after K. E. Tsiolkovsky, 2019. P. 320–328. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 15.01.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2021; принята к публикации 29.01.2021.

The article was submitted 15.01.2021; approved after reviewing 25.01.2021; accepted for publication 29.01.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81

Динамические процессы в области частей речи в современном русском языке

Наталья Александровна Петрова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, petrovanatalja@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются динамические процессы в области морфологии – трансформация частей речи (атрибутивных глагольных форм и отглагольных существительных), а также синкретичные случаи переходов между частями речи на примере живой речи молодежи. За основу взят традиционно-комплексный метод анализа языкового материала, в процессе которого использовалась система инструментальных операций (приемы синонимического перефразирования, свертывания, оппозитивного метода, позволяющего рассмотреть системные связи слова и их влияние на семантику словоформы), ориентированных на выявление категориального значения; с помощью логико-синтаксического и синтагматического методов определялись грамматические признаки языковых единиц. На примере молодежного жаргона, представленного в Словаре народно-разговорной речи г. Архангельска, показан механизм транспозиции разных групп слов в поле междометий, где функционирует несколько подгрупп лексем синкретичного типа, выделены основные направления перехода разных частей речи в группу оценочных слов.

Ключевые слова: динамические процессы, части речи, транспозиция, синкретизм, контаминация, омонимичные слова на -о, синтаксическая функция, оценочные слова, слова оценки ситуации

Благодарности: коллективу авторов Словаря народно-разговорной речи города Архангельска¹; Е. Е. Котцовой, О. Е. Морозовой, Э. Н. Осиповой и студентам, которые в течение ряда лет вели наблюдение и собирали образцы речи молодежи г. Архангельска, послужившие материалом для иллюстрации переходных явлений в области оценочных слов.

Для цитирования: Петрова Н. А. Динамические процессы в области частей речи в современном русском языке // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 75–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The dynamic processes in the parts of speech in the contemporary Russian language

Natalya A. Petrova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, petrovanatalja@mail.ru

Abstract. This article examines dynamic morphological processes – the transformation of the parts of speech (namely, attributive verbal forms and verbal nouns), as well as the syncretic cases of zero derivation on the example of young people's speech. The author has employed the traditional complex method of analyzing the language material, which in turn has used the system of instrumental operations (synonymous rephrasing, downsizing, and opposition method; the latter allows examining the system connections of a word and their influence on the semantics of a word form), oriented towards developing the categorial value; the logico-syntactic and syntagmatic methods aided in determining the grammatical signs of language units. Using as an example the youth jargon, represented in the Dictionary of Colloquial Speech of the City of Arkhangelsk, this article shows the mechanism for transpositioning different word groups into interjections, where several lexem subgroups of the syncretic type function; in addition, the author identifies the basic directions for the different parts of speech transitioning turning into the evaluative vocabulary.

Keywords: dynamic processes, parts of speech, transposition, syncretism, contamination, homonymous words in -o, syntactic function, evaluative vocabulary, word for evaluating a situation

Acknowledgements: to the authors of the Dictionary of Colloquial Speech of the City of Arkhangelsk; to E. E. Kottsova, O. E. Morozova, E. N. Osipova, and the students, who have over a number of years observed and gathered the speech models of the young people in Arkhangelsk, which have served in illustrating the transitional phenomena among the evaluative vocabulary.

¹ Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. Т. 2: Городские социолекты. Ч. 2: Молодежный жаргон Архангельска (1996–2018) / сост. Е. Е. Котцова, О. Е. Морозова, Э. Н. Осипова, Н. А. Петрова; под общ. ред. О. Е. Морозовой. Архангельск: САФУ, 2019. 196 с. (СНРР).

For citation: Petrova N. A. The dynamic processes in the parts of speech in the contemporary Russian language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 75–81. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-75-81. (In Russ.).

Введение. Части речи в современном русском языке представляют собой живую, динамичную картину, включающую как традиционно выделяемые части речи, так и переходные явления. Постоянное взаимодействие классов слов при функционировании в речи приводит к контаминациям и транспозициям [Бабайцева 2000: 242–247].

История частей речи включает несколько этапов развития, каждый из которых опирался на тот или иной принцип, лежащий в основе выделения классов слов. Так, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков в своих изысканиях исходили из семантического принципа, суть которого заключалась в отнесении слов к той или иной части речи на основе категориального значения. Однако последовательная семантическая классификация наталкивалась на определенные трудности: например, в строках А. Фета: *Шепот, легкое дыханье, / Трели соловья, / Серебро и колыханье / Сонного ручья* — отглагольные существительные *шепот, дыханье, колыханье* при строгом соблюдении семантического принципа должны считаться глаголами, так как обозначают действия, но по грамматическому оформлению остаются существительными. Подобные образования являются трансформами существительного и глагола.

Московская школа лингвистов взяла за основу формальный, грамматический, критерий. Ф. Ф. Фортунатов и его ученики Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон довели грамматический эксперимент до логического конца, в результате которого, с одной стороны, одинаковая формально-грамматическая характеристика объединила слова разных частей речи — падежные, личные, родовые и др., а с другой — слова одной части речи попали в разные классы слов, например: одни глагольные формы (инфинитив, деепричастие) оказались в группе неизменяемых, формы прошедшего времени — в родовых, а формы настоящего, будущего — в личных.

Абсолютизация одной из сторон слова приводит к искажению существующих в языке связей и отношений, поэтому в основе

большинства теорий отечественных лингвистов лежит объединение названных принципов в разном соотношении. Наиболее широкое признание получила классификация частей речи В. В. Виноградова, который дал научное обоснование деления слов на знаменательные, служебные, а также междометия и модальные слова и, что важно, указал на роль синтаксического фактора в появлении новых классов слов в языке [Виноградов 2001: 34].

Анализ. Современное языкознание — часть экстралингвистической парадигмы лингвистических учений — обращено к функциональной стороне языка — речевому употреблению. Вниманию к функциональной стороне языка позволило выделить несколько переходных классов слов, при употреблении в речи которых исходные признаки частей речи нейтрализуются. Динамическая теория частей речи, описанная А. Л. Шарандиным, позволяет объяснить механизм формирования новых частей речи [Шарандин 1990: 26–29]. Например, в строках Н. Леоновича: *Уходящие в детство мотивы / Возвращаются к нам невзначай, / Как побеги весенней крапивы, / Прошлым радуя и щекоча* — причастие *уходящие* как форма глагола *уходить*, обозначающая признак предмета по действию, оказывается в позиции, характерной для определения, и совмещает действие и признак; как следствие, глагольные признаки соединяются с признаками прилагательного.

Синкретизм причастий определяет расхождение в трактовке этого класса слов не только в разных классификациях ученых, но и в подаче причастий в школе и вузе. По традиции в вузовской грамматике причастия рассматриваются как форма глагола, что подтверждается научными фактами — наличием у причастий глагольных грамматических категорий вида, переходности, залога; общей сочетаемостью (*мотивы уходят (куда?) в детство* — *мотивы, уходящие (куда?) в детство*); способностью к свободной трансформации причастия в глагол за счет полупредикативности причастия (причастный оборот часто заменяется глагольным предикатом), поэтому

целесообразно в морфологическом разборе причастий признаки глагола (вид, переходность, залог, спряжение, основы, класс) прописывать отдельно от признаков самого причастия (действительный или страдательный залог) и признаков прилагательного (число, род, падеж).

В то же время причастия в процессе функционирования получают в контексте специфику. Так, например, краткие страдательные причастия прошедшего времени в процессе функционирования подвергаются семантической трансформации; в частности, в предложениях с нулевой связкой: *письмо написано, дело сделано, узоры вышиты* и т. п. — причастия получают уникальное грамматическое значение «настоящего совершенного», когда с моментом речи совпадает результат процесса, произошедшего в прошлом. Рассмотрение причастий в качестве самостоятельной части речи поддерживается и авторами учебного пособия Н. М. Шанского и А. Н. Тихонова [Современный русский язык 1987: 206]. Тем не менее отнесение причастия к самостоятельным частям речи не получает научного подтверждения, однако удобно в методическом аспекте: долгое время в школьных учебниках причастие считалось формой глагола², но начальной формой была форма причастия единственного числа мужского рода, что свидетельствовало о частеречной самостоятельности этой группы слов. Такое противоречие создавало неудобство в плане изучения причастий в теоретическом и в практическом аспектах. Современные учебники рассматривают причастие как самостоятельную часть речи³. Вопрос о статусе причастий как части речи остается открытым.

Зоной трансформации являются и деепричастия, которые попадают при функционировании в позицию глагольного обстоятельства: *...мотивы возвращаются... прошлым радую и щекока* — и совмещают глагольные признаки с неизменяемостью наречий. Аналогичный механизм наблюдается при функционировании отглагольных

существительных (см. строки А. Фета: *Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья...*). Все это подтверждает мысль В. В. Виноградова о том, что «морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий — это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории непрерывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов 2001: 34]. В языке находим многочисленные подтверждения этому в разных группах частей речи — в зоне имен числительных, слов категории состояния, в области перехода знаменательных частей речи в служебные и в модальные слова.

Следует отметить, что появление новых частей речи связано непосредственно с человеческим фактором: так, внимание к внутреннему миру человека определило в XIX–XX вв. выделение учеными такой части речи, как категория состояния. Категория модальности включает как дескриптивные высказывания, описывающие действительность, так и аксиологические (оценочные) высказывания деонтической модальности. В области функционально-семантического поля модальности, призванного передавать отношение говорящего к высказыванию, начинают оказываться уже новые группы слов, выделяемые на синтаксической основе, в частности за счет помещения оценочных слов в несвойственные им синтаксические позиции.

В настоящее время активные процессы контаминации частей речи наблюдаются в поле оценки, понимаемой как вид модальности, как часть ее смысловой области [Бондарко 1990: 61; Виноградов 2001: 594]. Аксиологические компоненты, связанные с признанием ценности понятий по шкале «хороший»–«плохой» (с множеством оттенков деонтической модальности (морально-этических устремлений говорящего — *нехорошо, опасно, вредно, незаконно; классно, космос, стремно, шикардос — влом, западло, фигово* и т. п.), эпистемической модальности, понимаемой в широком

² Баранов М. Т., Григорян Л. Т. и др. Учебник русского языка для 5–6 классов. М.: Просвещение, 1974. С. 223.

³ Баранов М. Т., Ладыженская Т. А. и др. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / науч. ред. Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 2013. С. 33.

плане (вероятностной оценки ситуации, включая временную и гипотетическую модальность): *голак, напруг, отбой, хана, чистяк* и т. п.), обычно доминируют в семной структуре значений лексического корпуса в речи молодых людей, так как они, осваивая мир, примеряя его к конкретной коммуникативной ситуации, всегда дают оценку понятию, выделяют тонкие смысловые оттенки в словах, уже имеющих в арсенале языка.

Оценочность как особая семантико-прагматическая область категории модальности в языке, наряду с эмотивностью и экспрессивностью, образует поле **оценочной модальности**, включающей в себя слова практически всех частей речи. Все примеры взятые из живой речи молодежи⁴.

Языковые средства выражения оценочной модальности отражают современную тенденцию неологизации на грамматическом уровне (термин Е. В. Сенько), когда появление окказиональных единиц лексического уровня оказывается источником развития грамматической системы [Сенько 2007: 300].

Можно выделить разные виды грамматических инноваций, обусловленных взаимодействием лексических и грамматических признаков в оценочных словах как общим наименованием слов с аксиологическим компонентом.

Синтаксический показатель порядка слов детерминирует разницу в статусе оценочных слов в сочетании с инфинитивом: *А мне не айс тебя два часа ждать* (слово категории состояния); *Лежать в холоде под двумя пуховыми одеялами довольно кайфово, ребята* (прилагательное). В зависимости от порядка слов в предложении грамматический статус слов меняется. Грамматический синкретизм связан с позицией инфинитива по отношению к оценочному слову. В высказывании *Мне не айс тебя два часа ждать* оценочное слово в сочетании с инфинитивом выступает в качестве сказуемого в односоставном безличном предложении, выполняет функции слов категории состояния, выражает состояние. При перестановке слов предложение *Ждать — не айс* становится двусоставным с интонацией двучленности, противопоставляющей группу подлежащего (тему) группе

сказуемого (реме); оценочное слово оказывается в признаковой позиции предиката, являющегося характеристикой действия, мыслимого опредмеченно (*ждать — ожидание*), за счет чего возникает синкретизм состояния и признака предмета (ср.: *опасно ждать — ждать опасно; не айс ждать тебя — ждать — не айс*).

Одна из зон синкретизма частей речи — оценочные существительные.

Существительные в позиции подлежащего в предложениях: *Такой стрем (страх, тревога, беспокойство) напал после этого ужастика, всю ночь свет не выключала; Мой респект* (англ. *respect* — ‘уважение’) *вам! У меня с матаном сейчас большой напруг*, — попадая в позицию предиката в односоставном безличном предложении, начинают функционировать в качестве слов категории состояния (ср.: *Да вот напруг курсач писать; Что-то стремно стало*). В то же время они могут сохранять остаточные признаки существительного — наличие согласовательных классов по роду (*такой стрем, большой напруг*), включение в падежную парадигму (*Да ничего, все сделали без напруга*).

В зависимости от синтаксических условий существительные, попадая в зону признаков слов, начинают совмещать черты разных частей речи, создавая контаминированные образования, меняют свой статус. Процесс изменения признаков осуществляется в определенном направлении: **существительное — оценочное слово в функции сказуемого в двусоставном предложении** (зона признаков слов) — **оценочное слово в значении междометия** или **слово-оценка ситуации в диалоге**: *Полный зашквар* (кошмар, ужас)! — *Да эти кроссовки полный зашквар!* — *Во что это ты вырядился? Зашквар!* (выражение сильных негативных чувств — оценочное слово в значении междометия); *На Прокопьевской ярмарке сольвычегодские девушки показали класс* (мастерство). — *Вышивка — класс!* — *На шоу девушки будут выступать. — Класс!* (слово-оценка ситуации в диалоге).

Оценочное слово, оказавшись в коммуникативной позиции ремы, начинает выполнять функцию сказуемого (предиката), сохраняя форму существительного (ср.: *Я в улете!* (о состоянии восторга)), что сообщает ей признаковые характеристики, позволяющие развертывать высказывание:

⁴ См.: СНРР; Живое слово Русского Севера 1998.

Движение — *огонь!* (выражение восторга, одобрения); *Бандана эта просто улет!* (ср.: *Посидели — просто супер!*). Подобные употребления, по сути, пополняют группу несклоняемых прилагательных оценки.

Синтаксическая функция сказуемого может включать в цепочку переходов и безлично-предикативную позицию односоставного предложения: **оценочное существительное — категория состояния — оценочное слово в значении междометия — слово-оценка ситуации в диалоге** (*Летали в Турцию летом. Полный кайф!* — *Мне кайф (хорошо), а им — не знаю.* — *Сидели в сауне в «Меридиане». Кайф!* (выражение удовольствия, состояния эйфории) — *И как концерт?* — *Кайф!*; *Полный капец.* *Полнейший капец!* (конец, безвыходная ситуация — существительное) — *Это был капец, а не экзамен!* (очень плохая ситуация), *Это капец просто!* (оценочное слово в функции сказуемого в двусоставном предложении) — *Ему капец!* (оценка ситуации как очень плохой — слово категории состояния) — *Завтра у нас пять пар.* — *Капец!* (выражение негативной эмоции возмущения, удивления — слово-оценка ситуации в диалоге и др.).

Выполняя эмотивную функцию, оценочные существительные активно входят в поле междометий, где функционирует несколько групп словоформ синкретичного типа.

Субстантивные формы междометий — возгласы выражения эмоций: *Всё отлично! Респект!* (выражение почтения, одобрения); *Обалдец! И что же дальше?* (выражение сильного удивления, восхищения или отчаяния); *Косяк! Проиграли!* (выражение разочарования, неудачи); *Опаньки! Вот тут-то я его подловил!*, *Вглядываюсь. Опаньки! Где же машина-то?* (реакция на какую-либо ситуацию, выражающая чувство удивления, удовлетворения или разочарования); этикетные формулы: *Хай (привет), кекс!*, сигналы опасности: *Шуба! Атас! Препоид идет!* и др. К этой группе слов примыкают глагольные формы инфинитива, выступающие в функции междометий: *Обалдеть! Неужели это правда?* (выражение чувства сильного удивления); *Опять двойка! Застрелиться!* (ср.: *В этой ситуации остается только застрелиться (застрелиться можно)*); *Какие люди! Офигеть!* (выражение сильного удивления); *Они опять встречаются?! Застрелиться и не встать!*

(фразеологизм), а также за счет застывшей формы повелительного наклонения глагола: *Как дела?* — *Зашибись!* (выражение сильных противоречивых чувств). Процесс интеръективации через форму инфинитива вполне закономерен, так как в диахронном плане инфинитив — этимологически субстантивная глагольная форма.

Контаминацию детерминирует функциональная близость выражения сигнала того или иного чувства у междометий и выражения реакции говорящего на коммуникативную ситуацию в оценочных существительных. Оценочные слова, в отличие от собственно междометий, сохраняют семантику номинации чувствования, входят в словообразовательные гнезда: *респект — респектабельный; косяк — накосычить — косить; офигеть — фига — на фиг — на фига* и т. п.

Дальнейшие метаморфозы связаны с функционированием оценочных слов в разных коммуникативных условиях: в монологической речи и в диалоге. В любом случае оценочные слова выражают оценку ситуации.

Если собственно междометия возникают спонтанно (*Вау!*, *Ааа!*), в результате нахлынувших чувств, то оценочные слова в функции междометий, также выступая в отдельной конструкции оценки и будучи употребленными вне связи с другими словами, тем не менее мотивируются исходной частью речи производящего слова: *Ну, покажись! Шикардос!* (офигенно, супер (превосходно)); *Сидели в «Полярном». Кайф!*; *Какая суперская куртка! Хайн!* (выражение восторга по поводу модной вещи; модно); *Ерунда какая! Просто рофл!* (в значении 'смешно'; англ. ROFL сокр. от *Rolling On the Floor Laughing* — *Катаюсь по полу от смеха*); *Димон бросает универ. Ну абзаци (абздобльц)!* *Писец нам без него* (выражение досады, раздражения). Начальная стадия перехода оценочного слова в междометие в монологической речи связана с тем, что объект оценки предшествует оценочному слову, так как внутренняя диалогичность монологической речи требует оценки факта (ситуации).

В диалогической речи объект оценки (ситуация или предмет) представлен в реплике собеседника: — *И как концерт?* — *Кайф! Космос!* (выражение удовольствия, состояния эйфории); — *Как настроение?* — *Улет!* (то же, что *отпад*); — *Как прикид?* — *Цивильно*; — *Как ты?* — *Ништяк* (оценка ситуации как очень хорошей); — *Девчонки на*

вечере будут. — **Обалдайс!** (выражение восторга, восхищения); — *Завтра у нас зачет и экзамен.* — **Капец!** (выражение негативной эмоции — возмущения, удивления); — *Как лекция?* — **Трэш!** (выражение отрицательных эмоций; англ. *trash* — ‘хлам, мусор’); — *Смотри, какая фотка получилась.* — **Зачет!** (отлично, превосходно); — *Как дела?* — **Беспонтовка** (оценка ситуации как тяжелой, безнадёжной, бесперспективной; ср.: *дела плохи, плохие*); — *Что-нибудь получается?* — **Верееки!** (крайне трудная ситуация). В рамках диалога формируется синтаксический дериват исходного оценочного слова, имеющий специфику. Слово не просто содержит аксиологический компонент, передающий эмоциональное состояние субъекта речи (сохраняется особая интонация как признак междометия, которая на письме выражена восклицательным знаком), оно выполняет функцию названия целой картины объекта речи в сжатом виде одним словом — **словом-оценкой ситуации в диалоге**, возникает некий моментальный оценочный срез ситуации с точки зрения собеседника. Позиция ответной реплики делает такие оценочные лексемы синонимичными развернутым высказываниям наподобие: *Это великолепно, хорошо, здорово!* и т. п.

Выводы. Оценочные слова представляют разнообразные группы, контаминации омонимичных слов разных частей речи — вплоть до полного отрыва оценочного слова от исходного существительного.

Традиционно выделяемая зона переходов частей речи в словах на *-о* представлена в разных вариациях по полноте охвата частей речи:

1) категория состояния — краткое прилагательное — наречие:

Так *фигово* сегодня, не знаю чё делать (плохо, нехорошо). — И платье *фигово* (некрасиво, не идет) ей! — Чувствую себя *фигово* сегодня;

2) категория состояния — наречие:

Было вообще *классно*! Есть что вспомнить. — Отличная вещичка! *Классно* исполнено!;

3) наречие — оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — модальное слово:

Я буду! *Железно!* (точно, наверняка, обязательно) — Поход — это *железно* (замечательно, круто). — Придешь? — *Железно!* (для выражения полного согласия: обязательно, конечно);

4) наречие — оценочное слово в функции сказуемого (признак) — оценочное слово в значении междометия — слово-оценка ситуации:

Она *круто* выглядит! — Это *круто* только в кино, Прогулка на теплоходе — это *круто*, Концерты в гаражах — это нереально *круто* — (о ботинках) Новенькие? *Круто!* — Едем в Египет! — *Круто!*;

5) оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — слово-оценка ситуации или междометие:

Ну и прикид у него — просто *отпад!* (нечто из ряда вон выходящее). — Ты видела его в военной форме? — Видела. *Отпад!* (выражение крайней степени удивления, восхищения, восторга или досады и раздражения);

6) оценочное слово в функции сказуемого (признаковая зона) — оценочное существительное — слово-оценка ситуации:

Блогеры — *отстой* (что-либо плохого уровня или качества). — Директриса опять родителей вызывает. — Полный *отстой!* (оценка ситуации как очень плохой, конец; безнадёжная, безвыходная ситуация) — Ходили в кино. — *Отстой!* (выражение крайней степени неприятия, презрения, раздражения);

7) оценочное слово в значении сказуемого — модальное слово:

Что ты беспокоишься, у меня всё *окей*. — Договорились? — *Окей* (выражение согласия).

Таким образом, оценочные слова — это активно пополняемый в современном языке в речи молодежи обширный класс единиц, включающий слова, соотносимые с разными частями речи: прежде всего со словами категории состояния, прилагательными, наречиями (слова на *-о*), с существительными и междометиями, а также с модальными словами, реже — глаголами. Синтаксическое поле предложений (термин Г. А. Золотовой), содержащих аксиологические компоненты в их семантической структуре, составляет целую парадигму структурно-семантических модификаций, в которых за счет яркого прагматического компонента в значении оценочных слов включаются внутризязыковые процессы трансформации их морфологической природы. Область оценочных слов имеет множественные переходные зоны, представляющие целый спектр оценочных значений с множеством оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. С. 242–247.
2. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Живое слово Русского Севера: сб. статей / О. Е. Морозова (отв. ред.) и др. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1998. 162 с.
5. *Сенько Е. В.* Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
6. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус.яз. и лит.»: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
7. *Шарандин А. Л.* Лексическая семантика русского глагола в морфологическом освещении: учеб. пособие. Л.; Тамбов: Тамбовский ГПИ, 1990. 136 с.

REFERENCES

1. *Babaitseva V. V.* Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. Moscow: Drofa, 2000. P. 242–247. (In Russ.).
2. *Bondarko A. V.* Functional grammar theory: Temporality. Modality. Leningrad: Science, 1990. 264 p. (In Russ.).
3. *Vinogradov V. V.* Russian language (grammatical doctrine of the word). G. A. Zolotova (ed.). Moscow: Russian language, 2001. 720 p. (In Russ.).
4. Living Word of the Russian North. *Sbornik statei* = *Collection of articles*. O. E. Morozova (ed.) et al. Arkhangelsk: Publishing house of Pomeranian State University named after M. V. Lomonosov, 1998. 162 p. (In Russ.).
5. *Sen'ko E. V.* Neologization in modern Russian: an interlevel aspect. Saint-Petersburg: Science, 2007. 354 p. (In Russ.).
6. Modern Russian language: a textbook for students of pedagogical institutes in the specialty 2101 "Russian language and literature": in 3 vol. Vol. 2: N. M. Shansky, A. N. Tikhonov (eds.). *Slovoobrazovanie. Morfologiya* = *Word formation. Morphology*. 2nd ed. Moscow: Education, 1987. 256 p. (In Russ.).
7. *Sharandin A. L.* Lexical semantics of the Russian verb in morphological coverage: textbook allowance. Leningrad; Tambov: Tambov State Pedagogical Institute, 1990. 136 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Александровна Петрова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Natalya A. Petrova, *Cand. of Sci. (Philol.)*, Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Статья поступила в редакцию 20.10.2020; одобрена после рецензирования 09.11.2020; принята к публикации 09.01.2021.

The article was submitted 20.10.2020; approved after reviewing 09.11.2020; accepted for publication 09.01.2021.

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'35.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-82-91

Семантико-орфографические заметки к современным правилам написания наречий (о наречиях с первой частью *впол-* и соотносительных с ними словосочетаниях *в + полX*)

Ольга Евгеньевна Иванова

Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия, olliva95@yandex.ru

Аннотация. У правил написания наречий есть своя специфика, которая состоит в их ориентированности на различные группы слов, иногда совсем небольшие, выделенные, прежде всего, на основании словообразовательных и лексических признаков. Одной из таких групп являются наречия с начальной частью *впол-*. В статье анализируется живое употребление слов этого ряда в современных текстах, выявляется сложившаяся норма написания или ее отсутствие, определяется семантический критерий различения наречий и омонимичных предложно-падежных сочетаний. На основе полученных сведений уточняется правило написания наречий на *впол-*.

Ключевые слова: правила орфографии, норма, лексическое значение, наречия с начальной частью *впол-*, предложно-падежные сочетания *в + полX*

Для цитирования: Иванова О. Е. Семантико-орфографические заметки к современным правилам написания наречий (о наречиях с первой частью *впол-* и соотносительных с ними словосочетаниях *в + полX*) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 82–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-82-91.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The semantic spelling notes to the contemporary spelling rules of adverbs (on the adverbs starting with *vpol-* and the correlated phrases *v + vpolX*)

Olga E. Ivanova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olliva95@yandex.ru

Abstract. The rules for the spelling of adverbs have their specific character, which consists in their focus on different word groups (sometimes entirely small), distinguished primarily on the basis of word-formation and lexical features. One of such groups includes adverbs starting with *vpol-*. This article analyzes the use of these words in the contemporary texts, reveals the prevailing standard of their spelling or its absence, and determines the semantic criterion for distinguishing the adverbs and homonymous prepositional and case combinations. The results obtained help in clarifying the spelling rules for adverbs starting with *vpol-*.

Keywords: spelling rules, norm, lexical meaning, adverbs starting with *vpol-*, prepositional and case combinations *v + vpolX*

For citation: Ivanova O. E. The semantic spelling notes to the contemporary spelling rules of adverbs (on the adverbs starting with *vpol-* and the correlated phrases *v + vpolX*). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 82–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-82-91. (In Russ.).

Введение. Некоторые слова на *впол-* в орфографическом словаре и в узусе. В академический «Русский орфографический словарь» (2012)¹ включены следующие

слова на *впол-*: *вполбревна, вполводы, вполглаза* (смотреть), *вполголоса, вполикры, вполлица, вполнакала, вполнеба, вполноги*, и доп.: ок. 180 000 слов. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 960 с. (РОС-2005); 4-е изд., испр. и доп.: ок. 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-Пресс, 2012. 877 с. (РОС-2012).

¹ Русский орфографический словарь: ок. 160 000 слов / под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 1999. 1260 с. (РОС-1999); 2-е изд., испр.

вполоборота, вполобхвата, вполоткрыта, вполпряма, вполпьяна, вполпроста, вполруки, вполсилы, вполслуха, вполсыта, вполуха, вполцены, вполшага. По нашему представлению, этот список в настоящее время является наиболее полным в сравнении с другими словарями. Однако частеречный статус некоторых входящих в него единиц нуждается в уточнении, а сам список — в корректировке. Так, в словаре есть слово *вполикры*, перекочевавшее сюда из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, где оно встречается в двух статьях:

КОРОТКИЙ... коротуха ж. южн. женская свитка, сермяжка. Она с перехватом и *вполикры*²;

ПИМЫ... есть съ долгими голенищами, и *вполикры* (полуголяшки), въ родѣ ичиг³.

Более ни в каких источниках и текстах это слово не обнаружено, и присутствие его в орфографическом словаре сомнительно. Четыре слова — это отаждективные наречия (*вполоткрыта, вполпряма, вполпьяна, вполсыта*), к настоящему времени устаревшие.

Трактовка академическим словарем отсубстантивных слов *вполбревна, вполлица, вполнеба, вполобхвата, вполпроста* как наречий, выразившаяся в рекомендации слитного написания, представляется сомнительной. Для этих слов естественно прежде всего присубстантивное употребление с характеризующим значением, первичное для предложно-падежных сочетаний, например: *пол в избе в полбревна, толщина (толщиной) в полбревна* (ср.: *в (целое) бревно, толщиной в руку* и пр.), *синяк в пол-лица, маска в пол-лица, зарево в полнеба, плетень в полпроста* (ср.: *встречались статуэтки иногда в полпроста, иногда в полный*), *диаметром в пол-обхвата* (ср.: *отделили бревна в пол-обхвата и в обхват*).

Для выявления актуальных тенденций письменного употребления этих слов мы обращались к НКРЯ⁴ и интернет-ресурсу

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. С. 169 (ТСД).

³ Там же. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. С. 111.

⁴ В статье используются примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) по состоянию на октябрь 2019 г. (Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.10.2019).

Гугл.Книги⁵. Также привлекались данные поисковых систем Яндекс и Гугла. Изучались, конечно, и фиксации словарей.

Слово *вполнеба*, трактуемое как наречие, появилось в незаконченном издании «Словаря современного русского литературного языка» (1991–1994)⁶ и «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова (1998)⁷, откуда было перенесено в РОС-1999. В НКРЯ обнаружено всего 13 слитных (*вполнеба*) и 59 отдельных (*в полнеба*) написаний; также и ресурс Гугл.Книги дает приблизительно в три раза меньше примеров слитного написания, чем раздельного. При этом какие-либо закономерности употребления выявить не удастся: как в прилагательной, так и в присубстантивной позиции царит неразличение написаний, причем в практически идентичных контекстах, например: *огромная, в полнеба туча — огромный, вполнеба занавес*. Приведем типичные примеры оформления на письме словоформы *в(пол)неба* с отмечаемой нами явной тенденцией к преобладанию раздельного написания: *заря цвела вполнеба / в полнеба, закат полыхал вполнеба / в полнеба* (прилагательная позиция) — *заря в полнеба, закат вполнеба / в полнеба, в полнеба росчерк молнии, салют в полнеба* (присубстантивная позиция). Заметим, что в тексте единица *в полнеба* обычно передает значение ‘необычно, нетипично большой’.

Рекомендация писать *вполлица* появилась в РОС-1999, до этого «Орфографический словарь» (1991)⁸ давал раздельно-дефисное написание *в пол-лица*, а «Русская грамматика» 1980 г. (РГ-80), приведя среди прочих пример *синяк чернел в пол-лица*,

⁵ Гугл.Книги [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 10.06.2020).

⁶ Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / под ред. К. С. Горбачевича. М.; СПб.: Русский язык, 1991–1994. Т. I–VI (А–З) (издание остановлено) (ССРЛЯ 1991–1994). Выскажем предположение, что появление в словарях этого слова объясняется содержанием картотеки, положенной в основу словарей ленинградской (петербургской) лексикографической традиции.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. (Словарь Кузнецова 1998).

⁸ Орфографический словарь русского языка: ок. 100 000 слов. 29-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 414 с.

посчитала это слово наречием. Материал НКРЯ для изучения узуса оказывается слишком скудным: всего шесть вхождений (одно из них слитное) в однотипных контекстах: *глаза/ресницы/челка/синяки в пол-лица* (причем все — с орфографической ошибкой: *в поллица*). Ресурс Гугл.Книги показывает на относительно небольшом материале (около 40 слитных и 90 отдельных написаний) полное неразличение вариантов написания при преобладании отдельных: в идентичных сочетаниях и при глаголах, и при существительных пишут обоими способами. Но основное значение такое же, как и у выражения *в полнеба* — ‘необычно большой’. Так мыслят об объекте, названном главным словом словосочетания, т. е. об улыбке, синяке, если *синяк в пол-лица*, глазах, родимом пятне, бороде, усах, ожоге, очках, детской пустышке, носе (*У него была яйцевидная плешивая голова... и расплющенный в пол-лица нос*) и пр. Данное атрибутивное значение (‘большого размера’) было сформулировано для предложно-падежной формы *в + полХ* в работе: [Бешенкова, Иванова 2011: 197]. Оно является контекстным, ситуативным, и в его выражении могут участвовать конкурирующие предложно-падежные конструкции.

Слово/словосочетание *вполбревна / в полбревна* в материалах НКРЯ не обнаружено. А данные, например, ресурса Гугл.Книги показывают единичные примеры слитного написания (не более 10), как приглагольного (*прорезанные вполбревна*), так и присубstantивного (*окошко вполбревна*), притом что характерным является раздельное написание (более 300 употреблений) (*половицы в полбревна; громадный, в полбревна толщиной; вырубленные в полбревна оконца*). Слитное написание типа: *окна, прорезанные вполбревна, что-л. монтируется вполбревна* или *вполдерева* — более характерно для профессионально ориентированных контекстов, но не является для них единственным и диссонирует с написанием других типичных названий строительных технологий работы с деревом: *рубка стен в бревно, в полбруса, в полдерева⁹, в четверть дерева*

(ср. для кирпичной кладки: *в полкирпича*), соединение бревен *в теплый угол, в иглу, в шип, в лапу, в полулапу, в обло, в охряп, в охлоп, в чашу, в курдюк, в глухарь, в раковину, в крюк, в погон, в охряпку, в паз, в оболонь* и др. Заметим, что слова *бревно, брус, дерево, кирпич* выступают в строительстве как своеобразные единицы измерения толщины строения, а сочетания *в + полХ*, где *Х* имеет значение единицы измерения, например *в полметра*, в норме пишутся раздельно (см. ниже Правило, примечание 1).

Для слов/словосочетаний *вполобхвата / в пол-обхвата* и *вполроста / в полроста* незначительное преобладание слитных написаний, которое мы отметили в материале, не является принципиальным (и не вызвано рекомендацией орфографического словаря, в который слова *вполобхвата* и *вполроста* введены лишь в 2005 г.). Письменная практика и здесь до сих пор не определилась в своих предпочтениях. Приведем небольшую выборку примеров, показывающих неразличение написаний в одинаковых контекстных условиях (подчеркнуты компоненты контекста, значимые для выражения атрибутивного значения (*низеньких, односторонним*), участвующие в выражении сопоставления величин предметов (*в мизинец толщину, в два обхвата — вполобхвата*)):

(1) **В(О)полобхвата.** Присубstantивная позиция: *Были тут деревца-прутики в мизинец толщиной и взрослые деревья вполобхвата; А эта дама, пожалуй, вполобхвата, а этот негр уж точно в два обхвата; Желтели тыквы в пол-обхвата, фиолетово поблескивали баклажаны; Ровные, в пол-обхвата стволы стоят как на подбор; переносные окказиональные употребления в приглагольной позиции: А пока в журнальной статье (хотя бы вполобхвата) попробуем установить «типические» случаи сегодняшнего сценического воплощения классики; И представлял нам русского человека в пол-обхвата, и то спиною или изнанкою; в составе сказуемого: Все получается односторонним, вполобхвата* (В. Кулешов).

(2) **В(О)полроста.** Присубstantивная позиция: *Наткнулись на полукруглый окол вполроста; У низеньких, в полроста шалашей; приглагольная позиция: Шесть фотокарточек, где он снят был вполроста; И в житье-бытье своем часто мы встаем вполроста и вполголова поем.*

⁹ В межгосударственном ГОСТ 30974–2002 «Соединения угловые деревянных брусчатых и бревенчатых малоэтажных зданий» от 02.09.2002 название продольного соединения

деревянных изделий пишется *в полдерева*, является синонимом к *в полбревна*.

Обе рассматриваемые единицы — в силу своей лексической семантики — характеризуют величину предмета, выступая в роли своеобразных «несистемных» (нетерминологических) единиц измерения. При этом они способны выражать: 1) значение величины (*ограда в полроста, окоп в полроста как в полметра*) и 2) контекстное значение относительно большого или малого размера с опорой на лексическую поддержку ближайшего лексического контекста (ср.: *низенький, в полроста шалаш — большой, в полроста портрет*), на отношения в лексической парадигме (*дама вполобхвата, а негр в два обхвата; мишени в рост, в полроста*) и на отношения в синтагме (*в полроста человеческого вышиной, в рост человеческий длиной*), наконец, с опорой на параметры «картины мира» (ср.: *тыква в пол-обхвата и тыква в полтонны* — это большие тыквы, а *валун в полтонны* не обязательно большой, просто указан вес).

Отмечая возможность и прилагольного, и присубстантивного употребления, т. е. по существу наблюдая нейтрализацию различительных признаков наречия и предложно-падежной формы существительного, предлагаем все же считать не наречиями, а субстантивными сочетаниями упомянутые *в полбревна, в пол-обхвата, в полроста, в пол-лица, в полнеба*. Это решение учитывает целую совокупность факторов, среди которых отметим соотносительность данных единиц с другими предложно-падежными определителями. Приведем пример пар с одним предлогом: *текст (объемом) в пол-страницы — записка (длиной) в две строки; стены (толщиной) в полбревна — стены (толщиной) в бревно, в аршин; зарево (величиной) в полнеба — зарево (величиной) в целое небо, во всё небо; забор (высотой) в полроста — трава (высотой) в рост человека; синяк (размером) в пол-лица — синяк (размером) в копеечку*. Также приняты во внимание грамматические и лексические связи слов в пределах словосочетания или предложения, а именно: 1) реализованная или подразумеваемая позиция определяемого слова в конструкции *величина/величиной, размер/размером, толщина/толщиной, высота/высотой, глубина/глубиной, диаметр/диаметром* и под. + предл.-пад. форма *в полX*; 2) реализованная или подразумеваемая позиция определяющего слова *в полроста человека, деревьев, Миши, в пол-обхвата головы, талии*

(*в шитье*), *в пол-лица девушки*; 3) «возможность той или иной вставки между предложением и падежом» [Пешковский 1956: 145]: *в пол человеческого роста, в пол моего обхвата, в пол Машиного лица, в пол синего неба*; 4) наличие грамматической вариативности — конкуренция падежных форм с предлогами *в, на*, с типа *синяк в пол-лица / на пол-лица / с пол-лица*¹⁰.

Количество реальных наречий на *впол-*, представленное в словаре, видимо, может быть сокращено и за счет неупотребительного *вполикры*, и за счет рассмотренных единиц, реализующих значение и связи субстантива. В электронном орфографическом словаре Академос ИРЯ РАН¹¹ их написание уже скорректировано (в сравнении с РОС-2012) в соответствии с лингвистической оценкой узуальных данных, передаваемых значений и языковой интуицией.

Анализ. 1. Соотношение словообразовательного и лексического значения наречий на *впол-*. Словообразовательное значение отсубстантивных наречий на *впол-* определяется в РГ-80 как «признак, осуществляющийся вполтину размера или вполтину возможностей — в соответствии со знач. существительного, основа которого является опорной» [РГ-80, 1: §1028]. Это значение, основанное на значениях компонентов слов, не соответствует лексической

¹⁰ Употребление рассмотренных единиц в основном соответствует представлению о примыкании предложно-падежной формы к существительному [РГ-80, 2: 67]. Падежное примыкание, в свою очередь, характеризуется грамматической вариативностью, которая, однако, лексически прихотлива. Так, правильными признаются варианты *синяк в пол-лица / на пол-лица / с пол-лица, салют в полнеба / на полнеба, зеркало в полстены / на полстены / с полстены*, но не *салют *с полнеба, сосна *на пол-обхвата или *с пол-обхвата, трава *на полроста*, хотя допустимо *трава с полроста, розы с полроста девушки*. Лексическая избирательность, возможно, объяснима разными значениями, приписываемыми в грамматике данным формам. Однако в живом употреблении смысловое различие между *заря в полнеба* и *заря на полнеба* вряд ли ощутимо.

¹¹ Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.06.2020).

семантике слов-наречий данного словообразовательного типа. Поясним сказанное на примерах.

Обратившись к толковым словарям, обнаруживаем, с одной стороны, что слова *вполсилы, вполнакала, вполголоса, вполуха, вполглаза, вполноги* толкуются с использованием понятия «не полный», «слабый», и в их словарных толкованиях не говорится о половине называемого существительным объекта. Действительно, можно ли говорить о возможности поделить *силу* чего-л., *голос*, *накал* страстей (даже и *накал* лампочки), а также *ухо* и *глаз* в значении «слух» и «зрение» пополам? Приблизительность («не полный», а насколько не полный?) в толковании компонента *пол-* «половина» в словах, обозначающих недискретные, не состоящие из каких-либо частей объекты, свойства, вполне понятна и ожидаема.

Значение неполноты действия свойственно и пришедшим из профессиональной среды наречиям *вполноги* (играть в футбол или танцевать, играть на сцене) и более редкому *вполруки*. НКРЯ предлагает всего шесть примеров слова *вполруки*, причем не в узком применении, первоначально связанном с музицированием (*вполруки сыграть пьесу на фортепьяно*), а в расширительном значении «без полной отдачи, некачественно», например:

Большинство читает неряшливо. Для них и пишут так же — *вполруки*. А ваши произведения такого чтения не переносят! (А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича);

Россия, может, потому до сих пор и жива, что все начальственные директивы осуществляет медленно и *вполруки*.

Интересно, что это более широкое значение реализуется и в текстах на футбольную тему, где, казалось бы, оно неуместно, ибо в футбол играют ногами:

Играть «*вполруки*» первый домашний матч в новом году «Зенит» позволить себе не может;

И еще почти весь третий период армейцы продолжают играть *вполруки*.

В свою очередь, наречие *вполноги* (в НКРЯ около 50 вхождений) в отмеченном расширительном значении употребляется значительно чаще:

Он был необыкновенным тружеником и ничего не мог делать *вполноги*;

Я очень не люблю, когда артисты играют *вполноги*, берегут себя;

Наши футболисты даже под постоянным тренерским присмотром умудряются играть *вполноги*.

В отношении же слова *вполоборота* словари категоричны и определены: «повернувшись наполовину к кому-чему-н.»¹². Толкование здесь как раз содержит компонент «половина от целого». Но что было принято за целый оборот? По отношению к собеседникам, обычно стоящим лицом к лицу, полный оборот (вернее, отворот) составит 180° (а не 360°), т. е. спиной к собеседнику. Значит, пол-оборота это 90°, положение боком к собеседнику. Однако примеры оспаривают это арифметически выведенное значение: *Теперь нижняя часть моего тела располагалась на табурете уже никак не боком, а вполоборота* (здесь и далее шрифтовые выделения в примерах сделаны нами. — О. И.). *Оставалось повернуться в поясе еще на пол-оборота вправо, чтобы достичь своей цели: утвердиться фронтом к собеседнику. Так сидит перед объективом телевизионный диктор* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет). Автор текста под полуоборотом понимает поворот туловища в 45°. В другом примере понятие полуоборота допускает даже некоторую градацию: *Он стоит ко мне немного вполоборота, большие левым боком*, положение определяется приблизительно. В более широких контекстах с помощью указания на полуоборот тела может передаваться идея пренебрежения или презрения к собеседнику, т. е. добавляется прагматическая составляющая:

Слушала его, *полуотвернувшись* и рассматривая в лорнет какую-то неизвестную точку на стене, потом, также *вполоборота*, презрительно бросила;

Раздражает этот чертов старикашка. Глеб не предлагает закурить, стоит к нему вполоборота. Но самонадеянный свидетель не замечает пренебрежения;

Какую? — Чтoб все царства на ней сразу вместе были, — *бросил он на ходу вполоборота*.

Подобных примеров — в явном виде обнаруживающих дополнительные, часто прагматические коннотации, надо признать,

¹² **Вполоборота**, нареч. Повернувшись наполовину к кому-, чему-л. *Стоять к кому-л. в. В. посмотреть на кого-л.* (Словарь Кузнецова 1998); **Вполоборота**, нареч. Обернувшись наполовину (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992).

немного. Но они дают основание предполагать, что в контекстах, где визави сидят-стоят и общаются *вполоборота*, в этом слове тоже заложен потенциальный, лишь изредка эксплицитно выражаемый компонент значения 'неполный', 'незавершенный' поворот тела, поворот, часто и не предполагающий вообще какой-либо определенности положения в пространстве, не лицом и не спиной к собеседнику.

Своеобразную реализацию значения неполноты «осуществления признака» видим и в термине *вполводы*, означающем 'на середине глубины водоема', где преобразования и значение компонента *пол-* 'половина' → 'середина', и значение слова *вода* 'водная масса' → 'толща воды в водоеме, глубина от поверхности до дна'. *Ловить щуку вполводы* означает ловлю в толще воды, не на дне и не у поверхности. У слова *вполводы* также можно отметить отсутствие сколько-нибудь ясной картины предпочтения в написании. Для преимущественно прилагательного употребления характерно вариативное написание, например:

Проводка весной выполняется у дна, а летом и осенью она ведется *в полводы*;

Снос воблы и густеры происходил у дна и *в полводы*; леща — у поверхности и *в полводы*;

Плотва стоит *вполводы* или у поверхности;

Сеть чаще всего идет по поверхности, реже — *вполводы*, еще реже — у дна.

Итак, лексическое значение рассматриваемых наречий на *впол-* (и не рассматриваемых здесь *вполглаза*¹³, *вполголоса*, *вполнакала*, *вполсилы*, *вполслуха*, *вполуха*, *вполцены*, *вполшага*) имеет общую семантическую составляющую — 'неполнота, незавершенность', 'промежуточное положение' при осуществлении действия. Думается, что именно эта более абстрактная семантика, производная от чисто «физического» представления о половине объекта,

свойственная группе наречий на *впол-*, и может быть использована при поисках критериев орфографического правила.

2. Определение существенного компонента значения наречий на *впол-*. РГ-80 исходит из установки, что способ написания наречий не может быть критерием частеречной принадлежности слова [РГ-80, 1: § 976]. (В грамматике к наречиям были причислены отдельные *в полнеба*, *в полроста* и *в поллица*. Выше мы пытались обосновать их переквалификацию в предложно-падежные сочетания.) Таким критерием не может являться и «арифметическое» словообразовательное значение наречий данной группы (напомним его: «признак, осуществляющийся вполвину размера или вполвину возможностей» [Там же: 1028]), поскольку идея «половины размера» проявляется и в предложно-падежных присубстантивных определителях: наряду с *радуга в полнеба*, *плетень в полроста*, *козырек в поллица* может быть и *лавочка в полдоски*, *шмель в полладони*, *тату в полплеча*, *фолиант в полстола*, *сочинение в полтетради*, *жушок в полкопейки*, *записка в полстраницы* и пр., а также омонимичные наречиям предложно-падежные сочетания, например: *огурец в полруки* (ср.: *играть вполруки*), *ссадина в полноги* (ср.: *пройти мизансцену вполноги*), *серьга в полуха* (ср.: *слушать вполуха*), *ресницы в полглаза* (ср.: *следить вполглаза*) и др.

Если говорить об орфографическом, а не словообразовательном правиле, то его формулировка должна содержать критерии единого написания для слов с данными признаками и, как минимум, не порождать двояких написаний¹⁴. Учет выделенных выше элементов лексического значения 'не полная мера', 'не до конца', 'слабо', 'неполноценно' дает возможность очертить границы определенного класса слов-адвербиалов с начальной частью *впол-*, которые по правилу пишутся слитно. Значимый компонент выделяется в словообразовательном значении отадъективных наречий типа *вполоткрыта*, *вполпряма*, *вполъяна*, *вполсыта* и определяется как «признак, осуществляющийся **неполно** по сравнению с признаком,

¹³ Неожиданный поворот в истории появления в русском языке некоторых наречий на *впол-* предлагается в статье И. Г. Добродомова «Из мерянского вклада в русское словопроизводство (вполглаза, вполуха, вполплеча)»: «Мерянские по своей структуре, но чисто русские по составу парадоксальные наречия *вполглаза*, *вполплеча*, *вполуха* слились с чисто русскими образованиями типа *вполсилы*, *вполголоса*, хотя и сохранили некоторую экзотичность. По этой контаминированной модели было образовано экстравагантное *вполноги*» [Добродомов 2011].

¹⁴ Это лишь одно из неперменных требований, предъявляемых к формулировке любого правила орфографии (см.: [Бешенкова, Иванова 2016: 132–142]).

названным мотивирующим прилагательным» [РГ-80, 1: 1028] (выделено нами. — О. И.). Для формулирования семантической составляющей правила именно этот существенный компонент значения наречий на *впол-* вполне подходит: он, как мы пытались показать выше на многочисленных примерах, в такой же мере релевантен для отсустантивных наречий, как и для отадъективных.

3. Продуктивность наречий на *впол-*. Отмечается заметная продуктивность наречий данной группы, преимущественно свойственная художественной и публицистической речи. В подавляющем количестве они пишутся слитно, хотя некоторые из них и выглядят на письме весьма экзотично. Приведем примеры (из разных источников, преимущественно сетевых):

И жила с тех пор словно *вполдыхания*;
Вентиляция работает, *вполдыха*, а работает;
Дышать *впол-легких*, кричать *вполгорла*;
Есть люди, что живут *вполсердца*,
Идут вразвалочку *вполшага*,
Вполздоха дышат еле-еле...
Вполщели Божий мир им виден,
Вполмеры радуются жизни.
Всплакнут порою *вполслезинки*
И *вполума* подчас помыслят...
Молитва их *вполверы* только,
Поют от силы *вполотавы*... (А. Рыжов).

Порождение и употребление наречий со значением ‘неполноты признака’ в высококреативных жанрах письменной речи показывает степень узального разнообразия адвербиальной лексики, не принадлежащей к центральным словообразовательным и лексическим типам. И это оправдывает попытки предложить адекватное орфографическое регламентирование такой лексики.

4. Наречия на *впол-* в справочниках по орфографии. Критерии правила. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956)¹⁵ для слов на *впол-* правила не было, два слова *вполголоса* и *вполоборота* лишь включены в приложенный словарь, нет правила и в справочниках Д. Э. Розенталя. Впервые наречия на *впол-* и предложно-падежные сочетания структуры *в + полХ* появляются, видимо, в справочнике: [Кайдалова, Калинина 1973: 109–110;

Кайдалова, Калинина 1983: 84], где они разведены как обстоятельства (пишутся слитно, вопрос как?) и определения (пишутся раздельно, вопрос какой?). Наречия и предложно-падежные формы представлены здесь разными списками слов (наречия: *вполслуха*, *вполглаза*, *вполнакала*, *вполсердца*, *вполсилы*, *вполголоса*, *вполоборота*; существительные с предлогом: *в полчаса*, *в полстены*, *в полвершка*, *в полметра*, *в пол-избы*), так что из рассмотрения исключены разнонаписания типа *следить* (как?) *вполглаза* за детьми — у нее *ресницы* (как и е?) *в полглаза*.

В пособии Валгиной, Светлышевой (1993)¹⁶ слова *вполголоса*, *вполоборота*, *вполпути*¹⁷, *вполуха* лишь упоминаются в составе общего правила слитного написания наречий, а наречия *вполоборота* (*сидеть вполоборота*) и *вполсилы* (*работать вполсилы*) отдельно сопоставляются с предложно-падежными сочетаниями *в пол-оборота* (*расстояние в пол-оборота*) и *в полсилы* (*мощность в полсилы*) по синтаксической позиции: при глаголе выступают наречия, при существительном — сочетания существительных с предлогами¹⁸.

Как самостоятельная норма правило слитного написания наречий с первой частью *впол-* впервые введено в «Правилах русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (2006)¹⁹, где критерии применены лишь формальные — указание на часть речи (наречие) и первую часть слова (*впол-*). Пишутся слитно:

5. Наречия с первой частью *впол-*, напр.: *вполглаза* (*смотреть*), *вполголоса*, *вполнакала*, *вполноги* (*играть*, *кататься*, *танцевать*),

¹⁶ Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М.: Высшая школа, 1993. С. 98.

¹⁷ Слово *вполпути* есть в словаре В. И. Даля и в словаре Д. Н. Ушакова с пометой разг. устар. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) нашлось всего пять вхождений (все до 2000 г.). «Русский орфографический словарь» (1999) это слово не дал как вышедшее из употребления.

¹⁸ Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Указ. справочник. С. 99–100.

¹⁹ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с. (Правила-2006).

¹⁵ Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с. (Правила-1956).

*вполоборота, вполроста, вполсилы, вполслуха, вполуха (слушать), вполцены, вполоткрыта, впол-пьяна, вполсыта*²⁰.

Некоторые приведенные в этом правиле слова (*вполглаза, вполноги, вполоборота, вполуха*) имеют омонимичные предложно-падежные формы, выражающие другое значение и пишущиеся раздельно: в парах *сидеть вполоборота — стрелка прошла путь в пол-оборота, играть вполноги — ожог в полноги, следить вполглаза за экраном — зрочки в полглаза, слушать вполуха — серъга в пол-уха* значения вторых членов соответствуют отмеченным выше — значению единицы измерения и значению 'необычно, нетипично большой'. Однако в правиле данная омонимия не оговаривается, хотя представляет несомненную проблему для пишущих.

Одновременно справочник приводит две разновидности словосочетаний, которые следует отличать от слитно пишущихся наречий. Критерием их опознания выступает значение слова на *пол-* (выделение в цитате наше. — О. И.):

Примечание. Раздельно пишутся: а) сочетания предлога *в* и сложного слова с первой частью *пол-* и второй частью — **названием единицы измерения**, напр.: *ростом в полметра, весом в полтонны, шириной в пол-аршина*; б) сочетания, **указывающие на время**, типа *в полпервого (встретиться), в пол-одиннадцатого (прийти)*²¹.

Существенен тот факт, что в обоих пунктах объем сопоставляемых с наречиями единиц словарно ограничен существительными двух лексических групп. Однако наши наблюдения показывают, что терминологические единицы измерения выступают лишь как ядро неопределенного множества названий предметов, относительная величина которых используется для характеристики размера других предметов. Например, выше мы отмечали, что слова *бревно, брус, дерево, кирпич* в строительстве играют роль единиц измерения, также *обхват* и *рост* в сочетаниях *в пол-обхвата* (талия) и *в полроста* (изгородь) используются для измерения величины предметов, как, впрочем, и многие другие (*черепаха в пол-ладони, записка в полстрочки, родинка в полщеки* и под.). В правиле,

конечно, следует обозначить наличие этого открытого контекстно обусловленного ряда предложных сочетаний, отличающихся от наречий.

Выше были рассмотрены сочетания *в + полX* со значением 'необычно, нетипично большой' (или: 'большого размера' [Бешенкова, Иванова 2011: 197]) для предмета, обозначающего определяемым существительным (*очки в пол-лица, туча в полнеба*). Оценка предмета как большого возникает из наших знаний о соотношении размеров объектов в действительности, о нормальных, ожидаемых размерах предметов, поэтому, например, сочетание *маска в пол-лица* характеризуется отсутствием оценки величины предмета, а сочетание *ресницы в пол-лица* содержит такую оценку. Таким образом, значение относительно большого размера в сочетаниях *в + полX* является контекстно мотивированным, как, впрочем, и менее частотное значение 'маленького размера'. Говоря словами А. М. Пешковского, «тонкости синтаксиса переходят здесь в тонкости стиля». Логично было бы и эти частотные оценочное и безоценочное значения предложно-падежной формы упомянуть в правиле.

Приходится констатировать, что ограничение наречий на *впол-* от предложно-падежных сочетаний структуры *в + полX* происходит на основании выявления тех значений, которые реализуются в предложно-падежных сочетаниях. Но при этом сами наречия до сих пор не получили адекватной семантической характеристики. А ведь «самый деликатный вопрос», как писал Л. В. Щерба, — это «отличение наречий от существительных, так как критерий неизменяемости возникает чаще всего на почве разрыва связи данного слова с формами соответственного существительного, т. е. *в конце концов на почве значения* [курсив наш. — О. И.]: мыслится ли в данном случае предмет (существительное) или нет» [Щерба 1957: 72].

В наречиях *вполглаза* (если *наблюдать*, то 'не явно', если *спать*, то 'не глубоко'), *вполголоса* ('тише обычного'), *вполнакала* ('тускло'), *вполсилы* ('слабо, не в полную силу'), *вполуха* ('невнимательно'), а также окказиональных *вполсердца, вполгорла, вполверы* и т. п. «предмет», в понимании Л. В. Щербы, очевидно, не «мыслится». Зато просматривается «специализация падежа,

²⁰ Правила-2006. § 136, п. 5.

²¹ Там же.

осложнение его обстоятельственными значениями», которые «ведут к адвербиализации соответствующих форм»; используя логику В. В. Виноградова, скажем, что здесь наблюдается приспособление падежной формы к выражению «специальных оттенков качественного состояния, качественного отношения»²², а в результате «устанавливается новый тип связи между функцией предлога и лексическим значением слова» [Виноградов 1972: 286].

Выводы. В заключение предлагаем формулировку правила, в которой учтены языковые черты, важные для идентификации данной группы наречий. Главная

из этих черт — значение неполноты проявления признака, тот семантический критерий, который необходимо дополняет формальные критерии правила. Это значение является общим для отсубстантивных и отадективных наречий на *впол-* и устойчиво реализуется как в устоявшихся словарных словах, так и во вновь образуемых. Смысловой критерий позволяет четко отграничивать слитно пишущиеся наречия от предложно-падежных сочетаний *в + полX*, которые выражают целый ряд других значений, в том числе и прямое значение половины размера чего-либо.

Правило. Пишутся слитно наречия с первой частью *впол-*, выражающие признак, проявляющийся не в полную меру, например: *вполглаза* (если наблюдать, то 'не явно', если спать, то 'не глубоко'), *вполголоса* ('тише обычного'), *вполнакала* ('тускло'), *вполноги* (играть, кататься — о спортсменах: 'плохо', танцевать — 'небрежно'), *вполоборота*²³ ('повернувшись не полностью'), *вполсилы* ('слабо, не в полную силу'), *вполслуха*, *вполуха* ('невнимательно'), *вполцены* ('дешево'); *вполоткрыта*, *вполпьяна*, *вполсыта*, *вполпрямь*.

Примечание 1. Следует различать наречия и однокоренные предложно-падежные сочетания, передающие различные значения и пишущиеся по-разному, например: *следит за мною вполглаза* — *зрачки в полглаза*, *стоит вполоборота* — *прыжок в пол-оборота*, *тащится за нами медленно*, *вполшага* — *держат дистанцию в полшага* (ср. возможную замену: *дистанция с полшага*, *на полшага*, *в шаг*, *два шага*).

Примечание 2. Не соответствуют критериям данного правила и пишутся раздельно: 1) сочетания предлога *в* и сложного существительного со второй частью — названием единицы измерения, например: *в пол-аршина* (ширина, шириной), *в полметра* (рост, ростом), *в пол-оборота* (стрелка прошла расстояние в пол-оборота), *в полтонны* (вес, весом), *в полчаса* (промежуток), *в полшага* (дистанция); также со второй частью — существительным, выступающим в контексте в роли единицы измерения, сопоставления величин предметов, например: *половицы в полбревна*, *скамейка в полдошки*, *столб в полобхвата*, *кусты в полроста*, *маска в поллица*;

2) сочетания предлога *в* и сложного существительного со значением 'середина часа', например: *в полпервого* (встретиться), *в полшестого* (позвонить), *в пол-одиннадцатого* (прийти).

Примечание 3. Пишутся раздельно сочетания предлога *в* и сложного существительного с первой частью *пол-*, передающие контекстное значение 'большой размер, больше средней нормы' (о том, что названо определяемым существительным), реже — 'малый размер, меньше средней нормы', например: *(синяк, сergyа) в пол-уха*, *(отек) в полглаза*, *(румянец) в полщеки*, *(лысина) в полголовы*, *(ресницы, очки) в поллица*, *(огурец) в полруки*, *(заревое) в полнеба*, *(нарост) в полствола*, *(мышонки) в полмизинца*, *(книга) в полладони*, *лавочка в полдошечки*.

Примечание 4. В «Орфографическом словаре русского языка» и «Русском орфографическом словаре» (1999–2012) написание некоторых единиц и сам их состав менялись. Например, в изданиях 1974–1991 гг. дано *в поллица*, в издании 2012 г. — *вполлица*, как и *вполобхвата*, *вполнеба*, *вполроста*. Слитное написание было дано в соответствии с принятой фиксацией в авторитетных словарях, например в «Словаре современного русского литературного языка»: в 17 т.

²² В. В. Виноградов, показывая конкретные механизмы адвербиализации предложных именных конструкций, писал, в частности, о том, как «предлог *в* с винительным падежом в значении способа и образа действия... становится средством адвербиализации имен существительных, создавая грамматические единства, не вмещающиеся в привычный строй отношений между значением падежа и значением предлога. Например: ...*кричать во все горло*, *бежать во всю мочь*...» [Виноградов 1972: 286–287]. Ср.: *кричать вполгорла*, также и *говорить вполголоса*, *бежать вполсилы*.

²³ В наречиях *вполоборота*, *вполуха* и *вполоткрыта* компонент *пол-* пишется слитно с корнем на гласную, но исключением не является, так как входит в состав первой части наречий *впол-*, т. е. стоит не на первом месте (как того требует правило дефисного написания с последующим корнем на гласную). В предложно-падежных сочетаниях типа *(краснота) в пол-уха*, *(расстояние) в пол-оборота*, *(печка) в пол-избы* существительные с *пол-* пишутся по общему правилу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Азбуковник, 2011. 360 с.
2. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила орфографии как лингвистический инструмент // Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКС-РУС, 2016. С. 132–142.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Добродомов И. Г. Из мерянского вклада в русское слово-производство (вполглаза, вполуха, вполплеча) // Эмбатерион = Εμβατηριον: сб. статей по искусствоведению, филологии, истории [К 70-летию В. П. Яйленко]. М., 2011. С. 214–218.
5. Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1973. 288 с.
6. Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 240 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 511 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 789 с. + 714 с. (РГ-80).
9. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

REFERENCES

1. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Russian writing in the rules with comments. Moscow: Azbukovnik, 2011. 360 p. (In Russ.).
2. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Spelling rules as a linguistic tool. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* = *Theory and practice of standardization of Russian writing*. E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova (eds.) Moscow: LEKSRUS, 2016. P. 132–142. (In Russ.).
3. Vinogradov V. V. Russian language (grammatical teaching about the word). 2th ed. Moscow: Higher school, 1972. 614 p. (In Russ.).
4. Dobrodomov I. G. From the Meryan contribution to Russian word formation (vpolglaza, vpolukha, vpolplecha). *Ehmbaterion* = *Embathrion: sbornik statei po iskusstvovznaniyu, filologii, istorii* = *Embaterion* = *Embathrion: collection of articles. articles on art history, philology, history*. Moscow, 2011. P. 214–218. (In Russ.).
5. Kaidalova A. I., Kalinina I. K. Modern Russian spelling. Moscow: Higher school, 1973. 288 p. (In Russ.).
6. Kaidalova A. I., Kalinina I. K. Modern Russian spelling: textbook for universities in the specialty "Journalism". 4th ed. Moscow: Higher school, 1983. 240 p. (In Russ.).
7. Peshkovsky A. M. Russian syntax in scientific coverage. 7th ed. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1956. 511 p. (In Russ.).
8. Russian grammar: in 2 vol. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Science, 1980. 789 p. + 714 p. (RG-80). (In Russ.).
9. Shcherba L. V. On parts of speech in the Russian language. *Shcherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* = *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957. P. 63–84. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Евгеньевна Иванова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук

Olga E. Ivanova, Cand. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 25.06.2020; одобрена после рецензирования 02.07.2020; принята к публикации 25.07.2020.

The article was submitted 25.06.2020; approved after reviewing 02.07.2020; accepted for publication 25.07.2020.

В МИРЕ СЛОВ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-92-98

О «сверхзадаче» К. С. Станиславского...

(к истории употребления слова *сверхзадача* в русском языке)

Илья Игоревич Кривоносов

Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
ilya.krivososov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории появления и функционирования слова *сверхзадача* в русском языке. Выделяются две линии функционирования лексемы: первая связана с этимологией слова, вторая – с его употреблением К. С. Станиславским в терминосистеме и дальнейшим входжением единицы в общее употребление на основе детерминологизации. Важным фактом истории русской языковой культуры является то, что наиболее активным и употребительным оказывается именно второе значение. Только в последние два десятилетия слово все реже связывается с фактами художественного творчества. Цель исследования состоит в кратком рассмотрении истории употребления слова: от первой фиксации в истории русского языка, употребления К. С. Станиславским для обозначения одного из ключевых понятий системы обучения актерскому мастерству, до современных контекстов использования. Чтобы проанализировать входжение лексемы в язык использовались структурные методы, при изучении контекстов употребления непосредственно в работах К. С. Станиславского и более поздних фиксаций в Национальном корпусе русского языка был задействован контекстуальный метод, а также метод дистрибутивного анализа. Динамика входжения лексемы в русский язык и фиксация ее в различных сферах употребления определялись на основе статистических подсчетов. Посредством компонентного анализа и сравнительного метода описывался механизм формирования первоначального термина в историческом контексте, были найдены переводные кальки термина *сверхзадача* в других языках, свидетельствующие о распространении «системы» К. С. Станиславского. Делается обоснованный вывод о том, что слово *сверхзадача* функционирует в русском языке преимущественно в качестве термина системы Станиславского, постепенно детерминологизируясь и возвращаясь к значению, обусловленному логической суммой составляющих его компонентов.

Ключевые слова: К. С. Станиславский, история слова, терминология, лексикология, авторская терминология, детерминологизация, терминология актерского мастерства, корпусные исследования

Для цитирования: Кривоносов И. И. О «сверхзадаче» К. С. Станиславского... (к истории употребления слова *сверхзадача* в русском языке) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 92–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-92-98.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

About the "supertask" ("sverhzadacha") of K. S. Stanislavsky...

(about the history of the word *supertask* (*sverhzadacha*) in the Russian language)

Ilya I. Krivososov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia,
ilya.krivososov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the appearance and functioning of the word *supertask* (*sverhzadacha*) in the Russian language. Two lines of the lexeme functioning were distinguished: the first is associated with the etymology of the word, the second – with its use by K. S. Stanislavsky in the terminology system and the further entry of the unit into general use on the basis of determinologization. It is interesting that the second meaning has acquired the most widespread use. Only in the past two decades, the word has begun to lose its connection with the process of artistic creation. The purpose of the study was to briefly review the history of the word: from its first fixation in the Russian language and application by K. S. Stanislavsky (to designate one of the key concepts of Method Acting) up to modern contexts of use. The entry of the lexeme into the language was investigated using structural methods. The methods of contextual and distributive analysis were used to analyse both the contexts in which Stanislavsky used this word and the process of its fixation in the National Corpus of the Russian language. Statistical analysis was used to trace the dynamics of integration of the lexeme into the Russian language and its fixation in various spheres. The methods of component and comparative analysis were used to describe the formation mechanism of the initial term in the historical context. Borrowings of the term *supertask* (*sverhzadacha*) were found in other languages, indicating the spread of Stanislavsky's system. The conclusion is drawn that the word *supertask* (*sverhzadacha*) functions in the Russian language mainly as a term from Stanislavsky's system, gradually becoming determinologized and returning to the meaning conveying the logical sum of its constituent components.

Keywords: K. S. Stanislavsky, word history, terminology, lexicology, author's terminology, determinologization, terminology of acting, corpus research

For citation: Krivososov I. I. About the "supertask" ("sverhzadacha") of K. S. Stanislavsky... (about the history of the word *supertask* (*sverhzadacha*) in the Russian language). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 92–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-92-98. (In Russ.).

Введение. Слово *сверхзадача* широко употребительно в повседневной русской речи, а его значение закономерным образом мотивируется в русском языке входящими в его состав компонентами. Ср., например, в «Большом академическом словаре русского языка» значения слова:

СВЕРХЗАДАЧА... 1. Главная, основная задача. *С. произведения. Авторская с. ... 2. Разг.* Очень трудная, сложная задача; цель¹.

История употребления этого слова в русском языке в определенном смысле уникальна и представляет собой важный для лингвистов и филологов факт, в очередной раз подтверждающий теснейшую взаимосвязь языка и культуры.

Слово фиксируется в толковых словарях русского языка со второй половины XX в. Однако его история в русском языке начинается с XIX столетия. Слово впервые, по имеющимся в настоящий момент данным, встречается в «Лекциях господина Пуфа» В. Одоевского:

Получив задание всего за две недели приготовить замок Шантийи к приезду Людовика XIV и его свиты (а ответственность была неизменно высока: лишь в полной мере угодив Королю-Солнцу, принц Конде мог получить прощение за свое участие в Фронде), Ватель рьяно взялся за

выполнение этой *сверхзадачи*, не сомкнув глаз одиннадцать ночей, как вспоминает маркиза де Севинье (В. Одоевский. Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве. 1845).

В тексте В. Одоевского слово, предположительно, можно считать калькой с французского выражения *tâche suprême* – буквально 'сверхзадача, сложная задача', – которое было широко распространено во французском языке в XIX в. По данным Оксфордского словаря, английское слово *supertask* (буквально 'сверхзадача') стало употребляться только в XX в.

По материалам Национального корпуса русского языка, а также Большой словарной картотеки, Картотеки «Словаря русского языка XIX века», хранящихся в ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), других фиксаций слова вплоть до 30-х гг. XX в. на настоящий момент не обнаруживается.

Анализ. Новую жизнь слово получает в 20–30-е гг. XX в., после того как оно было использовано К. С. Станиславским в качестве ключевого термина его системы актерского мастерства:

Условимся же на будущее время называть эту основную, главную, всеобъемлющую цель, притягивающую к себе все без исключения задачи, вызывающую творческое стремление двигателей психической жизни и элементов самочувствия артисто-роли, *сверхзадачей* произведения писателя... Все, что происходит в пьесе, все ее

¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 24. СПб.: Наука, 2017. С. 1156 (БАС).

отдельные большие или малые задачи, все творческие помыслы и действия артиста, аналогичные с ролью, стремятся к выполнению *сверхзадачи* пьесы... Таким образом, оказывается, что нам нужна *сверхзадача*, аналогичная с замыслом писателя, но непременно возбуждающая отклик в человеческой душе самого творящего артиста [Станиславский 2015: 332–334] (курсив наш. – И. К.).

Сверхзадача, в концепции К. С. Станиславского, представляет собой одновременно и цель, и квинтэссенцию творческого процесса, происходящего в душе актера, становясь, таким образом, возможно, главным понятием всей «системы» великого режиссера.

Впервые у Станиславского слово встречается в книге «Моя жизнь в искусстве» (1924), посвященной описанию его творческого пути и формированию принципов системы актерского мастерства, называемой традиционно «системой Станиславского». А в книге по методике актерского мастерства «Работа актера над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика» (1938) этому слову посвящена целая глава.

Термин у К. С. Станиславского в различных словосочетаниях может приобретать разную семантическую валентность и применяться не только по отношению к актеру и его внутренней творческой жизни, но и к автору текста (*сверхзадача автора как основная линия и миссия его творчества*), и к произведению (*сверхзадача пьесы как глубинная идея произведения*), и т. п. Слово становится ключевым при обозначении тонкостей и нюансов целеполагания актерской игры:

Нужна ли нам *неверная сверхзадача*, не соответствующая творческим замыслам автора пьесы, хотя бы сама по себе и интересная для артиста? Нужна ли нам *эмоциональная сверхзадача*, возбуждающая всю нашу природу? Нужна ли нам *волевая сверхзадача*, притягивающая к себе все наше душевное и физическое существо? Сухая, *рассудочная сверхзадача* нам тоже не нужна. Но *сознательная сверхзадача*, идущая от ума, от интересной творческой мысли, нам необходима... [Станиславский 1954: 334].

Термин *сверхзадача* получает свое место в иерархической системе *задача* → *сверхзадача* → *сверх-сверхзадача*. Последнюю Станиславский трактует как «доступную во всей своей полноте исключительно

гению способность через свое творчество непрерывно служить одной высшей цели» [Станиславский 1954: 364].

Иерархические отношения, в которые вступает термин *сверхзадача*, наряду с сочетаемостью с различными определениями подтверждают мысли Н. З. Котеловой о терминологии как лексической системе: для терминов точно так же, как и для других слов, характерны парадигматические и ассоциативные отношения, все виды развития значений, все типы сочетаемости и сочетаний [Котелова 2015: 26–27].

Слово *сверхзадача* представляет собой один из множества терминологических неологизмов К. С. Станиславского. Терминологичность часто используемых слов для обозначения важнейших понятий своей системы актерского мастерства Станиславский оговаривал особо. Поскольку театральный педагог создавал учебник актерского мастерства, последовательность и ясность текста в значительной мере определили его литературный стиль: основные сочинения написаны в формате учебного дневника, для большинства терминов даются четкие дефиниции и эксплицитные контексты. К. С. Станиславский при этом не настаивал на наукообразии собственной терминологии:

Терминология, которой я пользуюсь в этой книге, не выдумана мною, а взята из практики, от самих учеников и начинающих артистов. Они на самой работе определили свои творческие ощущения в словесных наименованиях. Их терминология ценна тем, что она близка и понятна начинающим. Не пытайтесь искать в ней научных корней. У нас свой театальный лексикон, свой актерский жаргон, который вырабатывала сама жизнь. Правда, мы пользуемся также и научными словами, например «подсознание», «интуиция», но они употребляются нами не в философском, а в самом простом, общежитейском смысле. Не наша вина, что область сценического творчества в пренебрежении у науки, что она осталась неисследованной и что нам не дали необходимых слов для практического дела. Пришлось выходить из положения своими, так сказать домашними, средствами [Станиславский 1954: 6].

Среди авторских терминов К. С. Станиславского значительную часть представляют неологизмы, образованные посредством аффиксации. К этой группе относятся, например, такие слова, как *архи-представляльщик*, *представляльщик*, *представляльное*

действие; безжестие, контрсквозное действие, пестрение, сретовка, ультраантуральный и др. Однако приставка *сверх-* в терминологии актерского мастерства имеет исключительную продуктивность. С ее помощью образован целый ряд терминов: *сверхзадача* (*сознательная сверхзадача*, *волевая сверхзадача*, *сознательная сверхзадача*), *сверх-сверхзадача*, *сверхсквозное действие*, *сверхсознание*, *сверхсознательное*, *сверхсознательная область трагического*, *сверхфантазия*.

Частотность данного форманта в системе Станиславского, формируемой в начале XX в., вряд ли следует считать случайной.

Важно отметить, что исследователи указывают на особую продуктивность словообразовательной модели с префиксом *сверх-* в текстах первой трети XX в. [Виноградов 2001: 212]. В. В. Виноградов со ссылкой на исследования И. А. Фалева о степенях сравнения объясняет это влиянием немецких префиксов *über-* или *ober-* [Фалев 1937: 173]. В то же время Л. М. Грановская, рассматривая стилистическую норму русского языка на рубеже XIX–XX вв., подчеркивает неоднородное отношение к германизмам. Так, А. А. Шахматов, Я. К. Грот, Н. С. Лесков, А. Блок и многие другие выступали против «засорения» русского языка немецкими заимствованиями. Например, авторы нормативных словарей отвергали употребление глагола *выглядеть* (калька с нем. *aussehen*) как «модный варваризм петербургских немцев» [Грановская 2005: 21–24].

Однако слова с префиксом *сверх-* в русском языке XIX в., как правило, представляли собой кальки с немецкого языка (*сверхъестественный*) или имели преимущественно терминологическое значение. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводятся такие слова, как *сверхсчетный*, *сверхмерный*, *сверхчастный*, *сверхкомплектный*, *сверхсрочный*. В 3-м издании словаря под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ появляются слова *сверхчеловек*, *сверхштатный чиновник*². В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона для сочетаний *сверхкомплектный*, *сверхсрочная*

служба, *сверхштатный* (*табельный отпуск*) дается помета (*воен.*)³.

Материалы Национального корпуса и Большой словарной картотеки русского языка также позволяют увидеть, что с самого начала XX в. приставка *сверх-* все активнее употребляется в русском языке в значении «крайняя, высшая степень чего-л. или какого-л. состояния или качества» и становится очень «модной» к 20–30-м гг. Ср., например: *сверхинтеллигентный*, *сверхсильный* (1900), *сверхопытный* (1908), *сверхличность* (1909), *сверхнатуральный* (1926), *сверхгерой*, *сверхидиот* (М. Булгаков, 1926), *сверхглубины*, *сверхгалактика* (А. Беляев, 1935), *сверхинстинкт* (1938) и др. Показательно, что в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940)⁴, помимо слов, зафиксированных в словаре Даля, попадает много новых слов с приставкой *сверх-*: *сверхвысотный*, *сверхмагистраль*, *сверхмагистральный*, *сверхметкий*, *сверхмощный*, *сверхскоростной*, *сверхчеловеческий* и некоторые другие.

Наибольшее количество новаций с данной приставкой — имена прилагательные. Однако в первой трети XX в. появляется значительное количество новообразований-существительных с префиксом *сверх-*, что позволяет предположить высокую продуктивность форманта в указанный период (ср. употребление приставки *супер-* с 90-х гг. XX в.). Нельзя исключить и влияние экстралингвистического фактора: одним из стимулов роста продуктивности префикса стало широкое распространение к концу XIX в. философии Ницше и, как следствие, его концепции «сверхчеловека», которая была созвучна модернистскому мировоззрению начала XX в.

Каковы бы ни были возможные интерпретации причин появления единицы *сверхзадача* в системе Станиславского, очевидно, одновременно сыграли роль несколько факторов — лаконичность,

³ Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. XXIX. СПб.: Семеновская Типолитография, 1900. 483 с.

⁴ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 1500 стб.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1909. С. 58.

емкость, точность данного понятия, «незнатность» его в других сферах и, видимо, новизна для своего времени.

Таким образом, использование К. С. Станиславским слова *сверхзадача* для обозначения важнейшего, ключевого понятия системы в 20-е гг. XX в. можно считать фактом, обусловленным языковыми тенденциями и органическими процессами, происходящими в русском языке начала XX в.

О том, что термин *сверхзадача* возник впервые в истории современного русского языка именно в системе К. С. Станиславского, свидетельствуют не только текстовые базы данных, но и данные энциклопедий. Так, в «Большой советской энциклопедии» отмечается: «Сверхзадача – термин, введенный К. С. Станиславским в его творческую систему: главная идейная задача, цель, ради которой создаются пьеса, актерский образ, спектакль. См. Станиславского система»⁵. Ср. также: «Сверхзадача... Автор выражения – один из основателей Московского Художественного театра, режиссер Константин Сергеевич Станиславский (1863–1938). Суть этого термина он пояснил в своей книге “Работа актера над собой” (гл. XV)»⁶.

Термин *сверхзадача*, таким образом, можно по праву считать авторским термином К. С. Станиславского, так как слово на долгое время закрепилось в языке в значении, данном ему режиссером, причем, употребляясь в терминологическом значении, оно непосредственно отсылает ко всей системе Станиславского как логико-понятийной области. Это вполне соответствует определению авторского термина, данному В. Д. Табанаквой: «Авторский термин – это такое специальное понятие (выраженное любой структурой предикативного характера), за которой стоит собственно авторское понимание и собственно авторская интерпретация» [Табанаква 2013: 168].

Зачастую общеупотребительная лексика и устоявшиеся термины из специальных областей знаний переосмысливаются и приобретают новое значение после того, как какой-нибудь автор «заново» вводит их

в язык. К. С. Станиславский в этом свете предстает не просто как великий деятель искусства, но как создатель целой логико-понятийной области и соответствующей ей системе терминов, притом сама эта область оказывает влияние на всю сферу искусства, а созданные автором понятия выходят далеко за пределы языка, на котором они формулировались.

Гастроли Московского Художественного театра в Америке и Европе в 1920-х гг. и ошеломительный успех труппы и нового подхода к актерской игре привели к тому, что новой «системой» заинтересовались далеко за пределами Советского Союза и работы Станиславского стали активно переводиться на другие языки. Примечательно, что в США «Работа актера над собой» выходит на английском языке в 1936 г., т. е. за два года до ее публикации на русском языке. Для термина *сверхзадача* автор перевода Элизабет Рейнольдс Хэпгуд [An actor prepares 1936] подобрала лексическую кальку *super-objective*, вероятно, с целью дифференциации понятия от *supertask* (буквально ‘сверхзадача’), и именно в таком виде термин закрепился в англоязычной театральной терминологии.

По мере распространения «системы» тексты Станиславского переводились на французский, немецкий, итальянский, китайский и многие другие языки. Так термин Станиславского *сверхзадача* вошел в языки народов мира посредством кальки – например, *super-objective* (англ.), *Überaufgabe* (нем.), *super objectif* (фр.), *super compito* (итал.) и др. Важно подчеркнуть, что в указанных языках эти термины фактически закрепились за «сверхзадачей» системы Станиславского.

В истории русского языка очень долгое время это слово также употреблялось преимущественно в связи с именем Станиславского или в контексте его системы. Ср., например: «Под словом “сверхзадача”, – писал Станиславский, – мы подразумеваем основную сущность, то зерно, из которого создалось и созрело произведение»⁷.

Частотное использование слова в 50–60-е гг. XX в. в цитатах из Станиславского

⁵ Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 23. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 52.

⁶ Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. С. 683.

⁷ Головчинер В. Я. Искусство отображать жизнь // Советское искусство. № 18 (1302). 03.03.1951.

привело к тому, что слово стало термином художественного творчества (театра, живописи, кино) в широком смысле. И именно это определило вектор его дальнейшего функционирования.

По данным Национального корпуса русского языка⁸, использование слова на протяжении второй половины XX в. постепенно увеличивалось (к началу XXI в. слово употребляется в среднем около 30–35 раз в год). За исключением текстов К. С. Станиславского (около 20 %), термин в основном используется в публицистике и в научной литературе. В художественной литературе зафиксировано лишь 10 % от всех вхождений по этой лемме.

В публицистике же употребление лексемы *сверхзадача* колеблется от традиционных сфер искусства, культуры и театра (около 40 %) до политики, науки, спорта, моды (около 30 %).

Так, значительная часть примеров свидетельствует о закреплении слова в значениях, использованных К. С. Станиславским, о дальнейшем развитии этого понятия в сфере художественного творчества:

Сверхзадача автора — поиски прометеева огня в людях. Но совершенно очевидно, что решение этой задачи требует других героев, которые подошли бы выбранному автором фону романа. О таких именно героях говорит Павлу парторг Иващенко: «А хотите, так и быть, вам тему подарю? Отличнейшая тема, поле для размышлений!» (Б. Зернов. А цель была рядом // Литературная газета, № 24. 11.06.1969);

...чем выше духовная структура человека, тем больше у него возможностей жить не только в абсолютном, но и относительном времени, и для меня глобальной *сверхзадачей* искусства и является его способность продлевать человеческую жизнь, насыщать ее смыслом, учить активно существовать и во времени относительно, то есть сомневаться, чувствовать и страдать (Б. Васильев. Летят мои кони... 1984).

Однако для истории русского языка важно отметить, что с конца XX в. слово все чаще употребляется в хронологически первом значении, мотивированном входящими в его состав компонентами, — ‘главная // сложная задача’:

Создать всепоглощающий механический ритм, автоматической отключающий человека от забот и тягот, — такова была *сверхзадача* дискотек, где вместо живого общения всем и каждому предстояло отдаться во власть музыкальных роботов, цветовой и световой вакханалогии... (Л. Мархасев. В легком жанре. Роковые зигзаги. 1984).

История употребления слова нашла вполне точное отражение и в толковых словарях. Так, слово впервые в толковой лексикографии фиксируется в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» в значении ‘главная задача, идейная направленность художественного произведения, образа, спектакля и т. п.’ с указанием — «термин К. С. Станиславского»⁹.

Очень точно эта специфика функционирования слова и особенности его современного словоупотребления передаются в толковании первого значения в «Большом толковом словаре русского языка»:

СВЕРХЗАДАЧА, -и; ж. 1. Главная, основная задача, идейная направленность (художественного произведения, образа, спектакля и т. п.). *С. произведения. Авторская с. С. роли. 2. Разг.* Очень трудная, сложная задача. *Возложить на кого-л. какую-л. сверхзадачу* // Главная задача, проблема, подчиняющая себе остальные¹⁰.

Уточнение первого значения, данное в скобках — *идейная направленность (художественного произведения, образа, спектакля и т. п.)*, опущенное впоследствии авторами БАСа (см. цитату в начале статьи), очень точно соответствует ситуации реального функционирования слова, выявленного в результате анализа языкового материала словарных краткотек и Национального корпуса русского языка. При этом отметим, что определение первого значения в БАСе свидетельствует в большей степени о формально-логическом восприятии внутренней формы слова и о том, что авторы словарной статьи не в полной мере ориентировались на собственно языковой материал, так как цитаты, использованные авторами данного словаря, все же

⁹ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 417.

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 1156.

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

подтверждают связанность употребления слова с тематикой художественного творчества, однако, видимо, уже не ощущаются как релевантные. Но данный лексико-графический факт только подчеркивает выявленную тенденцию функционирования слова: носители современного русского языка в большей степени ориентируются на его внутреннюю форму и все меньше ощущают семантику, актуальную для второй половины XX в.

Выводы. Таким образом, в истории употребления такого, казалось бы, простого по семантике и структуре слова, как *сверхзадача*, можно выделить две линии функционирования: первая связана с его этимологией, примеры использования лексемы в первичном значении встречаются в самом начале XIX в. и все чаще — с конца XX в.; вторая, основная для этого слова в русском языке, обусловлена использованием единицы в качестве авторского термина в терминосистеме К. С. Станиславского в 30–е–80–е гг. XX в. На основе детерминации слово расширило сферу употребления и стало активно функционировать в контекстах, отражающих его генетическую связь с искусством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
2. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. М.: ЭЛПИС, 2005. 446 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья Игоревич Кривonosов, младший научный сотрудник, Отдел лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук

3. Котелова Н. З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. 275 с.

4. Станиславский К. С. Работа над собой в творческом процессе переживания // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Искусство, 1954. 424 с.

5. Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. 207 с.

6. Фалев И. А. К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке // Язык и мышление. Вып. 9. М.; Л., 1940. С. 167–179.

7. Stanislavsky K. An actor prepares. New York: Theatre Arts Books, 1936. 322 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Russian language (grammatical doctrine of the word) / G. A. Zolotova (ed.). 4th ed. Moscow: Russian language, 2001. 720 p. (In Russ.).

2. Granovskaya L. M. Russian literary language at the end of the 19th and 20th centuries. Moscow: ELPIS, 2005. 446 p. (In Russ.).

3. Kotelova N. Z. Selected works. publ., Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 275 p. (In Russ.).

4. Stanislavsky K. S. Work on oneself in the creative process of experiencing. *Sobranie sochinenii* = *Collected works*: in 8 vol. Vol. 2. Moscow: Art, 1954. 424 p. (In Russ.).

5. Tabanakova V. D. Author's term: I know, interpret, translate (monograph). Tyumen: Tyumen State University publ., 2013. 207 p. (In Russ.).

6. Falev I. A. To the question of the degrees of comparison in the modern Russian language. *Yazyk i myshlenie* = *Language and thinking*. Moscow; Leningrad. 1940. Issue 9. P. 167–179. (In Russ.).

7. Stanislavsky K. An actor prepares. New York: Theatre Arts Books, 1936. 322 c. (In Engl.).

Статья поступила в редакцию 15.12.2019; одобрена после рецензирования 15.01.2020; принята к публикации 05.02.2020.

The article was submitted 15.12.2019; approved after reviewing 15.01.2020; accepted for publication 05.02.2020.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-99-102

Рецензия на книгу: Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ: CORPUS, 2020. 304 с. (Primus)

Анна Сергеевна Васильева

ОАНО «Новая школа», г. Москва, Россия, anny_bal@mail.ru

Для цитирования: Васильева А. С. Рецензия на книгу: Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ: CORPUS, 2020. 304 с. (Primus) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 3. С. 99–102. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-99-102.

REVIEW

Review of the book by Fufaeva I. "How women are called. Femininitives: history, device, competition". Moscow: AST: CORPUS, 2020. 304 p. (Primus)

Anna S. Vasilyeva

"New School", Moscow, Russia, anny_bal@mail.ru

For citation: Vasilyeva A. S. Review of the book by Fufaeva I. "How women are called. Femininitives: history, device, competition". Moscow: AST: CORPUS, 2020. 304 p. (Primus). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 3. P. 99–102. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-3-99-102. (In Russ.).

Книга Ирины Фуфаевой посвящена животрепещущему и всегда эмоционально обсуждаемому вопросу о статусе феминитивов в русском языке, об их количестве в настоящее время, а также о трудностях, связанных с их освоенностью, включением в состав ядра лексики и стилистической окраской. Ирина Фуфаева начинает с определения понятия «феминитив»: «Феминитивы (феминативы, от лат. *femina* — женщина) — это слова с «показателем женскости», в русском языке — обычно со специальным суффиксом. Например: *волч-ица* или *рыбач-ка*. В более широком смысле — любые обозначения женщин, в том числе, например, *тетя*, *примадонна*» (с. 10). Для автора важен предметный разговор о материале и точность в использовании терминов, благодаря чему книга собирает воедино разрозненные мнения относительно роли феминитивов в языке, дает

объяснения с точки зрения лингвистики. Однако до итогов в данной сфере лексики всё еще далеко.

Книга актуальна и злободневна. Она написана живым, современным языком, что делает ее доступной и интересной широкой аудитории.

В первой главе книги «Лексика со сложной судьбой» Ирина Фуфаева отчасти очеловечивает «жизнь» феминитивов, что слышится уже в названии раздела. В ней определяется «элементарная лингвистическая база» (с. 9), в частности объясняется, чем гендер отличается от пола, почему грамматический род не тождественен полу, даются определения таким понятиям, как «суффикс», «коннотация», «морфема», «синонимы». Термины вкрапляются в текст главы, перемежаясь с вопросами, вызывающими в обществе наиболее сильное раздражение, когда речь заходит

о феминитивах: «*Молодая лауреат* — странно, *молодая врач* — уже привычно, хотя для официального стиля еще не нормативно» (с. 13). «Отсюда вопрос: раз существительные среднего, женского и общего родов могут обозначать людей независимо от их пола, почему этого не могут делать существительные мужского рода? *Редактор, политик, кассир...*» (с. 22).

В следующей главе Ирина Фуфаева определяет «контрольную группу» слов, в которой «сложились четкие и простые правила» (с. 23) образования феминитивов и в которой они образуются всегда. К таким группам относятся: «горожанки, сельянки и инопланетянки», «дочери разных народов», «последовательницы религий» (с. 23–24). Как пишет автор, так происходит потому, что других вариантов назвать женщину в этих сферах нет. Приводя примеры наименований женщин, Ирина Фуфаева уделяет особое внимание омонимичным номинациям и их судьбе, например *китайка* (жительница Китая и яблоны), *корейка* («женский этноним» и копченая грудинка). Автор приходит к выводу, что «в самом русском языке препятствий для естественного образования феминитивов нет» (с. 32).

В третьей главе рассматриваются обозначения женщин по деятельности. Ирина Фуфаева справедливо называет эту сферу «хаос». Она подробно рассматривает случаи «псевдопар», которые «образованы по-разному, в разное время и означают совершенно разные профессии» (с. 35), например, *машинист* — *машинистка*, *техник* — *техничка*. В главе отмечены причины «сложной» ситуации с наименованиями женщин по профессии, как то: обилие суффиксов со значением женскости (*-ниц-*, *-к-*, *-ш-*, *-щиц-*, *-чиц-* и др.), сложные правила сочетания суффиксов с основами, различие коннотативных значений, перенос феминитивов из других языков. Глава ярко показывает, что в современном русском языке нет единых правил и договоренностей о том, как образовывать феминитивы или какие слова использовать, когда нужно подчеркнуть половую принадлежность. «Действительно ли звуки, издаваемые некоей водоплавающей птицей, являются кряканьем и лишь ретроградные справочники этого не признают? Или, если она не совсем крякает, можно ли заставить

ее крякать с помощью какого-то решения, приказа, общественного договора?» (с. 185). Эта цитата про общий род, но она поясняет, почему любые попытки насадить что-либо в языке извне, сверху тут же наталкиваются на неимоверное сопротивление, при этом образования, растущие снизу, встречаются не меньшую критику.

В четвертой главе рассматривается история феминитивов в русском языке. Ирина Фуфаева описывает деятельность мужчин и женщин со времен Аввакума и царевны Софьи, отмечает «обильно» встречающиеся феминитивы этого периода: *гарусница, кружевница, капустаница, швея, дворница, ткаля, пряля, казначея, монахиня, руководительница*. Для XVII в. характерны суффиксы *-ниц-*, *-щиц-*, *-иц-*, *-ец-*, реже *-ин-*, *-х-*. Сегодня мы «донашиваем» последние образования с переставшими быть продуктивными суффиксами (*иуменья, гостья, ворожея*) (с. 48–59).

Пятая глава посвящена временам «Петра и Екатерин». Из нее мы узнаем о появлении большого количества новых видов деятельности для женщин. Женщины становятся *камедианшами, танцовщицами, импровизаторисами, музыкантшами, маляршами, живописицами, модистками, парикмахершами, сочинительницами, наместницами, инспектрисами и бельемями* (с. 61–79). Ирина Фуфаева пишет, отвечая тем самым участникам современных дискуссий о судьбе слова *писательница*, что 200 лет назад существовали «сочинительницы», ничуть не гнушавшиеся своим «названием»: *Она здешняя знаменитая сочинительница (Д. Фонвизин. «Письма родным»)* (с. 72). В главе отмечаются наиболее продуктивные суффиксы, среди которых *-ис-*, *-ин-*, *-есс-*, *-ш-*, *-к-*, при этом автор отмечает, что обнаружить специализированные русские суффиксы для обозначения жен не удалось.

Шестая глава начинается с рассказа о сконструированном еще в XIX в. деривате *авторка*, который является центром современных дискуссий. Ирина Фуфаева приводит примеры, доказывающие, что это слово появилось еще в 1834 г. Количество феминитивов в указанную эпоху быстро растет, что подтверждается примерами, причем не только в профессиональной сфере, ср. *товарка, пионерка, теософка, антропософка, оккультистка*. Зачастую наименования, появившиеся для обозначения жены

по мужу, начинают обозначать деятельность (*революционерка, демократка*). Ирина Фуфаева отмечает, что суффикс *-к-* в XIX в. набирает высоту, что связано со способностью этого суффикса присоединяться почти к любым основам: *философ — философка, театрал — театралка, лауреат — лауреатка, демократ — демократка* и т. д. В шестой же главе рассматривается продуктивность других суффиксов с семантикой женскости, например *-ик-*, *-ар-*, *-ш-*, *-иц-*, *-их-*. Ирина Фуфаева приходит к выводу, что «обозначать женщин особыми словами, отдельными знаками — исконно и в сфере деятельности. И до поры они вполне нейтральны» (с. 137).

Седьмая глава посвящена «рождению выбора», т. е. тому, как появляются варианты использования наименования мужского рода в качестве приложения («Героиня пьесы — женщина-автор») и в составе сказуемого («А невесте скажи, что она подлец») (с. 142). Ирина Фуфаева подробно рассматривает причины употребления слов мужского рода по отношению к женщинам, среди которых конкуренция, семантическое богатство, унификация и избыточность. Она отмечает, что они не связаны с «отсутствием нужных феминитивов, с дефицитом правильных суффиксов» (с. 161).

Восьмая глава описывает «метаморфозы согласования». В ней анализируется довольно часто встречающееся согласование типа «врач пришла» и «судья сказала». Ирина Фуфаева пишет, что в подобных примерах «род зависит не только от рода главного слова» (с. 166), а мы согласуем слова по полу. Подобные истории в русском языке уже случались, они приведены в продолжении главы. Здесь же рассмотрены правила согласования. Важен вывод: конструкции типа *врач сказала* естественны, так как часто используются в речи носителей языка.

В девятой главе поднимается вопрос об общем роде, в частности рассматривается вариант отнесения всех названий профессий к общему роду. Ирина Фуфаева отмечает грамматические показатели общего рода — окончание *-а*, обозначение как женщин, так и мужчин. Однако не отсутствие этих показателей «мешает» названиям профессий перейти в общий род, а то, что для ряда слов (*профессор, врач, кассир, автор*

и др.) «изменения еще не закончились, женский род не освоился во всех возможных случаях сочетаний с зависимыми словами» (с. 191).

Феминитивы XX в. и последних лет рассмотрены в десятой главе. Они сгруппированы по ситуациям, в которых чаще всего и появляются. Например, в заголовках СМИ («В Англии нашли самую красивую докторшу, и от такой не страшны уколы»), в ситуациях, когда важно подчеркнуть пол действующих лиц («Лучше бы застройщик (точнее — застройщица) не приезжала»), когда нужно подчеркнуть, что «героиня плохая» («Лихачка на иномарке сбила рабочего и смяла чужое авто в Новосибирске»), в школе («Астрономичка в декрет ушла...»), в ситуации флирта («...Вон и у Хэмингуэя высмеян бедняга халтурщик, который... титится совместить проблемы профсоюзной работы со страстью к молодой еврейке-агитатору») (с. 206—217). В главе представлены наиболее продуктивные суффиксы, участвующие в образовании новых феминитивов. Ирина Фуфаева отмечает, что наиболее продуктивен становится суффикс *-ш-*, тогда как *-к-* продолжает использоваться при образовании феминитивов от основ на *-ист-*: «...в 10-е годы XXI века возникает принципиально новое в русском языке явление: осознанное образование феминитивов, в основном с суффиксом *-ка*, от таких основ, от которых в русском языке уже существовали феминитивы с другими суффиксами» (с. 236). Примеров современных новообразований с семантикой лица женского пола в главе рассмотрено не так много, как в предыдущих исторических главах, хотя в разговорной речи, молодежном сленге, СМИ можно найти самые невероятные образования, порою не укладывающиеся ни в одну из привычных моделей (например, *мукла*).

В одиннадцатой главе поднимается вопрос о восприятии феминитивов носителями русского языка. Ирина Фуфаева пишет, что феминитивы знакомы не всем носителям языка и это влияет на их распространение в речи. В ряде случаев они имеют пренебрежительный оттенок значения («Докторка» — звучит вообще убого и вызывает единственную ассоциацию «неделки») и порождают неприятные ассоциации (с. 244). В частности, нередко случаи омонимии: *авторка — женщина-автор*

и авторская работа, режиссерка — женщина-режиссер и режиссерская работа над фильмом. Таким образом, феминитивы имеют «очень разный статус» в языке, так как для кого-то одно и то же слово может иметь разные коннотативные оттенки. Ирина Фуфаева подчеркивает, что в настоящее время «любой феминитив, имеющий коррелят мужского рода (унисекс), несет на себе хотя бы еле заметную печать второстепенности слова» (с. 264).

В заключительной главе подводятся итоги размышлений о феминитивах, например о том, что в ближайшее время вернется «единообразное царство феминитивов» (с. 268) в области профессиональной принадлежности. Ирина Фуфаева рассматривает разные варианты замены феминитивов (гендер-гэп, гендер-слэш) и приходит к выводу, что «феминитивы — в гораздо больше степени чисто языковая особенность, чем отражение действительности». И поэтому феминитивы не помогут решить проблему «дайте женщине слово» (с. 280).

Книга заканчивается приложением под названием «Женский суффиксарий». В нем представлены как наиболее продуктивные в настоящее время суффиксы с семантикой лица женского пола (например, *-ш-*, *-к-*), так и непродуктивные (*-анк-*, *-лиц-*), а также указана сфера продуктивности тех или иных аффиксов.

Отметим особенности стиля книги Ирины Фуфаевой. Она написана живым, эмоционально окрашенным языком, приближенным местами к разговорному и даже сленгу. Ирина Фуфаева иронично пишет о лингвистических явлениях, интригует заголовками, ср: «Какие суффиксы в моде?», «С днем рождения пары для автора», «Вниз по социальной лестнице», «Директриса — редактриса — модератриса и психиатриса» и т. д. Все это делает книгу интересной широкому кругу читателей, показывает настоящий язык, все время меняющийся и создающийся носителями этого языка.

Материалы книги Ирины Фуфаевой можно использовать на уроках русского языка в школе. К примеру, во время изучения лексикологии можно предложить учащимся самостоятельно составить тематические словари современных наименований, наименований женщин, иноязычных наименований и др. «Псевдопары» наименований по деятельности могут стать хорошим материалом для разговора об омонимии. На примере феминитивов можно развернуть дискуссию о продуктивности тех или иных суффиксов в русском языке, предложив проанализировать массив современных наименований женщин. Подобные задания на современном материале стимулируют исследовательский интерес к языку и помогают понять, что язык — это не застывшая система.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Сергеевна Васильева, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, ОАНО «Новая школа»

Anna S. Vasilyeva, Cand. of Sci. (Philol.), Teacher of Russian Language and Literature, OANO "New School"

Статья поступила в редакцию 01.02.2021; принята к публикации 20.02.2021.

The article was submitted 01.02.2021; accepted for publication 20.02.2021.

ХРОНИКА

**Международный круглый стол, посвященный выходу сборника
очерков профессора В. И. Фурашова**

**«Из истории отечественного языкознания: классики и современники»
The International roundtable on the release of essays by prof. V. I. Furashov
"From the history of the Russian linguistics: Classics and contemporaries"**

10 декабря 2020 г. кафедра русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета провела заседание международного круглого стола, посвященное 85-летию профессора В. И. Фурашова и выходу сборника его очерков «Из истории отечественного языкознания: классики и современники». Обсуждаемая книга стала 216-й публикацией ученого, среди работ которого монографии и статьи, опубликованные в центральных журналах.

Доцент кафедры русского языка ВлГУ О. И. Соколова рассказала об основных этапах подготовки издания, включившего в себя написанные В. И. Фурашовым в разные годы историографические очерки о жизни и творчестве известных языковедов. Открывается книга биографической справкой и воспоминаниями В. И. Фурашова о годах учебы в МГПИ им. В. И. Ленина, а завершается — списком трудов исследователя и перечнем кандидатских диссертаций, выполненных под его руководством.

Рецензент сборника очерков профессор МГОУ О. В. Никитин отметил огромное значение вышедшей книги для историографии науки и вузовской практики преподавания языковедческих дисциплин. Заместитель первого проректора Финиуниверситета профессор Н. В. Юдина остановилась на основных научных идеях В. И. Фурашова, определивших последующие лингвистические исследования, высоко оценила вклад ученого в образовательное и культурное пространство Владимирской области.

Профессор Л. Ясаи (Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия) выступил с докладом «Заметки к изучению условных конструкций», выстроив иерархию основных структурных типов конструкций с учетом их союзного и бессоюзного оформления на основе шкалы переходности В. И. Фурашова. Руководитель русского центра Будапештского университета И. Палоши посвятила свое выступление интерпретации валентности в трудах В. И. Фурашова, показав возможность применения этого свойства по отношению к субстантивам. Профессор Донбасского государственного педагогического университета (г. Славянск, Украина) В. А. Глушенко исследовал точки соприкосновения в работах П. И. Житецкого и А. А. Шахматова. Профессор РУДН Е. А. Красина в докладе на тему «Простое или сложное?» проанализировала трудные случаи квалификации предложений с несколькими сказуемыми с различными грамматическими характеристиками, подлежащими, «разбивающими» цепочку сказуемых. Профессор ВлГУ М. Вас. Пименова акцентировала внимание на шкале переходных явлений, разработанной В. И. Фурашовым, которая может быть применена к систематизации единиц не только синтаксического, но и лексико-семантического уровня языка.

Подводя итоги работы круглого стола, участники подчеркивали, что научные изыскания В. И. Фурашова во многом задали вектор в исследовании синтаксической сочетаемости слов. Звучали поздравления В. И. Фурашову и слова благодарности за многолетнее служение науке.

Е. А. Абрамова, Е. А. Кузнецова, М. Вас. Пименова, О. И. Соколова,
Владимирский государственный университет им. А. и Н. Столетовых,
г. Владимир, Россия

Elena A. Abramova, Ekaterina A. Kuznetsova, Marina Vas. Pimenova, Olga I. Sokolova,
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

**Лидия Петровна Рупосова
(1941–2021)
Lidia Petrovna Ruposova
(1941–2021)**

29 января 2021 г. от нас навсегда ушел особенный человек — жизнелюбивый, самобытный, потрясающе начитанный, с искрометными шутками и репризами, педагог редкого дара, лекции и доклады которого на научных конференциях поражали глубиной и экспрессивностью преподнесения, — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ Лидия Петровна Рупосова.

Ее биография во многом показательна для поколения шестидесятников. Л. П. Рупосова родилась 14 июня 1941 г. в г. Зарайске Московской области в рабочей семье. В 1960 г. со второго раза поступила на филологический факультет (славянское отделение) МГУ им. М. В. Ломоносова. Там Л. П. Рупосова познакомилась с будущим научным руководителем Н. А. Кондрашовым, которого высоко ценила.

Л. П. Рупосова окончила МГУ в 1965 г. со знанием чешского, польского и словацкого языков («владею свободно», как она написала в личном листке по учету кадров), а также венгерского и немецкого и в том же году поступила на работу в МОПИ им. Н. К. Крупской, которому отдала 50 лет своей жизни.

Тема кандидатской диссертации Л. П. Рупосовой «Русско-словацкие языковые связи: на материале словацкого литературного языка» (М., 1969) была новаторской и подтверждала идеи Н. А. Кондрашова и других ученых об особом статусе этого языка, его культурных параллелях с родственными славянскими письменностями.

Она является автором нескольких учебных пособий: «Сборник задач и упражнений по введению в языкознание» (М., 1985; 1991), написанный вместе с Н. А. Кондрашовым и Л. Ф. Копосовым; «Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке» (М., 1987), «Историческая

грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период)» (М., 1990), подготовленные в соавторстве с Э. Н. Болониной и Н. А. Кондрашовым; «Введение в славянскую филологию» (М., 2008), написанное вместе с С. И. Щербиной.

Ее лекции были необычны и по стилю изложения, и по содержанию. Л. П. Рупосова, подобно философам-славистам

XIX в., разговаривала со студентами и удивляла их историями из мира науки, редкими именами, которых не найдешь в учебниках, своими парадоксами и «теоремами».

В ней жила удивительная вера в науку и глубокая преданность своему любимому делу — славистике. Она всегда очень дорожила академическими традициями и до конца дней не расставалась с высокими культурными ценностями филологии — науки, сподвигнувшей ее на учительство.

Лидия Петровна — бесконечно обаятельный в своем чувстве слова и иронии человек с доброй щедрой душой. Она любила непоказное творчество, ценила дружбу, могла прямодушно, не таясь, сказать все, что накопилось на душе, и тут же быстро отходила. Л. П. Рупосова часто спорила и признавала только тех, кто «глубоко копает», была знакома с выдающимися лингвистами (например, с О. Н. Трубачёвым) и вхожа в их дома не ради карьеры... Собственно карьерой она никогда и не занималась, хотя написала докторскую диссертацию и могла ее успешно защитить... Она не раз дерзила начальству — была яркой, независимой, со своими принципами, и всегда знала цену настоящей личности. У нее было свое высокое предназначение в жизни и гордая, чувствительная, благородная и ранимая душа, не закрытая для благодати Святого Духа.

Вечная ей память!

Факультет русской филологии
Московского государственного областного
университета

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

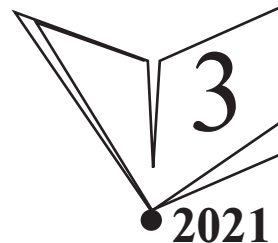
2021. – Т. 21. – № 3

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

май
июнь

Издатель – ООО «Наш язык»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2541–8793

12 +

Слова текут — вода живая	3
	5 Нам пишут...
Такие разные уроки...	10
	15 А я делаю так...
Рабочая тетрадь	19
	22 Игры. Шарады
Кроссворд	23
	24 Ответы

Слова текут — вода живая

Лирохвост

Австралию открыли в 1606 г. Фауна этого континента поразила европейцев. Здесь были сумчатые животные и яйцекладущие млекопитающие, ранее науке не известные. Учёные-орнитологи встретились с новыми видами птиц. Во-первых, всем новооткрытым зверям и птицам надо было дать латинские названия, а во-вторых, включить эти термины в уже существующую научную систематику.

Одной из таких птиц учёные присвоили латинское название *menura*, составив его из греческих слов *mēn* 'месяц, луна' и *ura* 'хвост'.

Существительное *менура* в русских текстах встречается уже в первой четверти XIX в. В главе, посвящённой Австралии, Иван Гейм пишет:

...красивая менура, принадлежащая к райским птицам (Гейм И. Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель. – 2-е изд., испр. и весьма умнож. – М., 1819. – Т. II. – С. 434).

Годом позже мы находим *менуру* уже в поэзии (Труды Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском Университете. – М., 1812–1820. – Кн. X. – С. 98):

Менура (*) и соя [сойка. – Н. А.]

Басня (с французского)

Соскучившись сносить обиды
От кровожадных птиц, летавших по лесам,
С равнин безоблачной Флориды
Вдруг к Мешашебским берегам
Великолепная Менура преселилась.

Автор сих строк Александр Христофорович Дуроп немножко напутал: интересующая нас птица в восточноамериканском штате Флорида не водится. Менура – австралийский эндемик.

Чуть позже это слово встречается уже в учебнике зоологии:

Высоконогие алекториды... Менура... хвост... состоит у самца из двух боковых широких лирообразных и 12 тонких перьев (Горянин П. Ф. Зоология, основанная на зоонимии и применённая к общей пользе... Соч. Павла Горянинова: в 2 ч. – СПб., 1837. – Ч. 2. – С. 616).

А вот и первая лексикографическая фиксация:

Ménure. Менура, птица (Татищев И. И. Всеобщий французско-русский словарь, составленный по изданиям Раймонда, Нодье, Боаста и Французской академии... Иваном Татищевым: в 2 т. – 3-е изд., вновь доп. и испр. – М., 1839–1841. – Т. 2. – С. 193).

В. А. Эртель в «Полном зоологическом и ботаническом словаре на французском, русском и латинском языках» 1843 г. уточняет:

Ménure, s.f. менура (*menura*) птица из семейства высоконогих алекторид (Указ. соч. – С. 227).

Менура попала даже в книги для детей:

Лирохвостая менура, великолепная птица, которая водится в Новой Голландии, по устройству тела, именно клюва, лапок, причисляется к семейству воробьёв зубчатоклювых, хотя по росту некоторые натуралисты и причисляли её к разряду кур (Естественная история животных, рассказанная для детей / сост. Анна Дараган. – СПб., 1849. – С. 252–253).

Но широко известное в первой половине XIX в. и изредка встречающееся в текстах второй половины XIX в. существительное *менура* в русском языке не закрепилось.

В процитированной выше басне А. Х. Дуропа издатели снабдили слово *менура* звёздочкой-астериском и пояснили в примечании: «Великолепная менура* – лунохвостка».

Эту словообразовательную кальку (буквальный перевод) латинского термина можно найти и раньше:

Другая редкая, весьма красивый хвост имеющая птица, названная мною *лунохвосткою* (*menura*), также из Новой Голландии... Имя сей птице дал я по луночкам на хвосте её находящимся (Севастьянов А. Об открытиях, učinённых в естественной истории [биологии. – Н. А.] в конце последнего и начале нынешнего столетия с описанием новых пород птиц. Представленное Академии 1807 года, ноября 4 дня / умозрительные исследования имп. Санкт-Петербургской Академии наук. – СПб., 1808. – Т. I. – С. 280 и 283).

Но и этому слову не повезло. На смену ему пришла другая калька – *лирохвост*.

По данным ССРЛЯ, этот орнитологический термин впервые фиксируется Словарем Толля в 1864 г. Однако в указанном источнике этого слова мы не нашли. Но в первом томе этого словаря (1863. – С. 19) упоминается «менура-лира».

Слово *лирохвост* мы нашли в «Вестнике естественных наук»:

Menura superba... Неподалёку... долгое время жил птенец лирохвоста, на одном дворе вместе с домашними курами (Вестник естественных наук. Издание имп. Московского общества испытателей природы. – М., 1854–1859. – Т. VI. – С. 378–379).

И позже:

Лирохвосты (*Menura superba*). По общему виду птицы эти напоминают кур. Прекрасные хвостовые перья у самцов изогнуты в виде лиры (Путеводитель по зоологическому музею имп. Академии наук / сост. Александр Брандт. – 2-е изд. – СПб., 1865. – С. 15).

Существительное *лирохвост* представляет собой словообразовательную кальку немецкого *Leierschwanz* (нем. *Leier* 'лира', *Schwanz* 'хвост'). Другое название этого красавца – *птица-лира* – калькирует франц. *Oiseau-lyre*. Этот термин зафиксирован в журнале «Вокруг света»: «Птица-Лира (*Menura superba*)» (Вокруг света. Журнал земледения, естественных наук, изобретений и наблюдений, издаваемый под ред. А. Разина и П. Ольхина. – СПб., 1866. – Т. VI. – С. 182).

Н. С. АРАПОВА
Москва

Слова... Фразы... Музыка

(Эссе)

*Посвящаю сей опус Татьяне Ивановне Головановой –
моей жене и моему самому драгоценному читателю*

Удивительно, как привычные, до обыденности, вещи иногда оборачиваются перед нами своей непонятной, подчас загадочной стороной и подолгу занимают наши мысли. Вот, скажем, музыка. Её мы слушаем (или слышим) ежедневно – по радио, телевизору, нередко из других источников... Но ведь она была не всегда, она не возникла вместе с человеком! А как возникла? Когда? Зачем? Некоторые соображения по этому поводу следуют ниже.

Музыка появилась из языка, точнее – из речи. Доказательства? Сначала несколько слов о существующих гипотезах.

По одной из наиболее известных версий, первоисточником музыки являются звуки природных явлений: гром, ветер, шум волн и т. д.; голоса животных, особенно птиц; звуки, сопровождающие трудовые процессы, в том числе звуки, произвольные издаваемые голосовым аппаратом человека и др. Считается, будто гомо сапиенс мог постепенно усложнять подражание звукам природы или собственные произвольные возгласы и в результате получать организованный звукоряд, не связанный с языковым содержанием.

Первое возражение – отсутствие мотивации. Наш далёкий предок, во всяком случае – по представлениям его цивилизованного потомка, был весь без остатка поглощён заботами об удовлетворении самых насущных потребностей вроде питания, одежды и т. п. Так что ему было, грубо говоря, не до изобретения музыки, которая не сулила никаких ощутимых благ.

Другой контраргумент заключается в следующем. Подражания первобытного человека своим голосом звукам окружающей природы осознавались им, естественно, в связи с источниками этих звуков – животными, предметами, природными явлениями. Значит, эти подражания становились знаками, с помощью которых члены первобытного общества могли передавать первоначальную информацию друг другу. (Добавим, что звукоподражательная теория происхождения языка ныне пользуется широким признанием лингвистов – как минимум в качестве объяснения одного из его истоков.)

Однако если допустить, что первобытный человек не только издавал звукоподражания для «сообщения» сородичам о чём-либо, но и, модулируя, превращал их в неузнаваемые и мелодичные звуки, то он тем самым отрывал их от естественного содержания. Такие гипотетические «пустые упражнения» пещерного обитателя уже

не были бы знаками как средством общения, тем самым не могли осознанно закрепиться в памяти ни субъекта, ни окружающих его. Следовательно, отпадает и возможность их воспроизведения для дальнейшего развития.

В связи с вопросом о происхождения музыки весьма любопытной предстает так называемая междометная теория происхождения языка. Она возводит человеческий звуковой язык к непроизвольным возгласам, в которых проявлялись сильные эмоции и которые в дальнейшем превращались в первые слова – обозначения этих эмоций. В XVIII в. этой теории придерживался выдающийся французский мыслитель Ж. Ж. Руссо. Позже, в начале XX в., известный датский лингвист О. Есперсен в работе «Язык, его природа, развитие и происхождение» выступил с гипотезой, что человек сначала пел, а потом стал говорить. С этой экстравагантной идеей можно было бы согласиться, если под глаголом *пел* учёный подразумевал не его современное значение, а эмоциональные восклицания доязыкового человека. Во всяком случае, с этим пониманием вполне согласуется его следующее высказывание: «Язык родился в романтический период человечества. Первые элементы речи представляются мне чем-то средним между ночными концертами кота на крыше и мелодичной любовной песней соловья». И, таким образом, эмоциональное голосовое поведение первобытного человека, которое Есперсен назвал «пением», вполне логично рассматривать в роли одного из истоков звукового языка, т. е. в рамках упомянутой междометной теории. Тогда как до возникновения языка эти эмоциональные возгласы, равно как и подражания звукам природы, не могли трансформироваться в протомузыку из-за отсутствия, как уже отмечалось, жизненной мотивации и опоры на осознанное содержание, т. е. общепринятые в данном сообществе знаки-названия для тех или иных эмоций и источников звуков.

Рассмотренным подражательным теориям происхождения музыки, как и теории «пения» – в авторском её понимании, – не доставало не только мотивации «насущной необходимости» – они не опираются, да и, по-видимому, не могли опереться на фактор внутренней потребности в чувстве красоты у наших далёких предков. О глубиной древности зарождения эстетического сознания могут свидетельствовать обнаруженные археологами древнейшие наскальные рисунки, некоторые бытовые предметы, украшения и орудия труда. Но и эту, визуальную гипотезу вряд ли правомерно связывать с зарождением чувства красоты в звуковых ощущениях. Можно допустить также, что это чувство коренится в различении первобытным человеком звуков тоновых и шумовых, «приятных» и раздражающих и т. п. – вроде свиста соловья и карканья вороны. Но данный фактор не мог быть решающим в происхождении музыки уже в силу его ограниченной роли в повседневной жизни человека: редкие звуки могли осознаваться им оценочно.

Языковая гипотеза происхождения музыки снимает недостатки рассмотренных версий. Устраняется, в частности, их главный дефицит – отсутствие импульса сознания, устойчиво связывающего звуки, воспринимаемые человеком, а также издаваемые им, с действительностью. Тогда как звуковой язык, будучи психическим явлением, порождённым посредством голосового аппарата человека, обладает свойством, которое органично вписывается в историю музыки в качестве её истока, – **интонация** её. Интонация речи с самого её (речи) начала демонстрировала широкие возможности голоса **для коллективно осознанного выражения чувств и интенций субъекта** – сверх тех задач, которые решают сегментные (линейные) средства языка. Дальнейшее развитие языка, заключающееся в усложнении и обогащении речевых структур, означало одновременное усложнение и обогащение интонационных рисунков высказывания. Эти голосовые сверхсегментные рисунки заимствовались членами первобытного сообщества друг у друга и регулярно

воспроизводились именно потому, что они выражали определённое содержание: вопросительность, необходимость, оценку, побуждение, намерение, указание, недовольство, упрёк и т. д. и т. п. Постепенное наращивание этого коннотативно-экспрессивного «ассортимента» и, соответственно, его интонационного оформления становится единственной и непреложной предтечей протомузыки.

Выразительные возможности голосового аппарата, которыми природа одарила человека и которые им стали использоваться и развиваться с самого зарождения языка, в наше время выросли неизмеримо по сравнению с далёким прошлым человечества. Сегодня особенно ярко их демонстрирует драматическое искусство и декламация. Рассказывают, например, об итальянском артисте, который произносил перед публикой цифровой ряд от одного до ста так, что публика слышала не последовательность цифр, а исповедь раскаявшегося убийцы и даже плакала от сочувствия ему.

Пожалуй, этот случай больше похож на легенду, чем на реальный факт. Тем не менее в его сущности сомневаться не приходится. Обратимся к другому факту из истории «музыкальности» русской речи, о котором свидетельствует автор настоящих строк. В самом начале 70-х гг. истекшего столетия по Всесоюзному радио (кажется, так называлась тогда центральная радиостанция) транслировался большой цикл передач, посвящённый чтению знаменитого романа великого русского писателя М. А. Шолохова – «Тихий Дон». А читал его, тоже великий, русский актер М. А. Ульянов. К этому времени я, помнится, уже дважды прочёл роман, так что содержание его знал неплохо. Но прослушивание его в течение нескольких дней в исполнении Ульянова оставило во мне впечатление незабываемое. Картины Гражданской войны оживали передо мной. И я, как будто впервые, проживал вместе с героями романа все трагические события, отражённые в нем. При этом трудно было не заметить, как всё это удавалось артисту передавать своим голосом. Как он точно сегментировал паузами и акцентировал ударениями фразы, распределяя в них смысловой вес отрезков! Как тонко он использовал нужный темп их произнесения, как виртуозно играл мелодикой голоса и тембровыми оттенками, создавая настроение ситуации и движение души персонажей! Как будто перед микрофоном выступал не один артист, а целый театр!

Под упомянутой выше «музыкальностью» речи подразумевается здесь, конечно, не музыка в обычном смысле этого слова, а лишь талантливое чтение прозы, использующее богатый арсенал интонационных средств. Но при этом подобная декламация – а она, естественно, знакома разным народам – служит наглядным проявлением родства и союза языка – если не прямо с музыкой, то... с музыкой через песню. Наверное, не случайно я вспоминаю об этой радиопостановке, когда слушаю популярную песню «Эх, дороги! Пыль да туман...». В обоих случаях драматизм языкового содержания усиливается музыкальными средствами.

Теперь продолжим развивать заявленную идею о речевой природе музыки.

Понятно, что от первых речевых модуляций голосом до современного музыкального искусства человечество прошло очень большой путь. Но на этом пути достаточно зримо и последовательно вырисовывается череда важнейших вех.

Логично, например, связать зарождение такого элемента интонации речи, как изменение высоты тона, т. е. мелодики, с развитием предикативного сочетания первичных названий субъекта и его признака, которое утверждает или отрицает отношение между ними. Для озвучивания таких конструкций для большинства языков мира характерна интонация нарастания и последующего понижения высоты тона (типа *Яблони – в цвету*). Естественно также предположить, что уже на самом

раннем этапе становления языка возникла необходимость – в частности для поддержки и надежности коммуникации – и в таких голосовых инструментах, как сила тона, темп, повторы и др.

По-видимому, с незапамятных времен зарождаются и начинают развиваться речевые жанры, в дифференциации которых всё бóльшую роль играет интонационная составляющая. Особенно показательными в этом смысле, очевидно, были ритуально-культовые жанры, такие как молитва, заклинание, плач и др. Магический характер их содержания стимулировал, к примеру, протяжность и напряженность звуков речи, повторы и периоды для акцентирования определённых смысловых компонентов: жалоб, обращённых к божеству; слов, выражающих скорбь, и т. п.

На определённом этапе духовного развития общества рождается устное народное творчество, которое также отмечено вкладом в развитие «музыкальности» словесного произведения. Так, в русском фольклоре напевностью чтения выделяется такой жанр, как былина.

Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному –
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпались,
Тёмны лесушки к земле все преклонились.
(«Илья Муромец и Соловей Разбойник»)

Напевность возникает посредством интонационной однотипности строк, подчёркивающей, в частности, одинаковое членение фразы на тему и рему.

Следующий этап эскалации в речи «музыкальности» связан с созданием разными народами поэзии как особого рода художественной литературы. Поэтическая форма речи быстро завоевывает признание представителей словесного творчества, а также любовь читателей и слушателей. В свою очередь, расцветает техника стихосложения. С развитием метрических систем, определяемых в основном комбинациями ударных и безударных слогов, расширяются возможности напевности стихотворного текста, а ритмический строй стиха усложняется за счёт распространения таких голосовых инструментов, как ритмическое ударение, созвучие окончания строк (рифма) и повторы разных сегментов, в том числе стихотворных строк и строф (рефрены).

Автор этих строк вполне допускает, что намеченные здесь исторические вехи в эволюции голосовых возможностей в речевой деятельности, а также их последовательность (интонация как исконное свойство устной речи – ритуально-культовые жанры – фольклор – поэзия) в известной степени произвольны и, может быть, спорны. Тем не менее в решении проблемы зарождения и эволюции музыки этот ряд вносит убедительный довод. Он отражает возрастание роли интонации, заключающейся в фиксации и закреплении в сознании **з в у ч а н и я** содержательных единиц и средств речевого произведения. Закономерно изначальное предназначение словесного творчества: на всех указанных этапах оно неизменно исходило из звукового воспроизведения (или представления звучания «про себя») сочинения. **З в у ч а н и я** требовало прежде всего его содержание. Темы народно-поэтического творчества, как правило, выбираются не обыденного, а высокого масштаба: человек и природа, человек в социуме, человек и время, гендерные отношения и т. п., одним словом – всё, что представляется важным, значительным самому сочинителю, включая его личный духовный мир. Собственно, два основных принципа поэтической речи призваны обеспечивать именно более чёткое самовыражение автора и более надёжную трансляцию нетривиального содержания. Это, во-первых,

компрессия вербального содержания (по сравнению с обычной или художественно-прозаической речью) и, во-вторых, специфическая интонация. Оба принципа служат конденсации в стихах смысла и коннотации сегментных единиц: знаменательных слов, словосочетаний, фраз. В итоге поэт решает сверхзадачу: лаконично и звонко манифестировать «суть вещей».

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

(А. Блок. Скифы)

Вообще звуковая форма языка, как известно, отличается от письменной формы не только по своей природе и строению. Интонация, которая на письме фиксируется лишь в очень слабой степени, будучи исконным свойством звукового языка, во многом определяет и функциональный аспект устной речи. Эта особенность, разумеется, доступна для понимания не только поэтам, но и любым носителям языка.

Ещё значительнее приоритет звучания в поэзии. Здесь интонация предстаёт уже как специфический способ самовыражения и транслирования мыслей в сфере высоких материй. Не случайно кто-то из классиков русской поэзии XX в. сравнивал стихи с молитвой. Вероятно, такое ощущение от творческого процесса, по выражению Есенина – «душевного шума», знакомо многим поэтам. В памяти же любителей поэзии особенно впечатлившие строки, подобно молитве, всплывают и «звучат» всю сознательную жизнь.

Но не споткнутся ли приведённые рассуждения по поводу звуковой формы языка о русскую пословицу «Слово – не воробей: вылетит – не поймаешь»? Действительно, «навскидку» возможно такое её истолкование: произнесённое слово пропадет бесследно. Вместе с тем думается, что народный опыт заложил в ней более глубокую мысль: прозвучавшее слово уже, и безвозвратно, утвердилось в сознании того, кто его услышал.

(Продолжение следует.)

С. А. КАРПУХИН
г. Самара

Такие разные уроки...

Урок на тему «Тире в бессоюзном сложном предложении»

При изучении синтаксиса всегда возникает вопрос о вариативности выбора того или иного знака. Бессоюзные сложные предложения, в отличие от сложносочинённых и сложноподчинённых, не имеют специальных союзов и союзных слов для связи простых предложений внутри сложного. Здесь основным средством является интонация, из-за отсутствия союзов менее чётко выражены смысловые отношения. В зависимости от значения, смысловых отношений между простыми предложениями в БСП используются запятая, точка с запятой, двоеточие, тире. Остановимся на таком знаке препинания, как тире. Для того чтобы девятиклассники научились правильно использовать этот знак препинания, необходимо повторить смысловые отношения между частями БСП и правила постановки в нём запятой, точки с запятой, двоеточия.

I. Подготовка к восприятию темы. Чтение индийской сказки «О трёх золотых куклах».

Один властитель послал соседу-султану в подарок три золотые куклы. Куклы были совершенно одинаковые и с виду, и по размерам, и по весу. Однако властитель велел передать, что цены у них разные. Одна кукла дешевле, другая дороже, третья ещё дороже. Он просил объяснить, почему это так. Подивился султан подарку и велел придворным разгадать, в чём отличие одной куклы от другой. Придворные осмотрели все куклы – никакой разницы между ними нет.

И вот один бедный юноша попросил передать султану, что он может разгадать тайну кукол. Султан велел доставить юношу во дворец.

Юноша осмотрел кукол и заметил, что у них в ушах просверлены дырочки. Тогда он взял стебелёк и сунул его в ухо одной кукле: кончик стебелька вылез у неё из рта. Потом сунул стебелёк в ухо другой кукле: кончик стебелька высунулся у неё из другого уха. Наконец, он сунул стебелёк в ухо третьей кукле, и весь стебелёк остался внутри неё.

Тогда юноша сказал:

– Ваше величество, эти куклы сходны с людьми. Первая кукла похожа на того, кто сейчас же расскажет всем и каждому о том, что слышал. Вторая кукла схожа с тем, у кого чужие слова в одно ухо влетают, в другое вылетают. А третья кукла походит на человека, который что ни услышит, то словно проглотит. Это человек, достойный доверия, – цена этой кукле самая высокая. Выслушал его султан, обрадовался и приблизил юношу к себе.

II. Анализ текста (работа в группах).

1. Выразительное чтение текста учащимися.
2. Какой подарок и с какой просьбой получил султан?
3. Прочитайте его наказ придворным.
4. Кто и как разгадал тайну подарка?
5. Перескажите своими словами объяснение юноши.
6. Какие качества людей символизируют куклы?
7. Какое из качеств вы цените в человеке?
8. Какова главная мысль текста?
9. Сделайте синтаксический разбор предложений:

5. Вот мои условия () вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения.
(М. Лермонтов)

IV. Целеполагание и построение проекта выхода из затруднения.

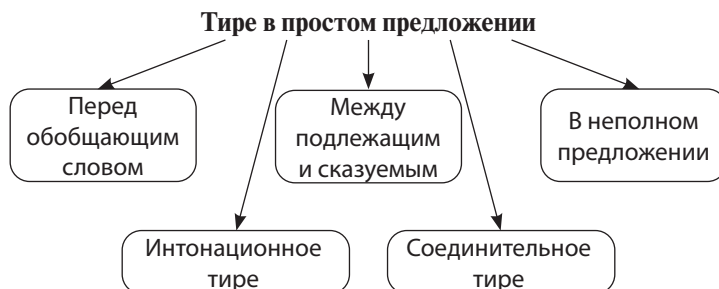
Чтобы усвоить новые способы учебной и умственной деятельности, учащимся необходимо вспомнить, когда ставится тире в простом предложении. Используем таблицу.

Таблица 2

Тире в простом предложении

Тире ставится			
1	Сущ. в Им. п. – сущ. в Им. п.	<u>Фамусов</u> – <u>представитель</u> <u>московского дворянства</u> .	Подлежащее и сказуемое выражены сущ. в Им. п.
2	Инфинитив – инфинитив	<u>Жизнь прожить</u> – <u>не поле перейти</u> .	Подлежащее и сказуемое выражены инфинитивами, в том числе и при отрицании
3	Сущ. в Им. п. – инфинитив	<u>Девиз Чацкого</u> – <u>служить</u> <u>делу, а не лицам</u> .	Подлежащее выражено сущ. в Им. п., а сказуемое инфинитивом
4	Числ. – числ.	<u>Пятью пять</u> – <u>двадцать пять</u> .	Подлежащее и сказуемое выражены числительными
5	Сущ. + числ. – сущ. в Им. п.	<u>Один из гостей</u> <u>Фамусова-Репетилов</u> .	Подлежащее выражено сущ., а сказуемое сочетанием сущ. с числ.
6	<i>Это, вот, значит, это значит</i>	<i>Добывание чинов – вот цель Фамусова</i>	Если перед сказуемым стоят слова <i>это, вот, значит, это значит</i>

Более подготовленная группа учащихся подбирает примеры к кластеру. (Это задание можно дать заранее на дом.)

Познакомимся с новым материалом.

1. Я гость () вы хозяин. (Противопоставление?)
2. Сыр выпал () с ним была плутовка такова. (Быстрая смена событий?)
3. Любишь кататься () люби и саночки возить. (Условие?)
4. Настанет утро () двинемся в путь. (Время?)
5. Молвит слово () соловей поёт. (Сравнение?)
6. Хвалы приманчивы () как их не пожелать! (Следствие, вывод?)

Обучающиеся формулируют цель учебной деятельности в диалоге с учителем; выделяют главное, устанавливают причинно-следственные связи между отдельными языковыми явлениями, извлекают необходимую информацию из прослушанного объяснения учителя, систематизируют собственные знания.

V. Творческая и практическая деятельность по реализации построенного проекта.

Под руководством учителя учащиеся составляют план работы над заданием, работают над опорной схемой.

противопоставление (а)
 быстрая смена событий
Значение условие (если) => **тире**
 время (когда)
 сравнение (как будто)
 следствие (так что, поэтому, значит)

Далее учитель обращает внимание учащихся на то, что основным средством связи простых предложений внутри сложного является интонация.

VI. Первичное закрепление с комментированием во внешней речи.

Учащиеся находят примеры постановки тире в БСП в сказке «О трёх золотых куклах» и обосновывают знаки препинания в этих предложениях. Ученик-консультант сверяет ответы по таблице-шаблону.

Таблица 3

Знаки препинания	Обоснование	Схема	Примеры
Тире (–)	1) части противопоставлены по содержанию	[] – [].	<i>Придворные осмотрели все три куклы – никакой разницы между ними они не нашли. Уместное слово своё место найдёт – неуместное слово хозяина накажет.</i>
	2) первая часть указывает на время и условие того, о чём говорится во второй части	[] – [].	<i>Ласково заговоришь – змея из норы выползет. Будешь книги читать – будешь все знать.</i>
	3) вторая часть заключает вывод, следствие из того, о чём говорится в первой части	[] – [].	<i>Солнце дымное встаёт – будет день горячий. Скажешь слово – добавят десять. Дети стали большими – им надо серьёзно учиться.</i>
	4) содержание первого предложения сравнивается с содержанием второго	[] – [].	<i>Учёный без трудов – дерево без плодов.</i>
	5) быстрая смена событий	[] – [].	<i>Вагоны тронулись – поезд стал.</i>

VII. Самостоятельная работа с самопроверкой по эталону.

(В соответствии с уровнем подготовки класса учитель подбирает задания разной степени сложности для самостоятельного выполнения учащимися.)

I группа работает с карточками «Закрепим изученное» (согласно опорной схеме).

1. Я был готов любить весь мир – меня никто не понял.
2. Я повторил приглашение – он ничего не отвечал.
3. Вдали вилась пыль – Азамат скакал на лихом Карагёзе.
4. Попробовал идти пешком – ноги подкосились.
5. Выстрел раздался – дым наполнил комнату.
6. Горное озеро сверкает на солнце – переливается всеми цветами радуги волшебный кристалл.
7. Туман рассеялся – вершины вновь засверкали на солнце.
8. Я был скромн – меня обвинили в лукавстве.

(М. Лермонтов)

II группа учащихся подбирает свои примеры к схемам, иллюстрирующим природу изучаемого языкового явления, составляет связный рассказ об изученных нормах.

Работа со схемами:

1. [время] – [].
2. [условие] – [].
3. [] – [следствие, вывод].

противопоставление

4. [] – [].

III группа должна заменить БСП сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями.

1. Настанет утро – двинемся в путь.
2. Будешь книги читать – будешь всё знать.
3. Хочешь получить великую истину – начинай с азбуки.
4. Труд человека кормит – лень портит.
5. Дрова все вышли – топить нечем.

IV группа учащихся должна решить графический тест и заполнить таблицу. (Знаки препинания не расставлены.)

Кончил дело – гуляй смело (П о с л о в и ц а).

За селом синел далёкий лес, рожь качалась, колос созревал (С. Щ и п а ч ё в).

Жёлтые листья роняет осень, красные листья летят по лесам.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку.

Пойдём домой: будет холодно.

В поле потемнело: надвигалась гроза.

Скучно тебе жить – займись чем-нибудь.

Мы очень зябли: ночи были уже холодные.

Солнце дымное встаёт – будет день горячий.

День становился всё более ясным, облака уходили, гонимые ветром.

Таблица 4

Знаки препинания	Предложения									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Запятая										
Двоеточие										
Тире										

VIII. Рефлексия учебной деятельности.

1. Какую цель мы поставили в начале урока?
2. Выполнили ли мы её?
3. С какой темой познакомились?

IX. Домашнее задание.

Выписать из художественной литературы и материалов прессы по два предложения на каждый случай постановки тире в БСП.

А. Ф. СМЕРНОВА
МОУ «СОШ № 1», г. Энгельс,
Энгельсский муниципальный р-н, Саратовская обл.

Технология «Диалог культур» как средство развития учащихся

Технология «Диалог культур» заинтересовала меня ещё в 90-е гг. XX в., когда я преподавала несколько предметов: русский и белорусский язык, литературу, мировую художественную культуру. В то время и была определена стратегическая задача: сделать уроки и внеклассные мероприятия такими наполненными и интересными, чтобы все учащиеся воспринимали обучение как творческий процесс, требующий постоянного поиска, умения поспевать за жизнью. Внутренний мир современных молодых людей необычайно сложен, подвижен, изменчив, поэтому требуется активная и своевременная помощь со стороны учителя. Но необходимо помнить главное – помощь должна быть с интересом и благодарностью воспринята, а выпестовать эти чувства бывает довольно трудно. С этими трудностями и помогают успешно справляться уроки, построенные с использованием технологии «Диалог культур», так как включают в себя элементы самопознания и самовоспитания, предполагают приобретение общих культурных ценностей и дают возможность самосовершенствования.

В основу технологии положены идеи М. М. Бахтина о культуре как диалоге, внутренней речи Л. С. Выготского, положения философской логики культуры В. С. Библера.

Обучение с применением технологии «Диалог культур» имеет следующие особенности:

- общение субъектов диалога;
- сотворчество преподавателя и обучающихся, присвоение ими определённых позиций, типов мышления;
- спиралевидный характер урока-диалога;
- непредсказуемость урока-диалога;
- многоплановость урока-диалога;
- внедрение игровых методик;
- использование других инновационных технологий.

Первый приём, с которым ученики работают на таких уроках, – это кроссенс.

Кроссенс представляет собой ассоциативную цепочку, замкнутую в стандартное поле из девяти квадратов. Девять изображений расставлены в нём таким образом, что каждая картинка имеет связь с предыдущей и последующей, а центральная объединяет по смыслу сразу несколько. Связи могут быть как поверхностными, так и глубинными, но в любом случае это отличное упражнение для развития логического и творческого мышления, зрительной памяти и связной речи.

Читать кроссенс нужно сверху вниз и слева направо, далее двигаться только вперёд и заканчивать на центральном пятом квадрате. Таким образом, получается цепочка, завернутая «улиткой». Начать можно как первой, так и с любой узнаваемой картинки. Центральным является квадрат с номером 5, он может быть связан по смыслу со всеми изображениями в кроссенсе.

При создании кроссенса можно воспользоваться следующим алгоритмом:

1. Определяем тематику (общую идею).
2. Выбираем девять элементов (образов), имеющих отношение к теме.
3. Находим связь между элементами.
4. Определяем последовательность элементов по типу связи «крест» и «основа».
5. Концентрируем смысл в центральном элементе.
6. Подбираем картинки, иллюстрирующие выбранные элементы (образы).
7. Заменяем выбранные элементы (образы) картинками.

Приведем пример.

С помощью кроссенса можно:

- проверить домашнее задание (рассказать о материале прошлого урока);
- сформулировать тему и цели урока (найдите связь между изображениями и определите тему урока; определите, что мы будем изучать);
- раскрыть информационный блок темы, осуществить поиск проблемы (виды, причины, черты, последствия чего-либо в образах и символах);
- закрепить и обобщить изученный материал (кроссенс состоит из изображений, которые появлялись в ходе урока на разных этапах, учащиеся по ним обобщают материал и делают выводы);
- определить творческое домашнее задание (составление кроссенса в печатном или электронном виде на заданную тему, на произвольную тему).

Ещё на уроках, построенных по технологии «Диалог культур», я использую метод ситуационно-ролевых игр. Например, на уроке литературы в VI классе по басне И. А. Крылова «Волк и ягненок» школьникам предлагается разыграть сценку «Диалог волка и ягненка» со слов «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом...».

Учащиеся разделены на группы. Задача каждой – предположить (после слов автора и реплики волка), что ответит ягненок (школьники пишут своё стихотворное продолжение). Варианты: просто оправдывается, предпримет какие-либо меры для своего спасения. Далее учащиеся предполагают, как данная ситуация применима к обычной жизни, как из неё выйти, затем создают смысловую схему поведения участников басни, пишут маленькую миниатюру «Как бы я поступил, если бы меня несправедливо обидели?».

В современной педагогической практике культурологический подход к урокам литературы предполагает несколько типов интегративных связей:

- *последовательный* тип интеграции, где материал, принадлежащий к разным видам искусств, объединён в блоки;
- *параллельная связь* литературы и других видов искусств, когда изучение происходит синхронно на каждом из этапов урока;
- урок со *смешанным* типом интеграционных связей определяется тем, что может включать разные виды интегративной связи;
- *опоясывающий* тип интеграционных связей.

На интегративном уроке при изучении конкретного произведения или темы привлекаются сведения из самых разнообразных учебных предметов. Структура занятия напоминает собой «ромашку», в центре которой текст, а её «лепестки» – материал предметов, объединённый на уровне содержания, методов, способов и форм деятельности. Перечислим этапы такого занятия.

I. Вступительный этап.

1. Определение проблемы через слово–текст–образ–мысль.
2. Эмоциональная настроенность на решение проблемы.
3. Определение правил взаимодействия.
4. Организация пространства общения.
5. Определение темы и целей урока.

Девиз этапа: «Я мыслю – значит, я существую».

II. Творческо-аналитический этап.

1. Коллективный анализ изучаемого материала через построение схем-опор, планов, проектов, презентаций (опережающее домашнее задание).
2. Обретение опыта сотрудничества, состязания, созидания.
3. Полемические исследования, основанные на тексте. Отбор текстов, передающих ценностные смыслы различных эпох – важное условие достижения образовательных целей. К текстам обязательно формулируются проблемные вопросы, творческие задания.

Девиз этапа: «Я смогу, я сумею, я научусь».

III. Личностно-рефлексивный этап.

1. Применение полученных знаний на практике через соотнесение, соизмерение, сопоставление, сомнение и др.
2. Собственное самосовершенствование через письменный или устный анализ своих действий и действий участников группы.
3. Комфортное сотрудничество учителя и ученика, помощь другим участникам группы.

Формы:

- а) мини-дискуссия;
- б) устный «поединок»;
- в) формулировка собственных суждений;
- г) тренинги и др.

Девиз этапа: «Сделал сам – помоги другому».

IV. Рефлексивно-оценочный этап.

Представление своей работы в форме:

- а) индивидуального или коллективного проекта;
- б) творческого отчёта;
- в) авторского текста;
- г) схем и рисунков.

Девиз этапа: «Я не хуже других, но я и не лучше других».

V. Рефлексивный этап.

Определение смысловой составляющей урока:

Я понял, что...

Я научился...

Мне ещё необходимо повторить...

Девиз этапа: «Я смогу лучше».

Желание участников разобраться со смысловым пониманием текстов рождает вопросы, которые они задают себе сами, помимо вопросов учителя. Успех диалога зависит от того, насколько точно поставленный вопрос выводит в ту область поиска, где может быть найден ответ. Внешне это выглядит как постановка и разрешение проблемы. Участники: ищут, рассуждают, выстраивают логическую цепочку с оглядкой на текст и реалии эпохи. Ведут диалог с другим (автором) текста; диалог со своим «я»; диалог с другими участниками. Идёт погружение в сплошной поток культуры, основные ценности которой постигаются через смыслы текста по условно-графической схеме урока. Схема включает работу над текстом, создание образа, конкретизацию обстоятельств, указание поступка, определение ценности и, наконец, уяснение её смысла непосредственно в ходе диалога.

Какие же цели помогает реализовать на уроке технология «Диалог культур»?

1. Формирование умения постигать через смыслы системы ценностей.
2. Развитие способности проведения мысленного эксперимента, умения работать с текстом, картиной, музыкальным произведением.
3. Расширение эмоционально-нравственного поля личности.
4. Создание атмосферы духовности.
5. Формирование диалогического сознания и мышления.
6. Обновление предметного содержания.

Таким образом, обучение строится не на основе известных фактов, а на базе реальных текстов и объектов культуры. Уроки помогают искать волнующие всех участников вопросы и решать проблемы, благодаря чему может сформироваться собственный смысл изучаемого материала. Также имеется возможность перерабатывать учебный материал в систему проблемно-коллективных вопросов и задач, что предполагает возвышение их до общечеловеческих проблем через написание научно-практических работ и успешное участие в олимпиадах. Ещё создаются условия для проектирования способов взаимодействия участников диалога, их возможных ролей и условий их принятия другими учащимися и учителем. Выявляются зоны импровизации, при которых трудно заранее предусмотреть поведение его участников. Все участники диалога не решают проблему, а углубляют её и выводят на вечные проблемы бытия. На таком уроке учитель – друг учащихся и координатор их деятельности. Ученик же понимает, что понятие «культура» включает в себя умение вслушиваться, вглядываться, вчитываться, осмысливать своё «я».

Н. Н. САМЕЦ,

учитель русского языка и литературы

ГУО «Средняя школа № 139», г. Минск, Республика Беларусь

Рабочая тетрадь

Слитно-дефисно-раздельные написания

Правописание сложных имён прилагательных

1. Прочитайте и озаглавьте текст. Спишите, раскрывая скобки. Объясните слитно-дефисное правописание сложных прилагательных.

Двенадцатый век – время сложное в русской истории. В поисках лучшей жизни массы людей устремились из Киевской Руси на (северо)восток, в края непроходимых лесов и (полно)водных рек. Центром (северо)восточной Руси стало (Владимиро)Суздальское княжество. (По Г. Фомичёву).

2. К прилагательным из левого столбика подберите существительные из правого столбика, согласуйте их в роде, числе и падеже. Запишите получившиеся словосочетания, обозначив в них главное слово. Устно объясните слитно-дефисное правописание сложных прилагательных.

Северо-восточный	машина
чёрный-пречёрный	сеть
кисломолочный	словарь
посудомоечный	ласточки
рыболовный	черёмуха
французско-русский	привкус
сизокрылый	река
бело-розовый	облака
горько-солёный	песок
глубоководный	торт
золотисто-серый	училище
красновато-бурый	цех
шоколадно-клубничный	ветер
эстрадно-цирковой	ворон
хлебопекарный	продукты

3. С данными словами составьте и запишите предложения. Графически объясните правописание сложных прилагательных. В предложениях подчеркните грамматическую основу.

1. Белоснежный, на, птица, ветке, черёмухи, сидела, дивная.
2. К, бору, тёмно-бурые, спешат, кедровки, дальнему.
3. Вороны, учат, чернокрылые, птенцов, преодолевать, своих, расстояния, дальние.
4. Оптово-торговый, мы, поехали, на, склад, воскресенье, в.
5. Морфолого-лексический, проводили, ученики, анализ, на, слов, уроке, языка, русско-го, трудных.

4. Запишите данные прилагательные в столбик, обозначьте в них корни. Рядом в скобках укажите слова, от основ которых образованы эти прилагательные.

Белоснежный, дальневосточный, древнерусский, золотовалютный, краснощёкий.

5. К каждому из данных имён существительных подберите и запишите по 2–3 сложных прилагательных. Объясните их правописание. Устно расскажите, как образованы данные прилагательные.

Сирень, листва, лимон, шоколад, облака.

6. Опишите окраску вечернего неба, используя не менее трёх сложных прилагательных. К какому стилю относится ваше высказывание? Аргументируйте ответ.

7. Из школьных учебников по истории, географии, биологии выпишите 3–5 терминов, которые являются сложными прилагательными. Объясните их правописание. Составьте и запишите с ними простые предложения. Предложения разберите по членам.

8. Расскажите, когда сложные прилагательные пишутся через дефис. Проиллюстрируйте рассказ собственными примерами. Каков тип речи вашего высказывания? Аргументируйте ответ.

9. Расскажите, когда сложные прилагательные пишутся слитно. Проиллюстрируйте рассказ собственными примерами. Каков стиль речи вашего высказывания? Аргументируйте ответ.

10. Письменно ответьте на вопрос: «Почему прилагательное *лимоннокислый* пишется слитно, а *лимонно-жёлтый* – через дефис?» Составьте и запишите с этими прилагательными словосочетания или предложения. В словосочетаниях обозначьте главное слово, в предложениях – грамматическую основу.

11. Спишите загадки, раскрывая скобки. Устно объясните слитно-дефисное правописание сложных прилагательных. Какие ещё загадки вы знаете, где употребляются сложные имена прилагательные? Запишите одну из них.

1) По узенькой дорожке бежит (долго)вязый Тимошка, его следы – твои труды. 2) (Одно)летняя трава выше двора. 3) Есть на речках лесорубы в (серебристо)бурых шубах. Из деревьев, веток, глины строят прочные плотины. 4) Бежит, гудит, в два глаза глядит, а станет – (ярко)красный глазок глянет.

Отгадки. 1. Карандаш. 2. Хмель. 3. Бобры. 4. Автомобиль.

12. Заполните таблицу своими примерами (по 5–7 слов в каждую колонку). Подготовьте ответ-рассуждение на тему «Правописание сложных имён прилагательных».

Таблица

Сложные имена прилагательные			
образованы путём сложения основ слова, одно из которых зависит от другого	образованы путём сложения основ, независимых друг от друга (можно вставить союз <i>и</i>)	образованы от существительных, которые пишутся через дефис	обозначают цвет (или оттенки цвета)

13. В сложных прилагательных *иссиня-чёрный*, *искрасна-бурый*, *изжелта-серый* поставьте ударение в первой части и разберите данную часть по составу. Сделайте вывод. С одним из сложных прилагательных составьте и запишите простое предложение, осложнённое обособленным обстоятельством. Начертите пунктуационную схему предложения.

14. Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем: «Разноцветная радуга полевых цветов», «Мой любимый научно-фантастический фильм», «Экскурсия в теплично-оранжерейное хозяйство». Используйте в своём сочинении, там, где это необходимо, сложные прилагательные. К какому типу речи относится ваше высказывание? Аргументируйте ответ.

15. Письменно объясните значение фразеологизма *желторотый птенец*. Составьте с ним простое предложение. Фразеологизм подчеркните как член предложения. Какие ещё фразеологизмы вы знаете, в состав которых входят сложные имена прилагательные? Запишите 2–3 из них.

16. Подготовьтесь к словарному диктанту. Графически объясните правописание сложных имен прилагательных.

1. Юго-восточный ветер, бледно-зелёный стебель, громоотводное устройство, вагоноремонтный завод, железобетонный мост, русско-французский словарь, умный-преумный мальчик, белково-витаминный крем, золотисто-розовый закат, светло-жёлтый ремешок, бледно-синий небосвод, чёрно-свинцовые тучи, грубовато-весёлый смех, голубоглазый малыш, галантно-вежливый ухажёр, гастрольно-концертная деятельность, разноцветные стёклышки, желторотые птенцы, длинноухий заяц, дешёвый-дешёвый костюм, дяди-Сашина удочка, документально-художественный фильм, дубово-берёзовая роща, духовно-нравственное воспитание, древнеримский император, в зимне-весенний период, изразцово-гончарный цех, канатно-подвесной мост, кровоочистительный аппарат.

2. Феодално-крепостнический строй, древнерусская литература, шахматно-шашечный турнир, пароходный гудок, газопроводная труба, северо-западное направление, сельскохозяйственные товары, социал-демократическая партия, круглогодичный санаторий, ландышево-валериановая настойка, лечебно-оздоровительный комплекс, научно-популярный журнал, лукаво-коварный взгляд, научно-технический прогресс, целлюлозно-картонный комбинат, общественно-политический деятель, кислый-прекислый соус, среднегодовая зарплата, старославянский язык, русско-английский словарь, тёмно-голубое платье, парнокопытные животные, чернобровая цыганка, определённо-личное предложение, полунасмешливая улыбка, редковолосый старик, рыже-коричневые волосы, светло-бежевый шарф, сладкозвучный голосок, судоремонтный завод, учётно-плановый отдел, бело-розовая чайка, тёти-Галин альбом.

3. Научно-фантастический роман, горько-солёный привкус, ягодоуборочный сезон, полумиллионный город, латиноамериканские танцы, ядовито-зелёный цвет, сливочно-шоколадный торт, тёмно-бурый медведь, токарно-фрезерный станок, ярко-оранжевая сумка, железнодорожный вокзал, белобокие сороки, тёмно-зелёная ель, дяди-Володин чемодан, изжелта-красная рябина, юго-восточное направление, светло-русская коса, серебристо-синяя река, широкополая шляпа, холодно-прозрачная вода, чёрносмородиновый сок, нежно-прежнее прикосновение, жаркий-жаркий день, цинично-грубое высказывание, человекообразная обезьяна, чулочно-трикотажная фабрика, электросварочный аппарат, голубоглазый малыш, декоративно-облицовочные материалы, интеллектуально-познавательный фильм, историко-архивный институт.

Л. Г. ЛАРИОНОВА
г. Ростов-на-Дону

Поэтимы

(Поэтические загадки по этимологии)

(Продолжение)

- 105.** Наставник по-латыни,
Диплом имеет ныне.
В сложеньях изменён,
Поскольку немец он.
В английском – обращение,
Ещё есть превращения:
В художествах талант,
А также музыкант.
Ответ:

Магистр – латинское *magister* 'учитель, наставник; хозяин', а также академическая степень выше бакалавра; отсюда же *мастер* 'специалист, умелец' (1229 г.), но языки-посредники указываются различные (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 2. – С. 578–579), несомненно из немецкого (*Meister*) пришёл ряд составных наименований узких специалистов *гроссмейстер* 'искусный игрок в шахматы', *полицмейстер* 'начальник полиции', *брандмейстер* 'начальник пожарных', *танцмейстер* 'учитель танцев' и др.; от того же латинского слова в разных значениях имеем *мистер* 'господин' как обращение к мужчине, а также новые сложения от английского *master* 'хозяин, глава' типа *мастер-ключ* (*master key*) 'электронный ключ от всех дверей в здании'; французское название учителя (*maître*) представлено преимущественно в живописи *мэтр* 'мастер, признанный авторитет'; а итальянское (*maestro*) – в музыке *маэстро* 'почётное наименование искусного музыканта' и проч. И этим ряд метаморфоз и переосмыслений латинского магистра не исчерпывается!

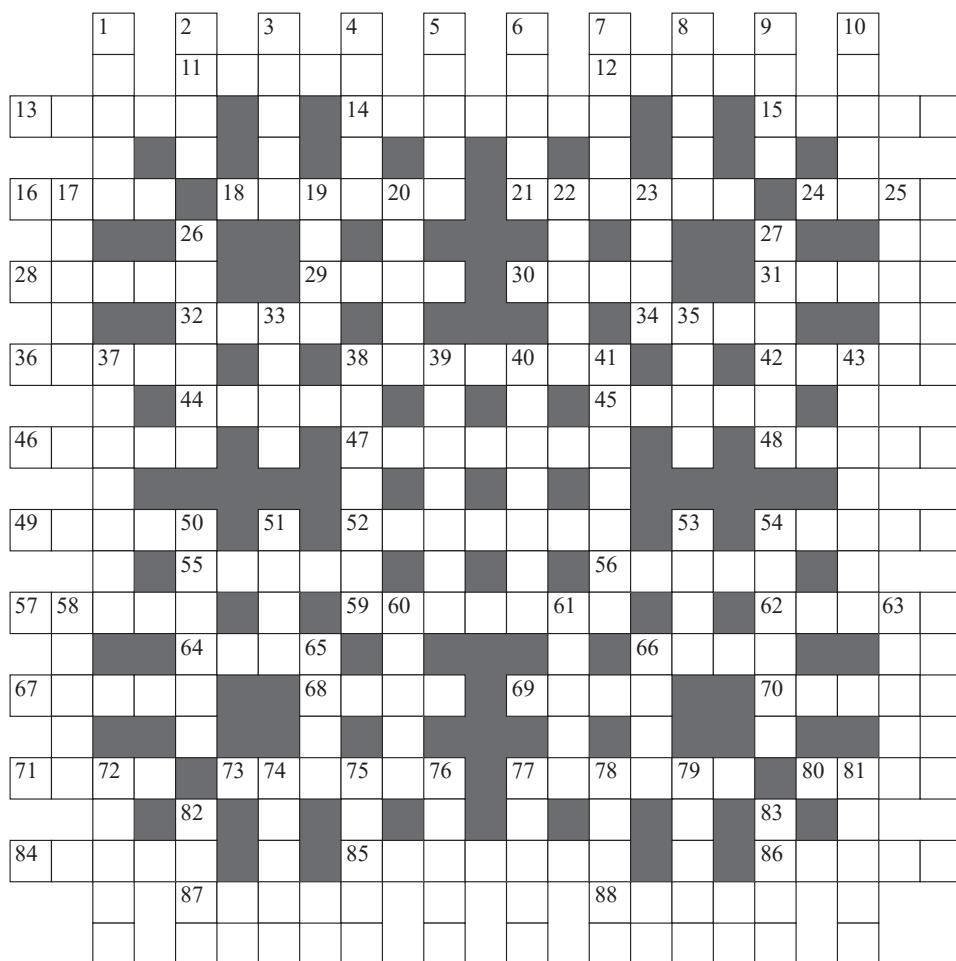
- 106.** В обличье старом – часть страны,
В позднейшем и часть города.
Бывает, что мы не равны,
Но людям равно дороги!
Ответ:

Регион 'участок суши или воды, выделяемый по ряду критериев', от латинского *regio* 'страна, область' – букв. 'то, что управляется', ср. *регулировать*; а *район* 'территориальная единица; местность; часть города' – из французского, где *rayon* 'то же' восходит прямо к предыдущему латинскому слову (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: lexicography.online/etymology).

(Продолжение следует.)

В. В. ШАПОВАЛ
Москва

Кроссворд

По горизонтали. 11. Старинный струнный смычковый музыкальный инструмент. 12. Сильная метель, снежная буря. 13. Трикотажная рубашка без рукавов и воротника с большим вырезом. 14. Писательница, автор самого длинного французского романа. 15. Итальянское мужское имя. 16. Твёрдый минерал, разновидность халцедона. 18. Загадка, в которой загаданное слово делится на несколько частей – отдельных слов. 21. Самый высокий вулканический массив Армянского нагорья на востоке Турции. 24. Устаревшее название ангины. 28. Уменьшительная форма от древнерусского названия птицы «сося». 29. Приспособление в форме гриба для защиты от дождя или солнца. 30. Солдат или офицер лёгкой конницы. 31. Нация, основное население Ирана. 32. Страшилище с огромным ртом и длинным языком, которое бродит по ночам вокруг домов и уносит непослушных детей. 34. Пустыня в Монголии и Китае. 36. 10-я буква греческого алфавита. 38. Поэт и лицейский друг Александра Пушкина. 42. О вялом, нерасторопном, безвольном человеке. 44. Резервуар для мытья или купания. 45. Шведский аналог ролла. 46. Отличительный знак на ком-, чём-либо. 47. Внешняя, показная сторона. 48. Первый роман И. С. Тургенева, написанный в 1855 г. 49. Удар кулаком. 52. Дети. 54. Один из основателей постмодернизма в русской литературе. 55. Город и порт на северо-востоке Швеции. 56. Промышленный городок на востоке Свердловской области.

57. Длинная игла для вязания. **59.** Дикая местность в Северной Америке. **62.** Промышленное предприятие. **64.** Мелкая разменная английская монета. **66.** «Земля инков». **67.** Тонкая пластинка дерева. **68.** Город в Йемене. **69.** Металлический шар для толкания. **70.** Четвёртый по величине город Германии. **71.** Река в Ярославской области. **73.** Стекланный сосуд цилиндрической формы. **77.** Фамилия героини одноактной оперы Н. Римского-Корсакова. **80.** Церковь в честь Спасителя. **84.** Автор оперы «Травиата». **85.** Одноконный двухколёсный экипаж. **86.** Лицо, стоящее во главе факультета в высшем учебном заведении. **87.** Распространенное на территории Украины и Белоруссии женское имя, пришедшее из греческого языка. **88.** Провинция Демократической Республики Конго.

По вертикали. **1.** Подвесная постель из парусины. **2.** Очертание в виде вытянутого круга, в форме яйца. **3.** Село в Заполярном районе Ненецкого автономного округа России. **4.** Ящик, шкаф для хранения денег и ценных бумаг. **5.** Сердитый, злой человек. **6.** Богослужебный обряд. **7.** Город в Испании. **8.** Село в Республике Марий Эл. **9.** Женщина по отношению к рождённым ею детям. **10.** Узкая полоска ткани. **17.** Бурное ненастье с дождём, громом и молниями. **19.** Декоративный кустарник с крупными ароматными цветками разнообразной окраски и со стеблями, покрытыми шипами. **20.** Французская средневековая разменная монета. **22.** Спортивное соревнование на специально подготовленных автомобилях или мотоциклах. **23.** Место боя при соревновании по боксу. **25.** Стихотворение нравоучительного или сатирического характера, иносказательно изображающее людей и их поступки. **26.** Развлечение. **27.** Самая большая планета Солнечной системы. **33.** Шахматная фигура с головой лошади. **35.** Пятый по величине город Финляндии. **37.** Темнота; отсутствие света, освещения. **38.** Яркий представитель «гусарской поэзии». **39.** Русский художник, мастер пейзажа. **40.** Искусственный шёлк. **41.** Разрывной снаряд. **43.** Автор картины «Свежий кавалер». **50.** Род крышки, прикрывающей отверстие в каком-либо механизме, через которое проходит пар, жидкость или газ. **51.** Дерево с широкими резными листьями. **53.** Собирательное числительное. **54.** Противотанковый гранатомёт. **58.** Автор романа «Мадам Леско». **60.** Героиня цикла древнегреческих мифов и сказаний. **61.** Французский писатель и библиофил эпохи романтизма. **63.** Женская форма мужского имени Олег. **65.** Продукт неполного сгорания топлива, чёрный налёт. **66.** Спортивная командная игра в мяч клюшками верхом на лошадях. **72.** Предмет для измельчения трением. **74.** Город в Ленинградской области. **75.** Пояс (обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура). **76.** Последний император Римской империи. **77.** Ночное сборище ведьм, колдунов. **78.** Черта, проведённая на какой-либо поверхности от одной точки к другой. **79.** Позумент. **81.** Грубое волокно, получаемое как отход в процессе обработки льна. **82.** Большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота. **83.** Сын фиванского царя Лая и его жены Иокасты, один из самых трагических героев греческих мифов и драм.

О Т В Е Т Ы Кроссворд (2021. – № 2)

По горизонтали. **3.** Халиф. **6.** Келья. **9.** Монино. **11.** Леонид. **12.** Миндаль. **14.** Рубище. **15.** Гвинея. **16.** Губенко. **17.** Алиса. **20.** Враль. **25.** Косяк. **29.** Легион. **30.** Пролив. **31.** Стекло. **32.** Сирена. **33.** Медное. **35.** Трифон. **36.** Суета. **37.** Песок. **38.** «Гараж». **43.** Аллегро. **44.** Эридан. **45.** Понары. **46.** Величка. **49.** Череда. **50.** Крушец. **51.** Псать. **52.** Хохол.

По вертикали. **1.** Галеон. **2.** Сильва. **4.** Конура. **5.** Бикини. **7.** Полина. **8.** Вигель. **10.** Омега. **11.** Льгов. **13.** Джерси. **18.** Лансере. **19.** Салерно. **21.** Розетка. **22.** Лопатка. **23.** Перец. **24.** Лиана. **25.** Колос. **26.** Книга. **27.** Корин. **28.** Хитон. **34.** Петефи. **37.** Персей. **38.** Сидней. **39.** Канва. **40.** Топак. **41.** Рангун. **42.** Журден. **47.** Лесков. **48.** Чёрное.

Русский язык в школе и дома. 2021. № 3. 1–24

Редакция:

Т. А. Боброва, А. Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная вёрстка – К. В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8 (495) 671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© ООО «Наш язык». 2021

Я не прожил, я протомился...

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

(К статье Е. А. Пановой)

